

Геннадий Самуилович Прыйгин

Доктор психологических наук, профессор.
Профессор кафедры социально-гуманитарных наук,
Набережночелнинского института Казанского
(Приволжского) федерального университета.
Автор более 180 научных и методических работ.
В том числе, учебного пособия «Основы
психодиагностики», монографий: «Психология
самостоятельности», «Неклассическая психология»,
«Субъект и его реальность».

«... в каждом акте познания присутствует страстный
вклад познающей личности и эта добавка –
не свидетельство несовершенства, но наущно
необходимый элемент знания. Вокруг этого
центрального факта я попытался создать систему
согласованных взглядов, которых я искренне
придерживаюсь и для которых не вижу никаких
приемлемых альтернатив. Но, в конечном счете,
эти убеждения поддерживаются лишь моей
собственной к ним приверженностью, и это –
то единственное их основание, которое я могу
предложить читателю»
(М. Полани, 1985).

информационная теория психических явлений

Г. С. Прыйгин

Г. С. Прыйгин

информационная теория психических явлений

Г. С. ПРЫГИН

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ
ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ**

МОНОГРАФИЯ

Набережные Челны - 2025

УДК 159.9.01
ББК 88.6
П85

Автор:
Прыгин Г.С., доктор психологических наук, профессор

Рецензенты:
Мазилов В. А., доктор психологических наук, профессор
Юсупов И. М., доктор психологических наук, профессор

П85 Информационная теория психических явлений. Монография / Г. С. Прыгин. – Казань: ММСИП, 2025. – 240 с.

ISBN 978-5-6053828-8-1

Представленная в монографии информационная теория психических явлений, основана на парадигме и методологии, изложенной ранее в работе "Неклассическая психология: психология субъектной реальности" (2018 г.). Такой подход дал возможность обосновать новое понимание категории "Информация". Главный акцент делается на качестве информации, изменяющемся в модальностях: "идеальное" - "материальное". Сообразно этому выделены следующие ее виды: "идеальная информация", "психоинформация" и "нейроинформация". Основой теории является центральная категория "Психоинформации", позволяющая подойти к объяснению проблем взаимодействия материального и психического (в обыденном понимании "души" и "тела") и "трудной проблемы сознания". Выдвигается и доказывается гипотеза о том, что категория "Психоинформации" является критерием, позволяющим отделять идеальные психические явления от явлений "квазипсихических".

Книга адресована научным работникам и специалистам в области философии, психологии, физики, а также может быть рекомендована аспирантам и магистрантам соответствующих специальностей, студентам гуманитарных факультетов, как учебное пособие по курсу "Методологические основы психологии"; она может быть также полезна и более широкому кругу лиц, интересующихся современными вопросами философии и методологии науки.

© Прыгин Г. С., 2025

*Моим родным, любимым
посвящается*

ОГЛАВЛЕНИЕ

О ВЕЧНЫХ ПРОБЛЕМАХ И СТОЛЬ ЖЕ ВЕЧНЫХ ПОПЫТКАХ ИХ РЕШЕНИЯ	6
О КНИГЕ Г. С. ПРЫГИНА «ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ»	20
О КНИГЕ Г. С. ПРЫГИНА (И НЕ ТОЛЬКО...).....	21
ОТ АВТОРА	23
ВВЕДЕНИЕ. В КАКОЙ РЕАЛЬНОСТИ СУЩЕСТВУЕТ ЧЕЛОВЕК?	59
Глава 1. О ПОНЯТИЯХ «ЭНЕРГИЯ» И «ИНФОРМАЦИЯ» С ПОЗИЦИИ ПСИХОЛОГИИ	69
§1.1. О корректности понятия «психическая энергия»	69
§1.2. «Информация» как общенациональная категория.....	78
§1.3. Категория «информация» и особенности ее применения в психологии	90
Глава 2. АКСИОМАТИЧЕСКИЙ МЕТОД КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННОГО ПОХОДА К ПСИХИЧЕСКИМ ЯВЛЕНИЯМ	100
§2.1. Пять постулатов как основа для разработки информационной теории психических явлений	100
§2.2. Атрибутивные характеристики «Идеальной информации», «Психодинформации», «Нейроинформации».....	106
Глава 3. ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «МАТЕРИАЛЬНОГО» И «ПСИХИЧЕСКОГО»	112
§3.1. Феноменология двухуровневого сохранения психоинформации	112
§3.2. Принцип синхронистичности как средство межуровневого взаимодействия	119
§3.3. Синхронистичность как основа «Психодинамического информационного кольца»	125

Глава 4. ИНФОРМАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ	129
§4.1. Об индивидуальном сознании: «Поток сознания»	129
§4.2. Об индивидуальном сознании: «Проблема квалиа»	137
§4.3. Проблема феноменологии понятий: «детерминизм», «причинность», «психологическая причинность».....	144
§4.4. Принцип синхронистичности в концепции индивидуального сознания	149
Глава 5. ОБ ИДЕАЛЬНОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ.....	153
§5.1. Бессознательное с позиции К. Юнга.....	156
§5.2. Анализ содержания личного бессознательного с позиции психоинформации. Закон «информационной психодинамики»	160
§5.3. Выводы.	175
Глава 6. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПСИХОИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ П.К. АНОХИНА	179
§6.1. Введение	179
§6.2. Процесс «мыслетворчества»	183
§6.3. Субъективно-эмпирические явления как «финальный механизм» процесса принятия решения.....	185
§6.4. Феномен принятия «неосознанных» решений	194
§6.5. Выводы	195
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	199
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	208
ПРИЛОЖЕНИЕ А. ВОЗМОЖНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОСНОВНЫХ ВИДОВ РЕАЛЬНОСТЕЙ	216
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ВЫРАЖЕНИЙ..	218

О ВЕЧНЫХ ПРОБЛЕМАХ И СТОЛЬ ЖЕ ВЕЧНЫХ ПОПЫТКАХ ИХ РЕШЕНИЯ

"Каждый выхватывает свой собственный фрагмент мира и сооружает для своего частного мира собственную частную же систему, зачастую с герметическими стенами, так что через некоторое время ему кажется, будто он познал смысл и структуру мира. Конечное никогда не обоймет бесконечное. Мир психических явлений есть лишь часть мира в целом, и кое-кому может показаться, что как раз в силу своей частности он более познаем, чем весь мир целиком. Однако при этом не принимается во внимание, что душа является единственным непосредственным явлением мира, а, следовательно, и необходимым условием всего мирового опыта"

Карл Юнг

Я хорошо помню февральское утро далекого уже 2018 года, когда приступил к написанию предисловия к книге Г. С. Прыгина «Неклассическая психология: психология субъектной реальности» [1]. Более того, я помню свои чувства, в которых доминировало *удивление*: кто бы мне раньше сказал, что я когда-то буду писать вступительную статью к книге, где речь, в частности, идет о квантовой физике, о которой у меня вполне дилетантское представление?! Успокаивал себя тогда, помнится, тем, что все же эта книга о *психологии*, пусть и неклассической... И вот минуло семь лет, я снова пишу предисловие - уже к третьей книге Прыгина, посвященной развитию его идей о неклассической психологии. И уже не удивляюсь... Конечно, я хорошо понимаю, что приводить цитаты из собственных старых текстов совсем не *comme il faut*, противоречит классическому канону, но ведь и психологические взгляды автора - Г. С. Прыгина - вполне неклассические! Поэтому все же приведу небольшой фрагмент - самое начало той вступительной статьи 2018 года: «Начну с самого главного. Я искренне рекомендую для про-

чтения эту книгу. Потому что это больше, чем просто новая хорошая книга по психологии. Это событие в научной психологии, причем событие знаковое. Это событие, знаменующее наступление нового этапа в развитии психологии, появление нового взгляда. Я предвижу, что многим из тех, кому эта книга попадет в руки, захочется ее отложить. И вовсе не потому, что книга плоха (я только что написал, что она хорошая). Она ломает стереотипы и рушит привычный мир. Кому-то не захочется про это читать: «какая там квантовая физика, я в ней ничего не понимаю!». Другому помешают прочесть неотложные внезапно навалившиеся дела. Мы все немного психологи и слышали о защитных механизмах. Карл Юнг бы, вероятно, сказал, будь он жив, что виною этому древний мизонеизм - страх перед новым, неизведанным. Рекомендую это сделать - преодолеть этот мизонеизм и обратиться к осмыслению перспектив психологии. Могу сказать, что, по моему мнению, Юнгу бы эта книжка понравилась – она вполне в его духе. Уже одно это дорого стоить. Г. С. Прыгин выступает в своей книге не как экскурсовод, а как сталкер, проводник, показывающий нам, в чем именно этот новый взгляд состоит. Тем более, что с ролью Вергилия Геннадий Самуилович справляется прекрасно: у него дар уметь говорить просто и доходчиво об очень сложных проблемах» [1].

Приведены эти строки лишь потому, что они *полностью применимы* и к новой книге Г. С. Прыгина, повторяться нет смысла. Я рекомендую для прочтения и эту книгу! Конечно, степени и эпитеты могли бы быть усилены, поскольку тезисы и аргументация автора несомненно претерпели развитие, стали еще убедительнее; им разработаны и подробно изложены в новой книге такие психологические теории, которые семь лет назад было невозможно даже предугадать. Однако, об *авторском подходе* Г. С. Прыгина, представляется, было сказано уже тогда, он - авторский подход - сохранился, хо-

тъ нельзя не отметить, что исследователь пришел к новым и во многом неожиданным, порою парадоксальным выводам. *Новизна и оригинальность* идей новой книги свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что подход был Г. С. Прыгиным сконструирован удачно. Результаты изложены в книге, которая перед читателем, ему о ней и судить. Единственное, что посоветую дополнительно – включить механизмы совладающего поведения на полную мощность и попытаться все-таки прочесть эту книгу, благо написана она лапидарно и с большим уважением к потенциальному читателю. Правда, легкого чтения не обещаю, поскольку понимание предложенных идей потребует, как представляется, мобилизации интеллектуальных ресурсов читателя.

Первая мысль, которая приходит в голову при знакомстве с новой книгой профессора Прыгина, это соображение о *прогрессе психологии*. За многие годы нахождения-пребывания в сфере отечественной психологии мне не раз приходилось писать предисловия к книгам как коллег и друзей, так и к публикациям психологов прошлого. Однако, эта книга, вышедшая из-под пера Геннадия Самуиловича Прыгина, все же книга особая. Тем не менее - все по порядку, вначале о *прогрессе психологии*. Когда автор настоящих строк начал интересоваться вопросами психологии - это было самое начало семидесятых годов ушедшего века, книг психологической тематики было очень мало, все они были на виду. Достаточно - чтобы сравнить - зайти сегодня в большой книжный магазин, чтобы увидеть: книг по психологии такое изобилие, что найти нужное и интересное совсем непросто - на десятках стеллажей, в красивых обложках, с заманчивыми, обещающими многое названиями стоят тысячи изданий... Более того: если приглядеться, то окажется, что многое на полках к психологии имеет отношение, скажем мягко, косвенное. Однако, прогресс стоит увидеть не в изобилии томов, а в том, что

книга, подобная той, которую читатель держит в руках, *не могла быть написана и издана* в то время (хоть оно - *то время* (в силу возраста автора этого предисловия) - неизбежно овеяно ореолом романтики). Прогресс, видимо, в первую очередь, состоит в создании *новых контекстов*, что дает возможность ставить новые задачи. К этому тезису мы, несомненно, в настоящем тексте вернемся. Лишь скажем, что тогда - полвека тому назад - книги о *субъектной реальности* - появиться не могло ни при каких обстоятельствах. Заметим, что уже только поэтому книга Г. С. Прыгина вне сомнений и современна, и актуальна (воздержусь здесь от развертывания соответствующей аргументации), поскольку дальнейший текст, как представляется, возможно, восполнит этот пробел.

И еще один предваряющий, но тем не менее важный момент. Я полагаю, не только мне приходит в голову мысль о *вечности*, когда в руки попадает книга, подобная той, которая сейчас перед читателем – «Информационная теория психических явлений», написанная Г. С. Прыгиным. Прежде, чем погрузиться в содержание высказанных автором книги идей, представляется значимым высказать одно общее соображение. Книга посвящена теории психических явлений, а, следовательно, является продолжением *Великого проекта Аристотеля*. Под проектом Аристотеля имеется в виду традиция, начало которой положено великим греком: «Признавая всякое знание делом прекрасным и достойным уважения, но в то же время ставя одно знание выше другого, или как более трудное, или как относящееся к предметам более возвышенным и удивительным, мы должны, по обеим этим причинам, справедливо дать исследованию о *душе* одно из первых мест (*Курсив мой – В.М.*). Кажется, также, что знание души весьма много способствует познанию всей истины, в особенно же познанию природы, так как душа есть как бы основа всех живых существ» [2, с.7-8]. Многие психологи XXI столетия не

подозревают, что являются участниками проекта, иницииированного Аристотелем много столетий назад. И пока существует психология, претендующая на *исследование человеческой души*, они - эти психологи - являются участниками, продолжателями и наследниками этого Великого проекта. (Должен поправить себя - конечно же, за исключением тех, кто привычно проводит психологические исследования, чтобы представить их результаты, не утруждая себя ответами на «лишние» вопросы, выходящие за рамки предписанного стандарта).

Впрочем, вероятно, достаточно вступительных замечаний, поскольку уже сделанные - про *прогресс* и про *вечность* - некоторым образом входят в противоречие, но они, возможно, окажутся полезными при дальнейшем обсуждении книги, пока же обратимся к тексту Г. С. Прыгина.

Сам автор, Г. С. Прыгин хорошо понимает масштаб поставленных им проблем. Характеризуя свой подход, автор отмечает, что «в первой работе была обозначена как центральная для психологии проблема «реальности» и ее взаимоотношение с «психическим». Определить эту проблему как центральную, позволяет тот факт, что методологический кризис, который уже более трехсот лет не дает развиваться психологии в соответствии с ее этимологией как «науке о душе», проистекает из более глубокой общенаучной проблемы взаимоотношения между материей и духом (проблемы больше известной, как «психофизическая проблема»). Это одна из центральных философских проблем, существующая уже тысячи лет, а ее суть, как известно, состоит в понимании природы реальности и человеческого сознания и в определении первичности одного из них»¹. Автор продолжает: «Несмотря на то, что эта проблема *общенаучная*, она для всех естественных наук является косвенной, так как их

¹ Здесь и далее приводятся фрагменты книги Г. С. Прыгина «Информационная теория психических явлений»

главные интересы направлены исключительно на общепризнанную объективную реальность, под которую «заточен» весь их исследовательский арсенал. В максимальной степени эта проблема затрагивает психологию, поскольку из всех существующих наук, именно она призвана ответить на такие фундаментальные вопросы, как: что есть душа, сознание (психическое, как нечто «целостно-сущностное»), а также предложить свои подходы к решению проблемы взаимоотношения материи и духа. Убежден, что ни на один из этих проблемных вопросов нельзя ответить, если вначале не определиться с тем, какую реальность исследуют психологи, является ли эта реальность единственной, какие методы ее изучения (или других реальностей, если таковые будут признаны, хотя бы на уровне постулатов) можно включить в научный арсенал психологии».

Здесь впору вспомнить о прогрессе и о вечных проблемах, которые выше упоминались: проблемы остаются, акценты смещаются, появляются новые контексты. В. А. Лекторский справедливо замечает: «Интенсивно и успешно развиваются когнитивные исследования, куда входят ряд дисциплин: когнитивная психология, когнитивная нейронаука, изучающая мозг, разработки в области искусственного интеллекта и другие. А для них основными проблемами являются проблемы философские. Разработка этих когнитивных проблем претерпела определенную эволюцию. Сейчас среди них наиболее популярный подход - это подход 4Е. Если вы берете просто психику и внешний мир, из которого идет информация, и пытаетесь их понять, как это пытались понять раньше, вы ничего не поймете. Нужно понять простую вещь - дело не в отношении психики мира и сознания мира, а в том, что это сознание не как отдельная реальность существует, а оно включено в жизнь человека, в его взаимодействие с этим миром. Это нужно понимать сознание и познание (1) как «отелесенные», (2) как связанные с действием, (3) включен-

ные в мир, (4) расширенные, связанные с культурой, с ее предметами. Все эти идеи, постепенно осваиваемые сейчас, есть у Рубинштейна в книге «Человек и мир», которая является интересной и современной» [3, с. 11]. Вероятно, не будет лишним маленький комментарий, за который меня, надеюсь, простит хорошо информированный читатель. 4E Cognition - междисциплинарное направление в науке, которое изучает познание, выходя за рамки традиционных представлений. 4E означает: embodied (воплощенное), embedded (встроенное), enactive (осуществляемое), и extended (расширенное).

В многовековом проекте, таким образом, на наших глазах происходят существенные изменения. Но новая книга Г. С. Прыгина вносит *свой вклад* в эти перемены интеллектуального климата, создает *новый контекст*, и, возможно, это более радикальное изменение, чем упомянутое выше. Этот вклад ученого связан, на мой взгляд, с переосмыслением категории *реальность*.

Важно, как мне кажется, подчеркнуть и позитивно оценить саму направленность подхода Г. С. Прыгина - как нацеленность на раскрытие фундаментальных вопросов, относящихся к философии, так и то, что автор остается именно психологом, причем последовательным психологом. Отмечу, что автор выступает в своей работе и как философ, и как психолог, в значительной степени продолжая традицию С.Л. Рубинштейна, но, конечно, реализуя *свой собственный подход*. Несомненно, это требует отваги, поскольку происходит обращение к вечным, но «закрытым» вопросам философии и психологии. В первой своей книге автор широко цитирует С. Л. Франка - философа и психолога. Здесь уместно вспомнить другого русского мыслителя С. Н. Трубецкого, который известен как философ, но, несомненно, был и выдающимся психологом, *философским психологом*. С. Н. Трубецкой начинает свою статью рассуждением о вечных "закрытых" вопросах философии: "Над ними долго и упорно

бились, иногда в течение целых веков, и разошлись, не примирившись и не достигнув соглашения. Но чтобы не возобновлять бесплодной и утомительной борьбы, противники как бы вступают в безмолвное соглашение - молчать о главном, об общей вине своей. Подразделяя вопрос на множество частных пунктов, они сражаются на этих пунктах, обходя первоначальную причину спора. От времени до времени бывает, однако, полезно припомнить ее, сдунуть пепел с тлеющего угля" [4, с.483]. И далее: "В наш "век вопросов" столь многие из них потому и остаются без ответа, что они претендуют на самостоятельное значение и обсуждаются независимо от других, более существенных. И прежде чем испытать какие бы то ни было теории, отвечающие на различные вопросы, мы должны испытать самые эти вопросы. Ибо истинный ответ получает лишь тот, кто верно и хорошо спрашивает. Есть требования и от вопросов; и только выполняя эти требования, они становятся объективными, истинными вопросами. Истинный вопрос не измышляется и не загадывается, но составляет открытие; он определяется логически и исторически как природой исследуемой вещи, так и тем, что ранее было известно о ней" [4, с.483]. Добавлю только, что процитированная работа была опубликована в первом номере знаменитого журнала "Вопросы философии и психологии" (кн.1 за 1889 год).

Эта цитата приведена для того, чтобы подчеркнуть - Г. С. Прыгин не молчит «о главном», настойчиво заявляя, что центральное звено находится именно здесь. Однако все дело в том, что важно не только «сдунуть пепел», важно понять - происходит *реальный прогресс*, причем имеется в виду *наука в целом* - без узких рамок дисциплинарных границ. Видимо, для осуществления такого интеллектуального действия нужно соединить и качества специалиста-психолога, и философа... Как представляется, трагедия гениев в науке заключается, в частности, в том, что, *опережая время* в какой-

то предметной области, гений вынужден использовать и опираться на материал другой дисциплины, которая находится на уровне *современности*. Поэтому, на мой взгляд, так важны переклички, сопоставления тенденций в различных дисциплинах, устанавливающие необходимые отношения. В этом видится одно из обстоятельств, повышающих значение новой работы Геннадия Самуиловича, поскольку представлен оригинальный *синтетический* подход.

Мне представляется, что новая книга - помимо всего прочего - дает яркий пример позитивного научного сотрудничества в области методологии между физикой и психологией. Впрочем, об этом пусть судит внимательный читатель этой книги - не место в предисловии дискуссиям.

Хотелось бы отметить, что книга имеет и еще одно значимое достоинство, которое не стоит недооценивать. Она знакомит читателя с современными естественнонаучными и философскими теориями. Вряд ли сильно ошибусь, если выскажу предположение: многие психологи и сегодня привычно рассматривают «*информацию*» в старом шеноновском смысле, резонно полагая, что от этого понятия психология вряд ли сильно выиграет. Думаю, что книга Прыгина способна в значительной степени скорректировать представления читателя, в частности, задуматься над ролью понятия *энергия* в современной науке. Замечу только, что за последнее столетие понятие «*энергия*» также претерпело существенные изменения: это совсем не та энергия, о которой рассуждали в начале прошлого столетия в связи с кризисом физики. Известно, что психологи зачастую не утружддают себя ознакомлением с происходящим в других научных дисциплинах.

Если читатель ожидает от данного текста анализа конкретных положений концепции Г. С. Прыгина, то этого, конечно же, не будет. Автор настоящих строк разделяет уважительное отношение ав-

тора книги - Г. С. Прыгина - к читателю: вряд ли читающему нужны какие-либо комментарии, когда у него есть возможность вынести собственное суждение. Поэтому ограничусь некоторыми общими соображениями, появившимися при прочтении книги.

Как хорошо известно, в психологии наличествует множество различных подходов и теорий разного уровня. Не менее известно, что многие концептуализации в действительности теориями не являются. Точнее, эти концептуализации соответствуют широкой трактовке термина теория: «Новая философская энциклопедия» различает теорию в узком и широком смысле: «в широком смысле комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле - высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности - объекта данной теории» [5, с. 42].

Несомненным достоинством книги является то, что автором предложена именно *теория* в узком и специальном смысле этого слова: основания ее четко формулируются, правомочность тех или иных положений тщательно и многогранно обсуждается.

Короче говоря, совет, сформулированный выше - читать эту книгу - может быть повторен еще раз.

Нельзя обойти стороной еще один вопрос, который напрашивается, тем более, что несколько дней назад мы отметили 150-летие со дня рождения Карла Густава Юнга. Великий швейцарец, разумеется, ни в каком представлении не нуждается, тем более, что Г. С. Прыгин многократно и в разных отношениях на его труды ссылается. Это важно, поскольку обращается автор книги к теоретическим работам Юнга, которые в российской психологии (да, похоже, и в западной) мало известны и, соответственно, не оценены по достоин-

ству [6]. И, конечно же, нельзя не упомянуть знаменитый, но мало осмысленный юнговский принцип *синхронистичности*. Психологи любят это красивое слово, но крайне редко используют в своих теоретических работах. Работа Г. С. Прягина - исключение. Не имея возможности здесь обсуждать эти вопросы, скажем лишь, что Г. С. Прягин не только смело рассматривает юнговские положения, не только не скован мнением авторитета, но и открыто полемизирует с положениями классика психологии. К примеру, согласно теории Прягина, индивидуальное сознание представляет собой не психический, а «квазипсихический» феномен, что явно противоречит распространенному мнению. Однако, как выше отмечалось, представленная в книге концепция, является полноценной теорией, с которой приходится считаться, поэтому тот или иной вывод - сколь бы необычным он кому-то не показался - вытекает из общей теоретической картины. Парадоксальных или неожиданных решений в книге много. И сама книга не обещает легкого чтения, в том числе и потому, что используется новая терминология (психоинформация, нейроинформация, идеальная информация и т.д.), выводятся и формулируются новые законы и пр. Выше я уже отмечал уважительное и внимательное отношение автора к потенциальному читателю. Проявлением уважения к читателю, на мой взгляд, является выраженное стремление автора к четкому определению каждого используемого понятия, указание его роли и функции в общей схеме и в разработанной теории. В этом смысле неоценимую помощь читателю оказывает раздел монографии «От автора», в котором дается краткое изложение теории, предваряющее основной текст, а также словарь «Терминов и выражений», представленный в приложении Б.

На мой взгляд, разработка психологической теории дорогостоящее, тем более, что, согласно Юнгу, - и это принципиально важно - решить такого рода вопросы может *только психология*. Устране-

ние этих задач, а это неизбежно при редукции психологии как науки с ее предельными вопросами к совокупности исследований ставит искусственный предел развитию человеческого знания. Как говорили в подобных случаях раньше, это больше чем преступление - это ошибка. И в этом отношении теория Г. С. Прыгина представляет собой шаг на пути к той психологии, которая сможет дать человеку то, что ему необходимо - «явить такую вдохновляющую и захватывающую идею, которая принесла бы ему успокоение, так необходимое перед лицом опасностей, угрожающих миру» (К.Г. Юнг). И это должна сделать - рано или поздно - именно психология, поскольку «нет ни одной точки зрения, расположенной выше или ниже психологии, с которой мы могли бы вынести однозначное суждение о природе психики» (К. Г. Юнг). Иначе она - психология - будет очень далека от жизни [6].

И еще один момент, который стоит обозначить в этом кратком предисловии, момент, имеющий значение для методологии и будущего психологической науки. Состоит он в утверждении о *нефинальности* современной психологии. Юнг, как вероятно никто другой, прекрасно понимал темпоральность развития психологической науки, что решение задач, стоящих перед психологией, требует времени. По его трудам рассеяно множество замечаний, касающихся вопросов, на которые сейчас у психологии нет ответа, но возможно или вероятно их получение в будущем. Важно понимать, что получить ответы можно только в том случае, если пытаться их найти. Тайна сохраняется.

Как понял проницательный читатель, это ответ автора настоящих строк, является ли теория Г. С. Прыгина окончательной, то есть разрешающей вечные проблемы. Конечно, же нет, поскольку проект Аристотеля будет продолжаться, он будет длиться, покуда существует психология как *фундаментальная научная дисциплина*. Пре-

красно сформулировал это выдающийся отечественный методолог, опубликовавший книгу о сознании и творчестве. В авторском предисловии он пишет, что это «... книга, посвященная двум тайнам - сознанию и творчеству, которые вместе, возможно, составляют общую или единую тайну» [7, с. 11]. В.П. Зинченко предупреждает: «Не буду вводить в заблуждение: по прочтении книги тайна таковой и останется, разве что со следами авторских прикосновений. Не все из них носят мои отпечатки. Есть и другие, принадлежащие заслуженным собеседникам» [7, с. 11]. И как совет читателям: «... тайну надо полюбить, тогда она, возможно, поближе подпустит к себе. Однако не надо обольщаться, ибо ничто не вечно под луной, кроме вечных проблем бытия и сознания» [7, с. 11]. Как бы то ни было, отпечатки прикосновений Г. С. Прыгина, значительны и существенны, а это весомое основание для того, что прочесть его книгу и задуматься над тайнами мироздания и человеческой души.

Завершить это краткое вступление мне хочется словами Карла Юнга, великого психолога, который позволил нам расширить и углубить взгляд на природу человеческой души: "Очень важно иметь тайну, или предчувствие чего-то неизведанного. Это придает жизни некое безличное нуминозное свойство. Кто этого не испытал, упустил нечто важное. Человек должен чувствовать, что живет в мире, который еще полон тайн, что всегда остаются вещи, которые объяснить невозможно, что его еще ждут неожиданности" [8, с.351].

Вероятно, психологам нужно благодарить судьбу за причастность к тайне... И спасибо Г. С. Прыгину, продолжающему вечный проект, неуклонно и неустанно стремящемуся разгадать эту великую тайну души.

Библиографический список

1. *Прыгин Г. С. Неклассическая психология: психология субъектной реальности / Г. С. Прыгин.* – Наб. Челны: Изд-во НГПУ, 2018. – 268 с.
2. Психологические сочинения Аристотеля. Вып. 1. Исследование о душе / пер. В. Снегирева. Казань, 1885. – 98 с.
3. Приветственное слово академика РАН В. А. Лекторского // Философское наследие С. Л. Рубинштейна: сборник материалов Международного круглого стола, посвященного 135-летию отечественного философа и психолога и выходу первого тома работ Сергея Леонидовича Рубинштейна из планируемого трехтомного собрания его сочинений. Москва, РУДН, 17 сентября 2024 года / под редакцией В. Н. Белова. – Москва: РУДН, 2025. С. 10-12
4. *Трубецкой С. Н. Сочинения.* М.: Мысль, 1994. 816 с.
5. *Швырев В. С. Теория // Новая философская энциклопедия:* в 4 т. Т.4. 2-е изд., испр. и допол. - М.: Мысль, 2010, с. 42-45
6. *Мазилов В. А. Великий психолог: Карл Юнг и психология нового века // Методология современной психологии.* Вып. 26. - М.-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2025, с. 265-281
7. *Зинченко В. П. Сознание и творческий акт.* Москва: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
8. *Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления.* Киев: Airland, 1994. 406 с.

*B. A. Мазилов,
доктор психологических наук, профессор.
Ярославль, 31 июля 2025*

О КНИГЕ Г. С. ПРЫГИНА

«ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ»

Казалось бы, сегодня об информации известно всем от школьника до создателей искусственного интеллекта. Этот заморский термин соскальзывает с человеческих уст чаще любого слова из толкового словаря живого великорусского языка В. П. Даля. Сформулировано множество частных теорий информации применительно к разным сферам жизни и деятельности. Введена единица её количественного измерения. Появились технические изобретения для управления индивидуальным и групповым сознанием.

Автор с позиции информационной платформы представил свой взгляд на неразрешенную до сего дня природу индивидуального сознания. Итогом анализа уже известных экспериментальных и эмпирических фактов, добытых естественными и гуманитарными науками, стало *обоснование вывода: личное бессознательное связано с нейроинформацией, а психоинформацию следует расценивать как проявление индивидуального сознания*. С предложенной концепцией можно бесконечно дискуссионировать, но именно в этом усматривается оригинальный ракурс авторского взгляда.

Текст изложен языком научной психологии. Понимание контента потребует от читателя основательной методологической подготовки и широкой эрудиции. Тем не менее, книга привлечет к себе внимание гурманов научного чтения.

И. М. Юсупов,
*Заслуженный деятель науки РТ, профессор,
доктор психологических наук.
Казань, июнь, 2025*

О КНИГЕ Г. С. ПРЫГИНА (И НЕ ТОЛЬКО...)

Моему учителю с благодарностью

«Информационную теорию психических явлений» можно считать не только дальнейшим развитием идей, заложенных в первых двух монографиях Геннадия Самуиловича, но и, в определенном смысле слова, некоторым (хочу надеяться не последним) итогом его размышлений о том, в какой реальности мы существуем и, каким образом классическая психология может выйти из своего перманентного кризиса.

Конечно, понятие информации уже неоднократно применялось в психологии для объяснения тех или иных частных проблем в большинстве своем в области когнитивистики. В этой же монографии им разработан целостный (я бы сказала, универсальный) подход к объяснению природы психических явлений, фактически, - это совершенно новый хорошо обоснованный взгляд на психику человека. Считаю, что введение в психологический тезаурус понятия «Психо-информация» открывает большие перспективы для кардинального переосмыслиния многих понятий используемых в классической психологии. Кстати, частично, эта работа уже проделана Геннадием Самуиловичем, что нашло свое отражение в приложении Б («Словарь терминов и выражений»).

Монография содержит ряд не тривиальных, можно сказать, парадоксальных выводов, например, что не вся психика представляет собой идеальное явление, что сознание – это не психический, а «квазипсихический» феномен. Особый интерес представляет детальный анализ функциональной системы П. К. Анохина и, в частности, введение в ее структуру нового понятия - «императива», определяющего финальную стадию принятия решения.

Необходимо подчеркнуть, логичность и последовательность изложения содержания, которые, впрочем, характерны не только для этой, но и для всех работ Геннадия Самуиловича. Вообще он обладает уникальным даром превращать сложные идеи в понятные. Его работы всегда полны новых идей. Научные труды Геннадия Самуиловича не только обогащают наше знание, но и вдохновляют на новые открытия. Смею утверждать, что его книга «Информационная теория психических явлений» - безусловно, новое направление в развитии психологической науки.

C. В. Хусаинова,

доктор психологических наук.

Казань, июль, 2025

ОТ АВТОРА

Представляемая здесь третья монография «Информационная теория психических явлений», также основана на методологическом и парадигмальном подходах, описанных ранее в «Неклассической психологии» (2018). Однако ее содержание, в отличие от второй монографии «Субъектная реальность человека» (2023), более «узкона-правленно», хотя, представляется мне, более глубоким и целостным, поскольку заключает в себе возможное решение таких фундаментальных проблем, как «психофизиологическая проблема» и «трудная проблема сознания». Полагаю, что разработанный и примененный здесь для анализа этих проблем информационный подход, может оказаться достаточно эффективным для решения и других проблем психологии (не только в теоретическом, но и в практическом плане).

Итак, не отступая от уже сложившейся традиции, представлю краткое содержание основных идей и результаты каждой главы, при этом, они могут иногда дополняться новыми комментариями, не вошедшими в те или иные главы (а возникшие, так сказать, a posteriori). Это позволит читателю лучше сориентироваться в целостном контексте книги. Перед тем как представить содержание глав книги, сделаю два важных замечания, касающихся всех глав.

Во-первых, ссылаясь, по мере необходимости, на работы тех или иных авторов, которые занимались рассматриваемыми проблемами в классическом психологическом аспекте, в большинстве случаев, я неставил задачу как-то их анализировать и, тем более, давать им какую-либо оценку, поскольку вслед за Р. Декартом (в отношении психологии, конечно), придерживаюсь той же точки зрения: «О философии я скажу лишь то, что, видя, как она уже в течение многих веков культивировалась самыми выдающимися умами и, тем не менее, в ней нет ни одного положения, которого нельзя было бы

оспаривать и, следовательно, сомневаться в нём, я отнюдь, не обладал таким самомнением, чтобы надеяться решить задачу лучше других» [Декарт, 1950, с.264].

Такой подход считаю вполне уместным, поскольку в большинстве своем эти работы построены на существующей общепринятой методологии и мало «перекликаются» с изложенными здесь идеями, в основу которых, как было сказано выше, положена совершенно иная методологическая парадигма. Безусловно, это не касается тех (прежде всего, психологических) работ, которые по мере необходимости, подробно анализируются и цитируются.

Во-вторых, следует также иметь в виду, что выделение параграфов в отдельных главах носит достаточно условный характер, поскольку анализируемые понятия тесно взаимосвязаны и часто «перетекают» одно в другое.

Глава 1. О понятиях «энергия» и «информация» с позиции психологии.

В параграфе 1.1. О корректности понятия «психическая энергия» - анализируется ряд принципиально важных для психологии в методологическом аспекте проблем, к числу которых отнесены корректность употребления выражения «психическая энергия», содержание и значение категорий «информация» и «идеальное». Отмечается, что в обыденной жизни и в научной сфере часто употребляют выражение «психическая энергия», понимая ее, как некоторую разновидность энергии физической. Однако, если употребление выражения «психическая энергия» в обыденной жизни вполне допустимо, то в научной сфере оно, как минимум, некорректно. Подчеркивается, как общепризнанный научный факт, что ни природа психического, ни качественная природа физической энергии неизвестны.

Отмечается, что К. Юнг, пытаясь обосновать энергетический

подход к психическому, признает, что реализация именно такого подхода сталкивается с серьезными проблемами, поскольку нет никакой возможности отделить психическое от *биологического* процесса.

Стало быть, проблема состоит в том, чтобы найти какое-то другое понятие, которое могло бы стать неким «эквивалентом», общим основанием, как для физической, так и для «психической» энергии, что позволило бы также приблизиться к пониманию и разрешению «извечной» психофизической проблемы. В качестве разрешения этой проблемы предлагается понятие *«Информация»*, приобретающее в последние годы все большее значение не только в естественных, но и в гуманитарных, социальных, экономических областях науки. Как пример «информационного подхода», рассматривается попытка П. К. Анохина проанализировать его теорию функциональной системы с этой точки зрения.

В параграфе 1.2. «Информация» как общеначальная категория – рассматриваются наиболее важные для ее применения в психологии онтологические и эпистемологические аспекты категории информации, изложенные в фундаментальной работе Адриаанса Питера (и соавторов) *«Информация»*. Вначале термин и концепции информации анализируются в историческом аспекте. Авторы утверждают, что значение термина *«информация»* никогда не определялось точно, а варьировалось в разных философских традициях.

С позиции сегодняшнего дня ясно, что информация является ключевым понятием не только в естественных и гуманитарных науках, но также в нашей повседневной жизни. Подчеркивается важность реконструкции истории изучения информации, поскольку проблема любого подхода, основанного на *«истории идей»*, заключается в проверке базового предположения о том, что изучаемое понятие действительно имеет преемственность в истории философии.

В частности, авторами обсуждается вопрос, имеет ли понятие «*informatio*», обсуждаемое еще Августином (кроме самих терминов) какую-либо связь с информацией К. Э. Шеннона. В классической философии понятие «информации» берет своё начало в *теории форм Платона*, изложенной в ряде его диалогов. Чтобы понять, какую роль понятие «форма» играло в классической методологии, авторы ссылаются на учение Аристотеля, где он указывает, что *знание формы или структуры объекта, то есть информации*, является необходимым условием для его понимания. В этом смысле информация является важнейшим аспектом классической эпистемологии. Продолжая свой исторический анализ термина «информация» в философии средневековая, отмечается, что размышления о понятии *informatio* под влиянием Авиценны были подхвачены Фомой Аквинским, который ссылаясь на аристотелевскую теорию о том, что субстанция состоит из материи *hylo* (дерево, материя) и формы (*morphe*) переводит это как «*информирование материи*» (*informatio materiae*).

Продолжая далее исторический анализ развития значения термина “Информация”, авторы пишут о том, что его история тесно связана с изучением центральных проблем эпистемологии и онтологии в западной философии. Постепенно термин приобретает статус абстрактного нарицательного существительного, значение которого не было связано с его классическим процессуальным значением. В таком виде оно было подхвачено несколькими исследователями (Фишером в 1925 году, Шенном в 1948 году) в XX веке; именно они и ввели формальные методы измерения «информации», что, в свою очередь, привело к возрождению философского интереса к понятию «информация».

Такая сложная история термина «информация» является одной из основных причин трудностей в формулировании единого опреде-

ления этого понятия. По мнению авторов, исторически значимыми являются, по крайней мере, три разных значения слова «информация»: «*Информация*» как процесс получения информации, «*Информация*» как состояние субъекта и «*Информация*» как предрасположенность к информированию.

Особо выделяется концепция Л. Флориди, разработавшего трансцендентальную философию информации, основой которой является включение правдивости в определение информации. Однако, суть этой теории информации ближе к наивному представлению, которое используется в повседневной жизни. Наряду с этим, отмечается, что существует много «количественных» теорий, позволяющих рассчитать количество информации для технических устройств, и самой известной из них является теория информации К. Э. Шеннона, где информация определяется через энтропию (H) дискретной случайной величины (X). Однако, пишут авторы, информация К. Э. Шеннона - это довольно слабое понятие, которое не отражает понятие беспорядка, интуитивно необходимое для термодинамической концепции энтропии.

Поскольку другие количественные теории информации, изложенные авторами статьи, не представляют особой важности для содержания книги, они не рассматриваются; анализируются только те области, где трактовка понятия «информации» имеет для нас значение. Это, во-первых, *понятие информации в физике*, в частности, в «Принципе Ландауэра», который гласит, что минимальная энергия, необходимая для стирания одного бита информации, пропорциональна температуре, при которой работает система (этот принцип подробно будет рассмотрен мной далее) и, во-вторых, в *квантовой теории информации*, в основе которой лежит феномен «квантовой запутанности» (также подробно рассмотрен мной далее). В анализируемой статье квантовая запутанность определяется как физиче-

ский ресурс, подобный энергии, связанный со специфическими не-классическими корреляциями, которые возможны между разделёнными квантовыми системами.

Подводя итог своего анализа, авторы справедливо отмечают, что все другие концепции имеют более глубокие философские корни, однако сформулированы они таким образом, что их внедрение в научные исследования проблематично. В частности, большинство из них содержат противоречивые определения понятия «информация».

Безусловно, важным для нас является вывод авторов о том, что *«Ситуация, которая, по-видимому, складывается, похожа на концепцию энергии: существуют различные формальные теории об энергии (кинетической, потенциальной, электрической, химической, ядерной) с чётко определёнными преобразованиями между ними. Кроме того, термин «энергия» используется в разговорной речи в широком смысле»*.

В параграфе 1.3. Категория «информация» и особенности ее применения в психологии – обосновывается снятие противоречий между понятиями «физической» и «психической» энергиами. В этой связи анализируются исследования энтропии Мелвином (с соавторами), где формулируется новый закон, обозначенный как «Второй закон информационной динамики», суть которого сводится к следующему: энтропия информации остается постоянной или (в отличие от второго закона термодинамики) уменьшается с течением времени. Р. Ландауэр изложил принцип, согласно которому информация является не просто математической конструкцией, но и физической сущностью, имеющей небольшую энергию, возникающую при стирании информации. Показано, что принцип Ландауэра подкреплен многочисленными экспериментальными исследованиями, поэтому, в целом признан научным сообществом.

Исходя из этого, М. Вопсоном (с соавторами) сформулировано положение об эквивалентности массы-энергии-информации утверждающее, что, если информация эквивалентна энергии, согласно Р. Ландауэру, и, если энергия эквивалентна массе, согласно специальной теории относительности Эйнштейна, то триада массы, энергии и информации также должна быть эквивалентна. Далее, - пишут авторы, - эти фундаментальные идеи меняют наше представление обо всей Вселенной, так как показывают, что *Она фундаментально математическая и ее можно рассматривать как возникающую из информации, т.е. «она из бита».*

Как известно, еще в 1990 году американский физик-теоретик Дж. А. Уилер высказал гипотезу о том, что информация должна быть фундаментальной концепцией физики, а *все физические сущности являются, по сути, информационно-теоретическими в своей основе*. Приводятся подобные идеи, высказанные и другими физиками.

На основе этих исследований формулируется положение о том, что если, согласно теории квантовой информации, из квантовой реальности (Универсума) создается ВСЁ, то очевидно, что под влиянием каких-то сил (например, антропного принципа) возникает разная по плотности материя. В одних случаях – это материальный мир, в других – «тонкая психическая материя», но *природа у них одна – ИНФОРМАЦИЯ*. Стало быть, логично предположить, что психическое - это какой-то особый вид информации (обозначим ее пока как «*Психодиформация*»).

Из этого следует, что при разработке фундаментальной теории информации необходимо учитывать не только ее количественные характеристики, но и качественные особенности. Однако, проведенный выше анализ понятия «информации», показал, что большинство информационных концепций опираются только на ее количествен-

ные показатели, а качественные особенности считаются несущественными.

По результатам проведенного анализа и современных данных квантовой теории информации кратко сформулирована основная гипотеза, на которой строится излагаемая здесь информационная теория психических явлений: «кроме количественных характеристик, информация обладает еще и атрибутивными качествами, изменяющимися в модальностях: «идеальное» - «материальное»».

С учетом сформулированной гипотезы, ставится вопрос: есть ли отличие «физической информации» от «психоинформации» и, если есть, то в чем оно состоит?

Ответу на поставленной вопрос посвящен раздел параграфа «Концепция психоинформации В. И. Степанского». Полагаю, что термин «психоинформация», введенный В. И. Степанским, является вполне адекватным, однако, его понимание как идеального явления, не учитывает современные исследования в (квантовой) физике. Поэтому в дальнейшем изложении в этот термин будет вкладываться принципиально иное содержание.

Проведенный анализ показал, что идеальные (психические) явления остаются таковыми только до тех пор, пока мы их не проинтерпретируем. Только после интерпретации (появления смысла, семантики) подобные «идеальные явления», превращаясь в психоинформацию, способны оказывать материальное воздействие на нейросети мозга.

В завершение главы сформулировано предварительное определение психоинформации и его следствие: *психоинформация - это «означенная» (проинтерпретированная) информация, представляющая собой качественно новую форму информации, способную оказывать материальное воздействие на нейросети мозга и, в этом случае, она не должна рассматриваться как явление идеальное.*

Отмечено, что содержанием психоинформации *всегда* является опыт (накопленные знания) человека. Более подробно характеристики и особенности психоинформации, как центральной категории данной работы, рассматриваются далее во всех главах.

Глава 2. Аксиоматический метод как основа информационного похода к психическому.

Вторая глава является фундаментальной, поскольку в ней формулируются пять основных постулатов, положенных в основу разработки информационной теории психических явлений. Категория «информации» рассматривается с учетом ее атрибутивного качества, изменяющегося в модальностях «идеальное» - «материальное». Выделен особый вид информации - «Псилоинформация», содержание которой составляют накопленные опыт и знания личности. Вводятся новые понятия: «Идеальной информации» и «Нейроинформации».

В параграфе 2.1. Пять постулатов как основа для разработки информационной теории психических явлений - на основе аксиоматического метода Аристотеля, для построения информационной теории психических явлений формулируются пять основных постулатов, касающихся динамики качества информации (отмечается, что постулаты формулируются только для живых организмов, без учета информационных проявлений в неживой природе).

Кратко, их суть сводится к следующему:

- во-первых, не все психические феномены можно отнести к категории «идеального». К таковым, безусловно, относятся: коллективное бессознательное и субъектная реальность, а также все содержание личного бессознательного;

- во-вторых, любая информация переходит из идеального («не-проявленного») состояния в элемент эмпирической действительности;

сти, тогда и только тогда, когда она «означивается» (интерпретируется как знак);

- в-третьих, «означенная» (проинтерпретированная) информация, содержанием которой всегда является опыт (накопленные знания) человека, одновременно сохраняется и в его нейросетях² (как нейроинформация), и в личном бессознательном (как идеальная информация);

- в-четвертых, идеальная информация личного бессознательного и нейроинформация (нейронных сетей мозга) связаны между собой посредством принципа синхронистичности, поэтому любое изменение информации на одном из этих уровней ее существования мгновенно приводит к подобному изменению на другом уровне;

- в-пятых, только живой организм, имеющий знаковую систему способен порождать тот феномен, который обозначен здесь как «субъективно-эмпирические явления». Субъективно-эмпирические явления представляют собой сопутствующее свойство психоинформации, определяющее необходимость в актуализации соответствующей нейроинформации.

На основе этих пяти постулатов был сделан вывод о том, что весь процесс изменения качества информации можно (условно) представить в виде следующей последовательности: «Идеальная информация» <-> «Псилоинформация» <-> «Субъективно-эмпирические явления» → «Нейроинформация» → «Внешняя активность» (знак «<->» указывает на наличие прямой и обратной связи).

В параграфе 2.2. Атрибутивные характеристики «Идеальной информации», «Псилоинформации», «Нейроинформации» - рассматриваются атрибутивные характеристики первых трех компонентов описанной выше последовательности процесса изменения качества информации. К таким характеристикам отнесены их: локус («место-

² объяснение термина «нейросети» дано в Приложении Б «Словарь терминов и выражений»

нахождение»), функции и системные связи (взаимодействие).

Особое внимание уделяется «Психодинформации» как концептуальному понятию в информационной теории психических явлений, поскольку считаю, что, по своей сути и значению для психологии, оно «родственно» понятиям «единицы речевого мышления» Л. С. Выготского и «действию», как единицы анализа деятельности А. Н. Леонтьева.

Для понимания появления психодинформации используются некоторые положения из квантовой физики. В частности, утверждение физиков-теоретиков, что в рамках определенных интерпретаций квантовой механики и философских подходов идея о том, что все феномены изначально существуют в нелокальном («идеальном») состоянии до момента декогеренции, имеет все основания.

Исходя из этого, применительно к психике человека, формулируется общая (радикальная) гипотеза: процесс осознания информации личного бессознательного подобен процессу декогеренции, когда информация, в виде некоторого понятия, переходит из нелокального (бессознательного) состояния в состояние локальное - сознательное. Другими словами, с позиции квантовой физики, *момент осознания*, - *с собственно появления психодинформации*, уподобляется появлению в объективной действительности в результате декогеренции элементарной частицы из «ничего», из нелокальной квантовой реальности. Поэтому *момент осознания определяется еще и как момент приобретения идеальной информацией личного бессознательного локальности*.

Особо подчеркивается, что весь процесс взаимодействия между индивидуальным сознанием и личным бессознательным сводится к *изменению качества информации*.

На основе выше сказанного сделаны два *предварительных логических вывода*: во-первых, образование психодинформации можно

расценивать как проявление индивидуального сознания личности и, во-вторых, введение понятия «психоинформации» позволяет подойти к решению психофизиологической проблемы (в широком смысле - проблемы взаимодействия «идеального» и «материального», то есть проблемы психофизической).

Отмечается, что ответам на вопросы из чего состоит «проявленная психоинформация» и какова ее структура в момент осознания, посвящена отдельная четвертая глава.

Глава 3. Проблема взаимодействия «материального» и «психического».

В параграфе - 3.1. Феноменология двухуровневого сохранения психоинформации - отмечается, что авторы многих научных работ по физиологии и психофизиологии, обсуждая психофизическую проблему, абсолютно свободно трактуют термины, взятые из психологии, утверждая, при этом, несостоятельность психологии как науки. По их мнению, психофизиологическая проблема решается просто - упразднение психологии снимает проблему взаимоотношения «души» и «тела». Научная состоятельность таких теорий в отношении решения психофизиологической проблемы весьма сомнительна.

Подчеркивается, что проблема взаимодействия «материального» и «психического» стоит перед человеком с того момента, когда у него возникли первые «проблески сознания» и существует огромное количество и научных, и популярных работ, посвященных ей. В связи с чем, в содержании главы исторический экскурс обсуждения этой проблемы не представлен. Также полагается, что с позиции психологии, адекватнее рассматривать не «психофизическую», а «психофизиологическую» проблему, поскольку в этой ее части она является не только философской, но и методологической проблемой

психологии.

Далее обсуждается целесообразность постулирования «двухуровневого» сохранения накопленного опыта (третий постулат в §2.1.), при этом ставится вопрос: нельзя ли ограничиться только классическим («одноуровневым») объяснением психофизиологической проблемы, то есть, все накопленные знания, опыт сохраняются (как нейроинформация) в нейросетях мозга? На поставленный вопрос дается развернутый феноменологически обоснованный отрицательный ответ. Показано, что, даже, если принять постулат о сущности психоинформации и ее свойствах, не представляется возможным объяснить обратный процесс – как нейроинформация («материальное») может порождать (идеальные) психические явления, в том числе и различного рода «ложную информацию», не привлекая для объяснения понятие эпифеномена. Как косвенное подтверждение выдвинутого постулата, приводятся рассуждения русского философа и психолога, профессора Л. М. Лопатина о сохранении знания и опыта человека, а также его гипотеза о *«непрерывности взаимодействия души и тела»*.

Показано, что разрешение поставленного выше проблемного вопроса, невозможно без смены общепризнанной парадигмы, в связи с чем, на основе ранее разработанной («неклассической») парадигмы, было сформулировано положение о «двухуровневом» сохранении накопленного человеком опыта – в его нейросетях и личном бессознательном, связанных между собой принципом синхронистичности (К. Юнг).

Параграф 3.2. Принцип синхронистичности как средство двухуровневого взаимодействия – посвящен ответу на вопрос: как материальный носитель нейроинформации может (и, может ли?) порождать психические явления?

Установлено, что весь процесс взаимодействия между личным

бессознательным и нейросетями сводится не к обмену информацией, а к изменению ее качества (с «*Идеальной информации*», через «*Психодиагностическую*» к «*Нейроинформации*»), при этом, идеальная информация личного бессознательного (как ранее приобретенный опыт, знания человека) никуда не исчезает. В отличие от этого, нейроинформация, отображенная в нейронных сетях, может со временем по каким-либо причинам, измениться или даже вообще «стремиться».

Отмечается, что поскольку вся информация личного бессознательного - это суть опыта личности, то в ней могут содержаться и все психические болезни эндогенного и/или экзогенного характера. Если подобные патологические отклонения действительно присутствуют в нейросетях мозга, то, посредством принципа синхронистичности, они могут искажать имеющуюся информацию личного бессознательного. Кроме того, в этом аспекте анализируются широко распространенные эксперименты по электростимуляции коры головного мозга, способные вызывать у испытуемого различного рода «видения» или слуховые галлюцинации, что, с точки зрения экспериментатора, якобы служит доказательством того, что мозг способен производить психические явления.

На основе проведенного феноменологического анализа взаимодействия нейроинформации и идеальной информации личного бессознательного, посредством принципа синхронистичности, сформулированы два положения. Во-первых, подобная точка зрения экспериментатора является «*интерпретационной иллюзией*», поскольку, согласно развиваемой здесь теории, нейроструктуры мозга концептуально не могут содержать никаких психических явлений, однако, посредством принципа синхронистичности, могут оказывать воздействие на информацию личного бессознательного. Во-вторых, поскольку в нейросетях «записана» только та информация, которая

составляет уже известные человеку знания и прожитый опыт (хранящиеся также в его личном бессознательном), то *никакая новая нейроинформация не может возникнуть в нейросетях сама по себе*.

Второе положение поднимает вопрос о творчестве. Если никакая новая нейроинформация не может появиться в нейросетях сама по себе и, кроме того, она подобна информации личного бессознательного, откуда у человека могут появиться новые знания? Другими словами, как в этом случае можно объяснить, например, момент творческого акта (инсайт)?

Показано, что решение этой проблемы возможно только на основе принципиально иной (чем в классической психологии) парадигме и методологии, описанной в моих ранних работах. Согласно этой методологии, личное бессознательное человека непосредственно связано с его *субъектной реальностью*, а через неё с архетипами коллективного бессознательного (и, далее, с «Предельной реальностью»), поэтому, в отличие от нейросетей (как «хранилища» нейроинформации), личное бессознательное способно безгранично обогащать, содержащуюся в нем идеальную информацию. В качестве косвенного доказательства предложенного решения проблемы творчества, приводятся работы В. М. Бехтерева, Л. М. Лопатина, С. Л. Франка и П. Тиллиха.

В параграфе 3.3. Синхронистичность как основа «Психодинамического информационного кольца» - продолжается обсуждение вопроса о том, как материальный носитель нейроинформации может «порождать» идеальные бессознательные психические явления в виде различного рода «ложной информации», с иллюстрацией ответа на примере ряда патологий (конфабуляции эндогенного и экзогенного характера). Иначе говоря, как в таких случаях необычная (ложная), но знакомая информация, становится психоинформацией?

Показано, что в основе решения этой проблемы лежит принцип

синхронистичности, позволяющий сформулировать и обосновать понятие «информационного кольца» зацикливающего информацию в контуре: «*нейроинформация → идеальная информация личного бессознательного → психоинформация → нейроинформация → идеальная информация личного бессознательного → психоинформация →* и т.д.». Данное «кольцо» обозначено как «*Психодинамическое информационное кольцо*».

Стало быть, любая «новая» нейроинформация, порождаемая различного рода соматическими отклонениями, во-первых, всегда вызывает «отклик» в информации личного бессознательного и, во-вторых, одновременно осознается, то есть порождает соответствующую ей (ложную) психоинформацию, которая далее опять фиксируется как нейроинформация. Установлено, что результаты анализа появления «ложной» психоинформации можно распространить на общий случай появления психоинформации в индивидуальном сознании человека в каждый данный актуальный момент нахождения его в окружающей действительности. В более общем виде, - возникновение психодинамического информационного кольца позволяет объяснить проявление индивидуального сознания у человека в окружающей действительности (то, что обычно называют «потоком сознания»).

В завершение главы формулируется общий вывод: *введение понятия «Психодинамического информационного кольца» снимает психофизиологическую проблему*.

Глава 4. Информационная концепция индивидуального сознания.

Параграф 4.1. Об индивидуальном сознании: «Поток сознания».
Разработка информационной концепции индивидуального сознания на основе сформулированных ранее постулатов начинается с фено-

менологического анализа понятия «Поток сознания». В связи с чем рассматривается известная работа У. Джеймса «Научные основы психологии», в частности, глава XI, посвященная «Потоку сознания».

В результате анализа выделяется ряд наиболее важных для нашего контекста положений. В частности, акцентируется внимание на двух важных моментах: во-первых, У. Джеймс подчеркивает роль именно «личного сознания» (а не сознания вообще) и, во-вторых, именно *личное сознание осуществляет выбор* значимых для него состояний (то есть, участвует в принятии решения). Кроме того, акцентируется, что процессуальный характер индивидуального сознания представлен именно в «потоке сознания».

В связи с этим, в рамках информационной концепции индивидуального сознания, *психологическая суть «потока сознания»* представляется как процесс непрерывного порождения психоинформации в каждый актуальный момент переживания человеком действительности. Именно поэтому *основным его содержанием* всегда является психоинформация, представляющая собой весь накопленный опыт человека, все его знания, сохраненные в виде понятий. Даётся предварительная дефиниция индивидуального сознания, как *перманентного процесса порождения психоинформации, который может сопровождаться широким спектром эмоциональных переживаний человека*.

Далее отмечается, что в любой психофизиологической (нейрологической) теории, так или иначе затрагивающей проблему сознания, оно всегда, в конечном итоге, выступает в виде «продукта» мозговой деятельности, некоего эпифеномена (эмержентности, супервентности), несмотря на тот факт, что само понятие эпифеномена не определяется однозначно, поскольку в различных словарях даются разные его дефиниции. Однако, общую суть этого понятия

можно выразить как учение, согласно которому психика не играет активной роли в жизни и деятельности человека и является избыточным (побочным) продуктом материальных (физиологических) процессов. Особо выделяется, что эпифеноменализм наиболее распространен в когнитивных исследованиях. В частности, Смит указывает, что именно когнитивисты считают, что psychology может стать научной только тогда, когда приравняет «чистые фантазмы души к функциям материального органа».

Подчеркивается, что искать индивидуальное сознание (psycho-information) в мозговых структурах бесполезно, так как все те свойства («квалиа» или «ореол», рассматриваемые далее), которые сопутствуют тому или иному *содержанию психоинформации* и, которые обычно приписываются сознанию, имеют своим локусом личное бессознательное, а в нейросетях мозга представлена только нейроинформация, содержанием которой являются «означенные» понятия объектов, в каждый данный момент, проявленные в виде психоинформации.

В завершение параграфа сделан ряд важных выводов: во-первых, психоинформация определяет *содержание* индивидуального сознания, являясь его *атрибутом*. Во-вторых, помимо основного содержания, в потоке индивидуального сознания выделены два *сопутствующих свойства*: эмоциональные переживания («квалиа» или «ореол», как любое проявление аффекта, окрашивающее психоинформацию) и субъективно-эмпирические явления, определяющие необходимость психоинформации *актуализировать соответствующую ей нейроинформацию*, вызывая тем самым тот вид предстоящей активности, который будет проявлен человеком во внешней деятельности. Полагается, что именно факт *отождествления содержания актуальной психоинформации и её сопутствующих свойств, придающих психоинформации особый «колорит»*, и вводит в за-

блуждение многих исследователей в понимании сути сознания.

Обращается внимание на то, что актуальная психоинформация и сопутствующие эмоциональные переживания не связаны между собой «жесткой» детерминированной связью, по типу «причина-следствие»; если эмоциональные переживания проявились, то между ними, безусловно, существует связь, но это скорее связь «вероятностная», по типу «возможности».

Параграф 4.2. Об индивидуальном сознании: «Проблема квалиа». На материале работ Тай Майкла, Роберта Ван Гулика, Деннета, Нагеля, Сёрла, Чалмерса, Шредингера и других исследователей, анализируется «проблема квалиа». В частности, Тай Майкл пишет о том, что статус квалиа обсуждается в философии во многом потому, что он играет ключевую роль в правильном понимании природы сознания. Квалиа, по его мнению, лежат в основе проблемы разума и тела. Роберт Ван Гулик считает, что все проблемы квалиа связаны с невозможностью дать точные ответы на вопросы: являются ли квалиа эпифеноменальными и как нейронные состояния могут порождать квалиа?

Отмечается, что наиболее известные авторы, чьи фамилии представлены выше, в своих работах часто придерживаются диаметрально противоположных взглядов на то, что *о* по существу, следует понимать под этим термином, кроме того, нет согласия и в том, следует ли вообще вводить это понятие в научный лексикон. Среди этих авторов есть как сторонники существования квалиа (в частности, Нагель, Чалмерс), так и их явный оппонент Деннет, как сторонник когнитивной нейронауки.

Поскольку подробный анализ этих противоречий не проводится (ввиду их общеизвестности), излагается другой, авторский взгляд, на то, что представляет собой «квалиа» и следует ли этот термин использовать в научных работах; взгляд, основанный на

представленной здесь («неклассической») методологии и некоторых «созвучных» ей положений из концепции «Потока сознания» У. Джеймса.

Несмотря на то, что впервые понятие «квалиа» было введено в 1929 году американским философом К. И. Льюисом, полагаю, что «пальму первенства» следует все же отдать У. Джеймсу и, если не по самому названию феномена, то точно по содержательному его описанию. В частности, У. Джеймс подчеркивал, что в человеческой речи нет такого союза, или предлога, нет синтаксической формы или интонации голоса, которые бы не выражали того или другого оттенка в отношениях, которые в каждое мгновение человек чувствует существующими между крупными объектами его мышления. Именно этот «оттенок в отношениях» он называет «ореолом», говоря о том, что каждый предмет нашей мысли (в нашем контексте, актуализированная психоинформация) не является «в чистом своем виде», а окружен некоторым ореолом, каким-то «смутным сиянием», поскольку состоит он из нашего «смутного знания» о различных отношениях этого образа или предмета с другими. Считаю, что вряд ли можно лучше описать то, что обычно относят к феномену «квалиа».

Отмечается, что к проблеме «квалиа» (не обозначая ее именно так) в несколько ином виде обращались многие философы, начиная еще с 17 века. В качестве примера приводится работа британского философа, представителя эмпиризма Локка, который в своих работах выделял в ощущаемых свойствах *первичные* и *вторичные* качества вещей, по сути, то, что обозначено здесь как содержание и сопутствующие свойства психоинформации.

Показано, что в индивидуальном сознании «ореол» («квалиа») помогает сформировать (актуализировать) психоинформацию. По мере осознания, формирования понятия (знака) ореол «исчезает», а

остается только актуальная данному моменту психоинформация, которая способна активировать соответствующие ей «специализированные ансамбли нейронов». Таким образом, *никакой ореол (или квалиа) не может отражаться в нейросетях, поскольку он имеет своим локусом личное бессознательное* (все, что неосознанно, невыразимо в понятиях, относится к идеальным явлениям). В этом смысле можно полагать, что психоинформация - «объективна», а квалиа - «субъективно». Именно поэтому переживания, в отличие от психоинформации, не могут подвигнуть человека к какой-либо активности, максимум, на что они способны – это создать специфический фон для дальнейшей активности личности (если, конечно, они сами не становятся психоинформацией).

Обращается внимание на то, что в каждом конкретном случае возникновения психоинформации образуются и сохраняются два подобных вида информации: «идеальная информация» (личного бессознательного) и «нейроинформация» (нейронных сетей). *Подобных, но не тождественных*, поскольку тождественность предполагает полное совпадение, а подобие только сходство по определенным признакам. В данном случае, сходство этих видов информации в их генезисе в том, что это усвоенный опыт личности. Различие же в том, что нейросети содержат в себе только осознанный, понятийный опыт личности, в то время как идеальная информация личного бессознательного в дополнение к этому, содержит в себе также все те атрибутивные свойства, которые обычно приписываются сознанию: ореол, квалиа и пр. – невыразимые состояния переживаний личности, все то, что и обозначено здесь, как «эмоциональные состояния (переживания)».

В завершение параграфа дается полное определение феномену «индивидуального сознания», как перманентному процессу порождения психоинформации, протекающему между личным бессознанием

тельным и нейронными сетями мозга, который может сопровождаться широким спектром эмоциональных переживаний личности.

Параграф 4.3. Проблема феноменологии понятий: «детерминизм», «причинность», «психологическая причинность». Отмечается, что существенной особенностью процесса взаимодействия идеальной информации личного бессознательного с нейроинформацией, является принцип синхронистичности. Известно, что К. Юнг не дает какой-либо точной дефиниции принципу синхронистичности, отмечая, что, с точки зрения этимологии, этот термин каким-то образом связан со временем, или, если точнее, с чем-то вроде одновременности. Вместо «одновременности», отмечает К. Юнг, мы можем также использовать концепцию «смылового совпадения» двух или более событий, причем речь идет не о вероятности случая, а о категории случайности. Размышляя о природе синхронистичности, он анализирует понятие «причинности», утверждая, что принцип причинности пригоден только для объяснения природных процессов.

В этом контексте в параграфе исследуются такие понятия, как «детерминизм», «причинность», «психологическая причинность» и «вероятность». Рассматривается теория причинности и детерминизма Бриллюэна, в которой он приходит к выводу что, если жесткий детерминизм может подтверждаться или опровергаться одним единственным экспериментом, то вероятностная причинность требует множества экспериментов, прежде чем закон вероятности удастся сформулировать приблизительно. Вместо строгого детерминизма, пишет он, мы получаем некоторый закон корреляции, некий более тонкий тип определения, который можно применить к великому многообразию проблем. Хорошо известно, однако, что для применения корреляционного метода необходимы регулярные, повторяющиеся события и, если одиночные феномены еще можно изучать в

естественных науках, например, в биологии, то в психологических исследованиях, они чаще всего выступают в виде артефактов, которые, как правило, исключаются из дальнейших исследований.

Подобный доминирующий «научный взгляд на мир» заставляет обратиться к поиску других понятий, позволяющих в какой-то мере прийти к пониманию и объяснению сути «единичных» феноменов, которые особенно важны для психологии. В связи с этим, рассматривается понятие «психической причинности», подробный анализ которого проводит В. В. Зеньковский. Он обращает внимание на то, что впервые понятие «индивидуальной причины» было введено С. И. Гессеном, отмечавшим, что допускаются причинные связи, совершенно не повторяемые, строго индивидуальные, то есть возможна индивидуальная причинность. Рассуждая о последовательности явлений в контексте понятия причинности, В. В. Зеньковский допускает, что причинные связи могут быть не только последовательными, но и одновременными, считая, что момент последовательности явлений не может быть признан ни в качестве эмпирического критерия, ни как логическая характеристика понятия «психической причинности». Отмечу, что по существу здесь идет речь о том, что для «психической причинности», как и для феномена «синхронистичности», время не является сколько-нибудь решающим фактором.

В своих исследованиях В. В. Зеньковский выделяет два вида необходимости – фактическую и логическую, считая, что логическая необходимость относится к миру понятий, т. е. к идеальной сфере она не зависит от времени и потому обратима. Между тем, в самом потоке времени, в реальном бытие действует иная *реальная* необходимость, необратимая, не применимая к идеальной сфере.

Параграф 4.4. Принцип синхронистичности в концепции индивидуального сознания. Подробно анализируются попытки К. Юнга

найти теоретическое обоснование открытого им принципа синхронистичности (построить концепцию синхронистичности). Для этого он подробно разбирает статистические эксперименты Дж. Б. Рейна по экстрасенсорному восприятию, приходя к выводу, что эти эксперименты доказывают возможность психического воздействия на движущиеся тела, отмечая, что это не удивительно, принимая во внимание психическую относительность пространства и времени. В тоже время, его попытки объяснить природу такого психического воздействия, используя концепцию энергии, а также «закон причинности», по его признанию, - безуспешны. В итоге он вынужден предположить, существование каких-то невероятных происшествий беспричинной природы, то есть «смысловые совпадения».

В аспекте методологии «Неклассической психологии» предложена гипотеза о том, что для понимания принципа синхронистичности наиболее приемлемо универсальное понятие «информации», причем, с обязательным учетом ее качественной специфики (описанной выше). Более того, в этом случае получает свое подтверждение и феномен «психологической причинности». Из обоснования гипотезы следует, что «синхронистичность» и «психологическая причинность» являются, если и не тождественными, то, по крайней мере, подобными феноменами (возможно, имеющими одинаковую - информационную природу).

В качестве подтверждения уместности приведенной ранее гипотезы о том, что идеальная информация личного бессознательного и нейроинформация (нейросетей мозга) связаны между собой посредством принципа синхронистичности, приводится высказывание Юнга о том, что синхронистичность указывает на параллельность времени и смысла между психическими и психофизическими событиями.

В качестве другого примера, косвенно подтверждающего эту

гипотезу, подробно анализируется известный квантовый феномен «ЭПР-парадокс» (Эйнштейна, Подольского, Розена). Сделан вывод о том, что феномен синхронистичности и феномен «ЭПР-парадокса» (скорее всего) имеют общую универсальную природу.

Глава 5. Об идеальности психических явлений.

Предварительные замечания. Во-первых, отмечается, что материал, изложенный в предыдущих параграфах, позволяет дать, в отличие от классического, другое объяснение того, что же представляет собой личное бессознательное и это приводит нас к проблемному вопросу: все ли психические явления идеальны? Этот принципиальный вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд, однако, придерживаясь того же, ранее высказанного принципа, не вдаваться в обсуждение трактовок тех или иных понятий, принятых в классической психологии, здесь также не будет анализироваться категория «идеального» в академической психологии, где, как известно, всё психическое относится к феноменам идеальным. Ранее было отмечено, что с моей точки зрения, не всё психическое относится к категории «идеального», таковыми, безусловно, являются: коллективное бессознательное и субъектная реальность, а также все феномены и процессы, происходящие в личном бессознательном.

Во-вторых, прежде чем переходить к анализу понятия «личное бессознательное», предварительно показывается, что К. Юнг под бессознательным, как правило, понимал коллективное бессознательное и далеко не всегда в своих трудах отделял его от личного бессознательного, оперируя часто общим понятием «бессознательное». Вместе с тем, для того чтобы обсуждать свойства и структуру личного бессознательного, необходимо разграничить эти понятия, поскольку они играют принципиально разную роль в существовании субъекта.

В-третьих, в предыдущих монографиях уже рассматривалась проблема личного бессознательного в аспекте взаимодействия сознательного и бессознательного уровней психики, обозначенная там как проблема «порога». Однако, учитывая описанные выше постулаты (см. глава 2) и представленную выше «информационную концепцию индивидуального сознания» (см. глава 4), считаю, что некоторые ранее высказанные формулировки требуют уточнения и развития, хотя в целом, (методологически) они не противоречат представленным здесь идеям, поэтому, по ходу изложения, буду ссылаться на эти высказывания, корректируя их по мере необходимости.

Параграф 5.1. Бессознательное с позиции К. Юнга. Посвящен анализу того, как понимал личное бессознательное Юнг, который и ввел это понятие в тезаурус психологии. В связи с этим рассматривается ряд его фундаментальных работ. В частности, в работе «Проблемы души нашего времени» он выделяет три «ступени души»; в работах «Сознание и бессознательное» и «Проблемы души нашего времени» приходит к выводу, что сознание выполняет весьма скромную роль, что именно бессознательное содержит источник сил, приводящих душу в движение. Кроме того, он полагает, что функция сознания заключается не только в том, чтобы воспринимать и узнавать через ворота разума мир внешнего, но и в том, чтобы творчески переводить мир внутреннего во внешнее. Отмечается, что с такой точкой зрения на роль сознания можно полностью согласиться, поэтому некоторые выделенные Юнгом характеристики личного бессознательного, сознания и коллективного бессознательного принимаются здесь за «реперные» точки, которые, по мере изложения, дополняются новым содержанием, с учетом методологии «Неклассической психологии».

Далее, в контексте излагаемой здесь методологии, проводится

феноменологический анализ личного бессознательного, подтверждающий основную (для нас) идею Юнга, что бессознательное - это - психическая система. Однако, полностью соглашаясь с тем, что «бессознательное - это - психическая система», в отличие от К. Юнга, полагаю, что перцепция, апперцепция, память, воображение, воление, аффект, эмоция, размышление, суждение и т. д. представляют собой содержание именно личного бессознательного, а не бессознательного (вообще), как он считал.

Таким образом, по данному параграфу делается основной вывод: личное бессознательное здесь и далее будет пониматься как «вторая психическая система» человека.

Параграф 5.2. Анализ содержания личного бессознательного с позиции психоинформации. Закон «информационной психодинамики». На основе феноменологического анализа выдвигается и доказывается основная гипотеза о том, что личное бессознательное, как «вторая психическая система», содержит в себе, помимо отмеченных ранее памяти и мышления, *все* психические процессы: ощущение, восприятие, внимание, воображение, а также всю аффективную сферу и феномен «Я», как интегратор всего содержания личного бессознательного.

Отмечается, что с позиции информационного подхода, все эти процессы (*все* содержание личного бессознательного) включены в своеобразное кольцо, обозначенное ранее, как «*Психодинамическое информационное кольцо*» (см. главу 3).

На основе этого формулируется положение обозначенное как закон «информационной психодинамики», позволяющий установить достаточно четкий критерий отделения собственно идеальных психических явлений, от явлений «квазипсихических», обладающих возможностью воздействия на нейрональные структуры организма. Закон «информационной психодинамики» - любой психический фе-

номен, проявившийся в виде психоинформации, обладает возможностью воздействовать на материальные структуры живого организма.

Для логического обоснования этих положений проводится методологический анализ работ В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского и С. Л. Франка. В частности, показано, что еще В. М. Бехтерев относил функцию памяти к бессознательному. Более того, он отмечал, что процессы, совершающиеся в бессознательной сфере человека, нередко служат руководством его сознательных действий. В работе «Мышление и речь» проводится анализ главного для нас аспекта – понимание Л. С. Выготским процесса взаимодействия «мышления» (как явления идеального, по своей сути) и речи (как явления, в большей степени, материального). В частности, Л. С. Выготский отмечает, что «значение» представляет собой неотъемлемую часть слова как такового, *оно принадлежит царству речи в такой же мере, как и царству мысли*. Стало быть, значение, рассматривается им в равной мере и, как явление, речевое по своей природе, и как явление, относящееся к области мышления. Для их объединения он вводит «единицу речевого мышления», - как единство речи и мышления. Возможно, что таким образом он пытался дать объяснение все той же вечной «психофизиологической» проблеме. Однако, он так и не раскрывает «процессуальную» сторону образования «единицы речевого мышления».

В контексте излагаемой здесь методологии и информационной концепции индивидуального сознания любое значение появляется у любого слова тогда и только тогда, когда оно осознается, то есть проявляется в виде психоинформации. Отсюда следует, что как только значение «трансформировалось» в психоинформацию, оно далее может проявиться (а может и не проявиться, в зависимости от сопровождающего его чувственного тона) в слове, как в речевом

действии.

Для ответа на проблемный вопрос - есть ли в личном бессознательном структура, интегрирующая все психические феномены, происходящие в нем, приводится анализ понятий «я», «личность» и «эго», причем эти понятия анализируются в рамках методологии «Неклассической психологии». Результаты анализы позволяют утверждать, что роль субъекта, интегрирующего все содержание личного бессознательного (по К. Юнгу, - второй психической системы), принадлежит «я».

Далее, на предмет представленности в личном бессознательном, последовательно анализируются: сенсорный аппарат человека - процессы ощущений и восприятия, аффективная сфера и интуиция. Показано, что все эти процессы также составляют содержание личного бессознательного.

Параграф 5.3. Выводы. Приводятся основные выводы, которые следуют из содержания этой главы. В частности, показано, что:

- во-первых, согласно закону «информационной психодинамики», понятие «психоинформации» позволяет достаточно четко выделять идеальные психические явления из явлений «квазипсихических», - явлений только кажущихся психическими; сделан парадоксальный вывод о том, что, по сути, сознание нельзя отнести к идеальным психическим явлениям, поскольку сознание представляет собой перманентный процесс порождения психоинформации, имеющей возможность воздействовать на нейронные структуры мозга;

- во-вторых, введение понятия «психоинформации» позволяет говорить о том, что вся классическая психология (за малым исключением) фактически изучает не психику, не психические явления, как таковые, а психоинформацию, в большей степени связанную с нейроинфекцией, отсюда и все трудности методологического характера;

- в-третьих, сформулированный закон «информационной психодинамики» позволяет утверждать, что все явления, составляющие содержание личного бессознательного и способные проявляться в виде психоинформации, в соответствии с теорией С. Л. Франка, можно квалифицировать как явления «душевной жизни», составляющие суть субъективного компонента эмпирической действительности.

Глава 6. Феноменология психоинформации в контексте функциональной системы П. К. Анохина.

Параграф 6.1. Введение. Обосновывается феноменологический подход к информации вообще и психоинформации в частности. Так, например, показано, что к основным аспектам феноменологии информации относятся: опыт восприятия информации, субъективность, интенциональность и смысл, а также, наиболее важный для нас аспект, – это информация и сознание, где феноменология информации направлена на изучении связи информации с сознанием и самосознанием.

Отмечается, что в основных постулатах (см. главу 2) сформулирован отдельный (пятый) постулат, касающийся «субъективно-эмпирических явлений», содержание и функции которых ранее не были раскрыты. Содержание этого постулата сводится к следующему: субъективно-эмпирические явления представляют собой сопутствующее свойство психоинформации, определяющее необходимость в актуализации соответствующей ей нейроинформации, вызывая тем самым тот вид предстоящей активности, который будет проявлен человеком во внешнем поведении (деятельности). Опираясь на этот постулат, как на основу, проводится феноменологический анализ «субъективно-эмпирических явлений», в контексте функциональной системы (П. К. Анохина).

Показывается необходимость введения «субъективно-эмпирических явлений», как сопутствующего свойства психоинформации, поскольку появление психоинформации далеко не всегда может приводить к актуализации, соответствующей нейроинформации с последующей внешней активностью. В связи с чем высказывается гипотеза, что «субъективно-эмпирические явления» должны выполнять роль своеобразного триггера (переключателя), «разрешающего» или «запрещающего» психоинформации актуализировать нейроинформацию.

Подчеркивается, что сформулированные положения приводят к ряду проблемных вопросов: насколько осознаны субъективно-эмпирические явления; связаны ли они с другим сопутствующим свойством психоинформации - эмоциональными переживаниями и видом будущей активности. Ответу на эти вопросы посвящено основное содержание последующих параграфов этой главы.

Параграф 6.2. Процесс «мыслетворчества». Отмечается, что психоинформация обычно не проявляется в виде отдельного понятия (значения), - это всегда ряд связанных между собой понятий, именно этот ряд понятий («психоинформаций») здесь обозначен как появление мысли. Любая мысль всегда состоит из ряда уже знакомых человеку понятий, каждое из которых, само по себе, является психоинформацией. Подчеркивается, что любая мысль - это не «сумма нескольких осознанных понятий»; мысль несет в себе нечто большее, некое, только ей присущее, интегральное понятие, то, ради чего она была сформирована. Именно это интегральное «означенненное» понятие и является той психоинформацией, к которой следует относить сопутствующие составляющие - «эмоциональные переживания» и «субъективно-эмпирические явления». Даётся определение мысли, как процессу формирования интегральной психоинформации.

Рассматривается роль эмоциональных переживаний в формировании интегральной информации. Отмечается, что в данном контексте под эмоциональными переживаниями понимаются переживания, - как возможные побудители активности (мотивы), имеющие разную степень осознанности (например, от физиологических аффектов, предполагающих «сужение сознания», интенций, доминирующих тенденций, намерений, желаний, до осознанных мотивов). Такое ограничение связано с тем, что нас интересует не вся эмоциональная сфера человека, а только те переживания, которые побуждают человека к активности, помогая оценить «полезность» актуальной психоинформации.

Параграф 6.3. Субъективно-эмпирические явления как «функциональный механизм» процесса принятия решения. Психодинформация совместно с сопутствующими атрибутами – эмоциональными переживаниями и субъективно-эмпирическими явлениями, рассматривается в контексте функциональной системы П. К. Анохина как структура, с которой начинается и заканчивается процесс принятия решения. Общеизвестно, что формирование любой функциональной системы начинается с «пускового стимула», запускающего афферентный синтез, ведущий затем к принятию решения. В данном контексте функцию «пускового стимула» выполняет психоинформация (начало формирования функциональной системы - это появление психоинформации).

Далее на основе проведенного афферентного синтеза и эмоциональной оценки психоинформации, должно приниматься финальное решение о возможности (или необходимости) перехода к внешней активности. Однако, как было сказано выше, появление психоинформации далеко не всегда может актуализировать соответствующую ей нейроинформацию, что приводит к проблемному вопросу: как осуществляется сам момент принятия решения – его финальная

стадия? Показано, что в данном случае речь, *de-facto*, должна идти о некотором «финальном механизме», завершающем процесс принятия решения о необходимости начала той или иной внешней активности. В связи с этим выдвигается гипотеза о том, что функцию такого «финального механизма» выполняют субъективно-эмпирические явления, завершающие процесс принятия решения о необходимости актуализации психоинформацией соответствующей ей нейроинформации, констатируя, тем самым, осознание и принятие цели человеком. Важно подчеркнуть, что здесь рассматривается проявление внешней активности человека, что предполагает взаимодействие функциональных систем психологического и физиологического уровней. Причем, на рассмотренном психологическом уровне, именно цель, принятая человеком, выступает в качестве полезного результата.

Далее подробно анализируется процесс формирования функциональной системы для реализации принятой цели в виде целостного акта – от осознания и принятия цели до получения «полезного» результата. Процесс формирования функциональной системы описывается в виде отдельных стадий (отмечается условность их выделения, поскольку все стадии представляют собой единый целостный процесс, совершающийся симультанно).

Согласно логике формирования функциональной системы, подробно анализируются стадии: а) формирование цели как «полезного результата», б) афферентного синтеза, в) принятие решения об активности, г) обратной афферентации.

Именно на стадии «принятия решения об активности» вводится и обосновывается роль субъективно-эмпирических явлений, как определенного вида «императивов», разрешающих или запрещающих интегральной психоинформации актуализировать нейроинформацию. Какого рода императивы будут задействованы (разре-

шающие или запрещающие), и составляет итог (финал) «принятия решения об активности».

Параграф 6.4. Феномен принятия «неосознанных» решений.

Отмечается, что уровень «принятия решения» не всегда бывает осознанным, в связи с этим, для объяснения феномена принятия «неосознанных» решений анализируются функциональные особенности эмоциональных переживаний и субъективно-эмпирических явлений на уровне личного бессознательного. Делается вывод, что на этом уровне и эмоциональные переживания, и императивы осуществляют свои функции как сопутствующие свойства какого-либо понятия, аналогично тому, как это происходит и на осознанном уровне. Кроме того, показано, что на этом уровне, в случае необходимости коррекции ошибок формируемой функциональной системы, также «включается» компонент обратной афферентации, который может реализовываться не только средствами самой функциональной системы, но и оперировать содержанием личного бессознательного, используя принцип синхронистичности (или, при необходимости, феномен «психодинамического информационного кольца»).

Параграф 6.5. Выводы. По содержанию главы делаются следующие выводы: во-первых, на уровне психоинформации оба сопутствующих свойства присутствуют всегда, поскольку психоинформация уже в момент ее появления обладает потенциальной возможностью вызывать внешнюю активность. В то же время, на уровне личного бессознательного сопутствующие свойства (эмоциональные переживания и субъективно-эмпирические явления) появляются у какого-либо ранее сохраненного понятия только в том случае, если оно посредством принципа синхронистичности, вызывает ту или иную внешнюю активность.

Во-вторых, психоинформация, совместно с «императивами» и эмоциональными переживаниями, «оценивающими» конечный ре-

зультат афферентного синтеза, является неким «связующим звеном» между функциональной системой, формирующейся на психологическом уровне (в «потоке сознания» и личного бессознательного) и функциональной системой, формирующейся на физиологическом уровне.

- *** -

БЛАГОДАРНОСТИ

Как и при подготовке предыдущих моих монографий, хочу выразить глубокую признательность рецензентам: доктору психологических наук, профессору Владимиру Александровичу Мазилову, которого считаю не только своим близким другом, но и, образно выражаясь, «крестным отцом» трех моих последних монографий, а также доктору психологических наук, профессору Ильдару Масгудовичу Юсупову, с которым меня связывает более чем пятидесятилетняя дружба. Владимир Александрович и Ильдар Масгудович взяли на себя труд проанализировать ряд наиболее проблемных положений, изложенных в монографии и обсудить их, высказав безусловно ценное для меня собственное видение. Я признателен моему коллеге и другу, кандидату психологических наук, доценту Рашаду Анваровичу Ахмерову, за неоднократное обсуждение содержания наиболее важных параграфов и глав. Такое обсуждение было крайне необходимо мне в процессе написания монографии. Я особо благодарен моим родным: дочери Елене (магистру психологии), которая, как и при написании предыдущих книг, при обсуждении отдельных фрагментов книги, задавала мне содержательные вопросы, заставлявшие меня переосмысливать уже написанное; моей жене Ирине (кандидату психологических наук), которой я также благодарен за помощь в подготовке рукописи к публикации и за терпение,

проявленное ей в моменты моего «бесконечного сидения за компьютером». Маше – моей внучке, талантливому дизайнеру, которой я благодарен за оформление обложки и создание рисунка, отражающего взаимодействие реальностей, выделенных в содержании книги.

Кроме того, пользуясь случаем, хочу поблагодарить всех, кто тем или иным образом выразил свое мнение в отношении моих монографий «Неклассическая психология» (2018 г.) и «Субъектная реальность человека» (2023 г.) и тех, кто принимал участие в обсуждении некоторых положений и гипотез, изложенных в данной работе, в частности, доктора психологических наук, Хусаинову Светлану Владимировну; профессионального психолога Елену Валерьевну Михееву, руководителя научно-практической лаборатории «Т-ИГР», за ее стремление воплотить высказанные в монографиях теоретические положения в конкретных исследовательских проектах.

Надеюсь, что эта монография найдет отклик не только у научных работников и специалистов в области философии, психологии, физики, но также и у более широкого круга лиц, интересующихся вопросами науки, чьи умы и души открыты для восприятия неординарного, нового взгляда на вечные вопросы, стоящие перед мыслящим человеком.

Г. С. Прягин
г. Набережные Челны,
август, 2025 г.

«В философии наиболее общими являются те вопросы, которые касаются не природы отдельных областей реальности, например, физической или исторической, а природы той реальности, которая действует во всех областях. Философия пытается найти универсальные категории, в которых происходит опыт бытия».

[Пауль Тиллих, с.191]

ВВЕДЕНИЕ. В КАКОЙ РЕАЛЬНОСТИ СУЩЕСТВУЕТ ЧЕЛОВЕК?

Две предыдущие монографии - [Прыгин, 2018, 2023] стали той логической основой, на которой построено содержание представляющей здесь работы.

В первой монографии была обозначена, как центральная для психологии, проблема «реальности» и ее взаимоотношение с «психическим». Определить эту проблему как центральную позволяет тот факт, что методологический кризис, который уже более трех столетий не позволяет развиваться психологии в соответствии с ее этимологией, как «науке о душе», проистекает из более глубокой общенаучной проблемы взаимоотношения между материей и духом (проблемы, больше известной как «психофизическая проблема»). Это одна из центральных философских проблем, существующая уже более тысячи лет, а ее суть, как известно, состоит в понимании природы реальности и человеческого сознания, и в определении первичности одного из них.

Несмотря на то, что эта проблема *общенаучная*, она для всех естественных наук является косвенной, так как их главные интересы направлены исключительно на общепризнанную объективную реальность, под которую «заточен» весь их исследовательский арсенал. В максимальной степени эта проблема затрагивает психологию, поскольку из всех существующих наук именно она призвана отве-

тить на такие фундаментальные вопросы, как: что есть душа, сознание (психическое, как нечто «целостно-сущностное»), а также предложить свои подходы к решению проблемы взаимоотношения материи и духа. Убежден, что ни на один из этих проблемных вопросов нельзя ответить, если вначале не определиться с тем, какую реальность исследуют психологи, является ли эта реальность единственной, какие методы ее изучения (или других реальностей, если таковые будут признаны, хотя бы на уровне постулатов) можно включить в научный арсенал психологии.

Конечно, о том, что в психологии уже изучается множество различных реальностей, написано не в одном десятке работ (хотя под реальностями чаще всего понимаются области и/или системы, направления психологии). В частности, Н. Смит [Смит, 2003] в своей энциклопедической работе, анализируя современные психологические системы пишет о том, что каждое направление в психологии (психологическая система или область психологии) по-своему трактует реальность. Например, с позиции социального конструкционизма «наша *реальность* (выделено мной, - Г. П.) порождается биологической организацией, языковыми конвенциями и культурными процессами» [там же, с.79]. Постулаты (современного) психоанализа полагают, что «*Реальность* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.) образуют не только физические, химические и биологические события, но и смыслы вещей ... Язык как повествование формирует опыт (поэтому) *реальность* существует в рассказе... Речь как повествование (narration) заключает в себе опыт индивидуума, а наличная *реальность* конструируется из таких описаний. *Ни одно из описаний нельзя рассматривать как более истинное, чем другие, но каждое из них является одним из возможных способов изображения реальности*» [там же, с.156].

Например, с точки зрения специалиста по анализу поведения, -

отмечает он, - «когнитивисты изобретают фиктивные конструкты на основе событий, относящихся к поведению, и полагают, что эти конструкты обладают своего рода *реальностью*, объясняющей поведение, из которого они выведены» [там же, с. 183] и, далее, «Говоря кратко, постмодернизм и социальный конструкционизм утверждают, что невозможно прийти к объективному пониманию мира, поскольку все знание социально сконструировано из слов, которые обретают свои значения благодаря социальным процессам, и эти значения изменяются от группы к группе и от одного периода времени к другому. Знание представляет собой не более чем совокупность социальных конвенций, выраженных в языковой форме. *Наша реальность состоит из слов, с помощью которых мы описываем эту реальность* (выделено мной, - Г. П.)» [там же, с. 211].

Подобные примеры можно найти и в нашей отечественной психологической литературе, в частности, В. В. Знаков пишет, что «Мир человека состоит из эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей, в каждой из которых существуют закономерные связи между причинно-следственными и случайными отношениями» [Знаков, 2025, с.37].

Приведенных цитат вполне достаточно, чтобы сделать определенный вывод: методологический кризис в психологии вызван не только тем, что в ней имеется множество различных теорий основных ее понятий (сознания, личности, интеллекта, и других), по большей части, никак не соотносящихся между собой, но, главное, существует и множество понятий реальности, также не дополняющих друг друга, как правило, конкурирующих между собой. Вместе с тем, нельзя не признать, что все эти теории и понятия реальности отражают какие-то отдельные *психологические грани* существования человека в объективной реальности, а, следовательно, имеют право быть представлены в поле психологической науки. Возникает

ситуация, которая хорошо описывается поговоркой «за деревьями и леса не видно»! В современной академической психологии психика человека разложена по отдельным составляющим и уже не одно столетие психологи не могут ее собрать. Можно полностью согласиться со Н. Смитом, когда он говорит о том, что целостного человека не только разделяют, но и отделяют его от мира, частью которого он является.

Если внимательно проанализировать все вышеприведенные определения реальности, можно прийти к заключению, что все они с разных позиций описывают «субъективность» психики человека, проявляющуюся в том, как он интерпретирует объективную реальность. В то время, как человек, по сути, существует одновременно во всех этих «субъективных» реальностях (независимо от того, как их называют исследователи), попытки анализировать (и тем более прогнозировать) его поведение только в рамках какой-то одной из них, полагая при этом, что она (эта реальность) самая «верная», представляются малоэффективными.

С моей точки зрения, *субъективная реальность* в большей степени основана на *интерпретации* человеком своего личного опыта через его ценности, эмоции, различные социальные факторы и поэтому она склонна к нестабильности, к изменчивости. В то же время, *эмпирическая реальность* (также основанная на личном опыте человека), в большей степени опирается на *эмпирические данные*, получаемые человеком от *органов чувств* и поэтому, в сравнении с субъективной реальностью, она более стабильна, постоянна.

Таким образом, если в феноменологии субъективной реальности делается акцент на интерпретацию объективной реальности, то феноменология эмпирической реальности акцентирует взаимодействие с ней (с объективной реальностью).

Отсюда можно полагать, что неким «объединяющим началом

всех субъективных реальностей» может служить понятие «эмпирической реальности», поскольку собственно в ней (*в опыте взаимодействия* человека с объективной реальностью) и проявляется вся его субъективность во всех ее гранях. Вообще, *первопричиной субъективности* познания объективной реальности, превращающей ее в эмпирическую реальность, является биологический фактор, заложенный в уникальном строении сенсорного аппарата каждого человека. Он изначально формирует «скелетную структуру» этой самой «эмпирической реальности». Собственно, на нее затем в процессе онтогенеза «накладывается» содержание в виде того или иного «социального отпечатка». Необходимо подчеркнуть, что вышесказанное не следует понимать, что сначала формируется структура, а затем накладывается содержание. Формирование структуры и содержания эмпирической реальности - это единый, целостный процесс (напомню о знаменитой дискуссии 60-70-х годов на тему «влияния биологического и социального факторов на развитие личности»).

Стало быть, говорить о том, что ««мир человека состоит из эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей» мне представляется не совсем корректно, поскольку все они, по сути, есть - «субъективные реальности». (К примеру, один и тот же человек «попав в руки» к специалистам, придерживающимся разных психологических (психотерапевтических) систем, все равно будет иметь как основу свою эмпирическую реальность). Общепризнанно, что фактически вся западная академическая психология разделилась на множество отдельных областей именно потому, что каждая область психологии по-своему трактует эмпирическую реальность (в психологии востока, как известно, преобладает концепция целостности психики человека).

Когда Н. Смит, описывая постулаты различных психологических систем, говорит о том, что реальность образуют смыслы вещей,

что речь, как нарратив, заключает в себе опыт индивидуума и наличная реальность конструируется из таких описаний, становится понятно, что все они равнозначны и приоритет какой-либо из этих систем – «дело вкуса» исследователя. Но, поскольку, каждое из описаний является одним из эвентуальных способов изображения реальности, подобные описания допустимо интерпретировать как существование личности в разных «гранях» (по сути, той же эмпирической реальности). Более того, можно полагать, что личность способна «застревать» в какой-то из них или же, под влиянием каких-либо психотехник «переходить» из одной грани в другую. Отмечу, что весьма проблематично рассчитывать на то, что подобный «психотерапевтический перевод» личности из одной грани в другую способен существенно изменить ее положение, поскольку в любой другой грани (этой же реальности) у нее неизбежно образуются другие проблемы. Вследствие чего, потребность в обращении к психотерапевту для большинства людей превращается в своеобразную «зависимость».

В связи с этим, возникает вопрос, существует ли «настоящая» личность, вне этих граней (реальностей)? Скорее всего, нет. Впрочем, если оставаться на позиции классической психологии, то этот вопрос может показаться странным, поскольку считается, что в каждой из множества реальностей существует своя «настоящая» личность.

Однако, этот вопрос можно сформулировать по-другому: осознает ли сам человек, что он находится только в одной из множества граней (подлинной субъектной реальности) и, что та грань, в которой он существует, создана им самим, под влиянием его социального окружения? Что это не подлинная его реальность, - реальность, где, по выражению С. Л. Франка, «обитает душа, самость человека, его подлинное самосознание»? Очевидно, что ответы и на эти во-

просы будут отрицательными, поскольку человек (за редким исключением) об этом даже не задумывается.

Естественно, что поиск ответов на поставленные вопросы требует кардинальной смены не только методологии (психологии), но и общенаучной парадигмы, поскольку в рамках доминирования материалистического подхода (пусть даже он и называется теперь иначе - «позитивизмом», или «когнитивизмом» в психологии) сделать это невозможно. В связи с этим, ранее была сформулирована принципиально новая парадигма, на основе которой разработана методология психологии [Прыгин, 2018], коренным образом отличная от той, которая принята в классической психологической науке. Напомню, что в основу разработки новой методологии была положена концепция реальности отечественного философа и психолога С. Л. Франка, *основные идеи которой хорошо соотносятся с современными физическими теориями*: теорией запутанных состояний, квантовой теорией информации, с понятиями «декогеренции-рекогеренции», «локальности-нелокальности» и др.

Исходя из этого, с философской и психологической точек зрения, был дан ответ на вопрос, что понимается под «реальностью». В этом же ключе были объяснены и определены такие существенно важные для психологии (и философии) понятия как: «сознание», «бессознательное», «психическое», «субъект», «я», «личность» и другие. На основе новой методологии были выделены и даны дефиниции основным видам реальностей: «Предельной реальности» (включающей в себя коллективное бессознательное), «Субъектной реальности», «Эмпирической реальности» и «Объективной реальности». Кроме того, показано, что подлинной реальностью для человека является «Субъектная реальность», объединяющий характер которой проявляется в ее способности трансцендировать («проникать») в другие виды реальностей. (Примерное, авторское *видение*

возможного взаимоотношения этих реальностей, представлено в приложении А на рисунке 1).

В аспекте излагаемой информационной теории психических явлений считаю, что *содержание эмпирической реальности формирует «личное бессознательное»*, поскольку личность понимается здесь как способ проявления «я» (как части самости, души) в социуме (в квантовой терминологии, личность – это «я», запутанное с социумом). Если учесть, что по С. Л. Франку личность также представляет собой некий социальный феномен, проявленный в объективной реальности и затем «превращающий» ее в эмпирическую реальность, то ответ на вопрос существует ли «настоящая» личность, – личность вне этих граней (реальностей), конечно, будет отрицательным.

Однако в этом случае имеется существенный нюанс – независимой от граней будет не личность, а «я», как часть подлинного самосознания, самости человека, являющееся тем «интегратором», который сводит воедино и сохраняет всё психическое содержание личного бессознательного. Только «я» обладает возможностью обогащать принципиально новой информацией содержание личного бессознательного, трансцендируя в субъектную реальность и далее, через нее, в коллективное бессознательное и предельную реальность (см. рис.1). Личность же отражает только те знания и тот опыт, которые человек приобретает в процессе онтогенеза, которые и проявляются, как правило, в «потоке индивидуального сознания» в виде психоинформации. Следовательно, описанные Н. Смитом системы психологии (представленные им как разного рода реальности), – это, фактически, описание содержания психоинформации в различных гранях эмпирической реальности.

Стало быть, рассматриваемая информационная теория психических явлений предстает здесь как универсальная теория по от-

ношению к любым психологическим системам и направлениям.

Можно заметить, что в уже опубликованных работах, как и в представляемой работе, используются некоторые концепции, принципы и закономерности, открытые в квантовой физике, которые, со всей очевидностью, можно отнести к общенаучным. Вместе с тем, полагаю, что при использовании понятий и закономерностей, полученных в других областях науки (отличных от психологии), следует придерживаться определенных принципов.

В частности, методологически вполне оправдано и уместно в психологических дискурсах использование отдельных элементов естественнонаучной теории, а не её полной системы понятий. Но и это возможно только при одном условии, если эти понятия не «выдернуты» из контекста одной теории и не «вставлены» в другую (что очень часто встречается не только в работах по психологии, но и по квантовой физике, где психологические понятия часто употребляются не вполне адекватно). Кроме того, в попытках перенести понятия физических наук в психологию, необходимо все же учитывать, что современная квантовая физика, как и классическая психология, построена на одной и той же позитивистской парадигме, в связи с чем «перетаскивание» понятий из одной «позитивистской» науки в другую следует делать с большой осторожностью. К тому же, подобное заимствование понятий не только не ведет к развитию обеих наук, но и, как правило, несет в себе нулевой объяснительный эффект.

Возникает вопрос, на каком тогда основании здесь используются некоторые понятия современных физических теорий, если и физика, и психология построены на единой «позитивистской» парадигме?

В современной квантовой физике сложилась ситуация, когда результаты экспериментальных исследований невозможно объяс-

нить с позиции существующей парадигмы, именно поэтому сами физики достаточно часто обращаются к психологическим понятиям, для того, чтобы как-то объяснить эти результаты, например, наиболее часто привлекается понятие «сознания» для объяснения феномена «коллапса волновой функции». Как отмечено выше, эффект такого объяснения (для самих физиков) равен нулю, поскольку само понятие «сознания» в психологии также определено в официально существующей (старой) парадигме.

Таким образом, ответ на поставленный выше вопрос состоит в том, что уже в первой монографии была *сформулирована принципиально новая парадигма, с учетом основных идей современных теорий квантовой физики*. И в этом случае то же понятие сознания может служить объяснением и для феноменов квантовой физики, и для психических феноменов. Кстати, замечу, что потребность обращения физиков к понятиям психологии лишний раз подтверждает всю неопределенность понятия «реальности» и в общенаучном плане.

Глава 1. О ПОНЯТИЯХ «ЭНЕРГИЯ» И «ИНФОРМАЦИЯ» С ПОЗИЦИИ ПСИХОЛОГИИ

«...фактом остается то, что нам легче добираться до цели, если нам не мешает набор ошибочных или неадекватных убеждений насчет того, какой путь к цели является истинным и какова природа того, что мы ищем».

[Олдос Хаксли, с.46]

§1.1. О корректности понятия «психическая энергия»

В обыденной жизни и в научной сфере часто употребляют выражение «психическая энергия», причем, когда говорят о психической энергии, явно или не явно под этой энергией, чаще всего, понимают некоторую разновидность энергии физической, к которой, как известно, относят: механическую (потенциальную и кинетическую) энергию, электромагнитную (электрическую и магнитную) энергию, химическую, ядерную и гравитационную энергии, а также энергию вакуума (темную энергию вселенной, как гипотетическую, можно пока сюда и не включать).

Если употребление выражения «психическая энергия» в обычной жизни вполне допустимо, то полагаю, что в научной сфере оно, как минимум, некорректно. Небольшой пример, когда человек говорит, что у него нет или мало энергии подразумевается, что он чувствует некоторую вялость, расслабленность, апатию, астению и пр. Все это, действительно отражается на физическом уровне (на уровне тела) и связано, в основном, с нашей физической активностью, со способностью совершать какую-то работу, относящуюся, как правило, к внешним физическим действиям. Но это можно также отнести и к умственным действиям (часто можно слышать фразы: «голова не работает», «плохо соображаю», «устал думать» и т.д.).

Такую потерю (физической) энергии легко можно объяснить разными, но всегда вполне реальными физическими причинами, например, человек не выспался или он голоден. Часто после бурно проведенных праздников на следующий день мы также чувствуем недостаток энергии и это тоже вполне понятно, поскольку наш организм привык расходовать какое-то определенное (усредненное) количество физической энергии в день, а в праздники мы затратили ее больше среднего «лимита», поэтому мы и чувствуем упадок энергии. Недостаток физической энергии также может быть (и, как правило, есть) у человека при какой-либо физической болезни. Однако, возникает вопрос: может ли у больного и даже тяжело больного человека быть много «психической энергии» (пока понятие «психическая энергия» возьмем в кавычки)? Считаю, что – да, но это возможно только в том случае, если он духовно развит. Например, как известно из соответствующей многочисленной литературы, большинство святых были людьми, страдающими различными, порой и тяжелыми, соматическими заболеваниями, но вместе с тем, они же могли служить примером высочайшей силы духа! Именно связь с духом и позволяла им осуществлять свою высшую миссию – передавать эту «психическую энергию» другим нуждающимся людям, именно этим и объясняются все «чудеса», которые могли творить эти люди.

Природа психического неизвестна – это общепризнанный научный факт, но мало кто задумывался о том, что и качественная природа физической энергии тоже не раскрыта. Конечно, физическая энергия всех указанных выше видов описана и просчитана, что называется, «вдоль и поперек», установлено огромное количество ее реальных свойств, на основе которых работают миллионы физических устройств. Но, повторим, природа, ее качественная суть, неизвестна. Например, энергия гравитации – есть множество теорий,

объясняющих суть гравитации, но увы, это пока все только неподтвержденные гипотезы. Такая же ситуация и с определением других материальных субстанций, в частности, это касается физической природы (поля), всем хорошо известного, постоянного магнита. Пока это «слепое» пятно в науке, а его определение, как особого вида материи, с помощью которого осуществляется взаимодействие между движущимися заряженными частицами или телами, обладающими магнитным моментом - это тоже феноменологическое описание, перечисление его свойств, а не раскрытие сути (не правда ли, определение очень похоже на классическую феноменологическую дефиницию сознания?).

Впрочем, надо отдать должное и психологической науке. При всей неизвестности природы психического, разработано значительное количество экспериментальных и эмпирических методов и методик, показавших эффективность их применения в разных ее областях (особенно в области медицинской психологии, психотерапии). Тем не менее, даже этот положительный факт никак не отменяет то, что «теоретическая мысль» в психологии зашла в тупик, в общепризнанный «перманентный» методологический кризис.

Итак, насколько корректно употребление понятия «психическая энергия»? Прежде всего, напомню отношение К. Юнга к этому понятию. Осуществляя энергетический подход к психическому, К. Юнг в то же время признает, что реализация именно такого подхода сталкивается с серьезными проблемами, поскольку нет никакой возможности отделить психическое от *биологического* процесса. Он пишет: «...сама по себе энергия есть понятие, которого объективно в самом явлении нет (здесь и далее выделено мной, - Г. П.), но которое всегда дано лишь в специфических основаниях опыта; иными словами, для опыта энергия существует всегда специфически: актуально - в виде движения и силы, потенциально - в виде со-

стояния или условия... Однако поскольку мы, к сожалению, *не в состоянии научно подтвердить существование отношения эквивалентности между физической и психической энергиами*, нам не остается ничего иного, как, либо *отказаться от энергетического подхода, либо постулировать особую психическую энергию, что возможно лишь как сугубо гипотетическая операция*» [Юнг, 2013, с. 60-61]. В конце концов, обсуждая понятие психической энергии, К. Юнг останавливается на термине «либидо», полагая при этом, что таким образом психическую энергию можно будет отличать от универсального понятия энергии, принятого в физических науках.

Известно, что для оценки физической энергии существует общепризнанная универсальная, знаменитая формула А. Эйнштейна: $E=MC^2$ (энергия любой материи равна ее массе, умноженной на квадрат скорости света). Возникает естественный вопрос: можно ли ее применить к «психической энергии»? Очевидно, что нет, поскольку мы не можем рассуждать о психических явлениях ни в терминах массы, ни в терминах скорости! То, что психические явления не обладают массой, в доказательстве не нуждается (они всегда, особенно в классической психологии считались идеальными явлениями), то, что в коллективном и личном бессознательном, в субъектной реальности [Прыгин, 2018] отсутствует время, показано во многих научных публикациях. Почему же мы часто говорим о «психической энергии»? Скорее всего, в силу нашей косности в употреблении понятий, взятых из области другой науки (чаще всего из физики); такой «слоган» привился не только в бытовом общении, но, к сожалению, и в научной психологической среде.

Из формулы А. Эйнштейна следует, что физическая энергия и «психическая энергии» – это, по-видимому, достаточно разные субстанции со своим онтологическим статусом и нельзя рассуждать о «психической энергии» в физических терминах и понятиях, ей нель-

ся приписывать свойства физической энергии, что так часто случается в научной психологической литературе, а в последние десятилетия и в философских работах физиков, ищущих теоретическое объяснение результатов своих экспериментальных исследований.

Подобной точки зрения придерживается, в частности, и Абнер Шимони, который пишет, что «понятие физической энергии, являющееся основой современной физики, должно рассматриваться лишь как часть более общего понятия составной или сложной энергии (эмоциональной и целенаправленной, и способной к конечному синтезу в субъективной форме), которая и проявляет себя в каждом завершенном событии» [цит. по Хокинг, 2008, с.146].

Таким образом, проблема состоит в том, чтобы найти какое-то другое понятие, которое могло бы стать неким «эквивалентом», общим основанием, как для физической, так и для «психической» энергии, что эвентуально позволило бы также приблизиться к пониманию и разрешению «извечной» психофизической проблемы.

Полагаю, что такое понятие есть - это понятие *«Информация»*, приобретающее в последние годы все большее значение не только в естественных, но и в гуманитарных, социальных, экономических областях науки.

В качестве примера приведу интересную попытку П. К. Анохина применить «информационный подход» к его теории функциональной системы. (Прокомментирую по ходу изложения некоторые его высказывания, поскольку его теория функциональных систем имеет важное значение для понимания многих процессов, описанных далее в этой книге).

Рассматривая психическое отражение в аспекте информационных процессов, он понимал *сознание как идеальную форму отражения материального мира*, а в качестве методологии научного исследования полностью разделял идеи диалектического материализ-

ма. «Сознание и субъективная жизнь человека, - писал он, - несомненно, являются закономерным продуктом эволюционного прогресса организмов и специально эволюции мозга. В этом смысле *основная формула гносеологииialectического материализма* «*материя первична - сознание вторично*» остается в силе (выделено мной, - Г. П.). Но при этом неизбежно возникает ряд вопросов: как осуществляется этот решающий переход от материального к идеальному? ... Имеет ли материальная основа психики - нервные процессы - какие-либо определенные и закономерные причинно-следственные отношения с *идеальным*, т. е. с отражением внешнего объективного мира в сознании человека?» [Анохин, 1978, с.337].

Надо отметить, что практически ни на один из поставленных вопросов ему так и не удалось найти ответ. Это не удивительно, поскольку в данной парадигме найти ответы на подобные вопросы невозможно, о чем свидетельствует вся практика научных исследований, направленных на их решение (тем более, если такие исследования направлены на поиски сознания в нейрофизиологических структурах мозга).

Анализируя процессы отражения в контексте теории информации, П. К. Анохин отмечает: «Отражательный процесс развертывается таким образом, что внешний объект через непрерывный ряд физических и физиологических процессов как бы ассимилируется организмом, т. е. отражается сначала в его структурах, а потом и в сознании. Такой порядок развития процессов отражения приводит к естественному выводу, что по сути дела этот процесс от этапа к этапу формируется в соответствии с теорией передачи информации... К сожалению, привлечение теории информации к разрешению или даже к иллюстрации теории отражения всегда было недостаточно глубоким. Между тем именно теория информации в настоящее время дает нам наиболее реальную возможность расшифровки

нейрофизиологических механизмов отражения и особенно осуществления перехода материальных нервных процессов в субъективный образ, в сознание (выделено мной, - Г. П.)». И, далее, «Роль теории информации состоит не только в том, что она *еще раз* подтверждает реальное существование действительности. Главная роль теории информации состоит в том, что она полностью исключает необходимость говорить о «копиях», «символах», «иероглифах» и т. д. Благодаря ей весь процесс отражения может быть представлен в достаточно четких, научно обоснованных понятиях и в хорошо поддающихся изучению механизмах. Передача информации в живых и технических объектах обычно происходит с исключительно большим количеством специфических звеньев, однако она подчиняется одному важному закону: *между начальным и конечным звеном этой передачи должна быть точная и адекватная информационная эквивалентность*» [там же, с.338].

Здесь необходимо было привести эти цитаты в полном виде для того, чтобы стало понятно, какие большие надежды возлагал П. К. Анохин на решение, приведенных выше фундаментальных вопросов, которые им были поставлены. Прежде всего, отмечу заявление П. К. Анохина о том, что он в своих исследованиях применяет теорию информации для анализа процессов отражения не совсем корректно, поскольку в действительности, он (как будет показано дальше) использует лишь отдельные элементы теории информации в ее классическом виде (по К. Э. Шенону).

Действительно, результаты исследований, проведенных на различных физиологических системах, подтверждают, что принцип эквивалентности работает, о чем в частности, он и пишет; «... несмотря на различие природы этих явлений, взятых в отдельности, они принципиально несут тот же информационный эквивалент... Таким образом, на *всем пути передачи информации в организме, несмотря*

на принципиально различные средства перекодирования, информационный эквивалент сохраняется (выделено мной, - Г. П.)» [там же, с.340].

С таким выводом можно полностью согласиться, так как принцип «информационной эквивалентности» (по его же собственному замечанию) относится практически ко всем системам связи, в том числе и к физиологическим, поскольку если бы он нарушался, то ни о какой «передачи информации» не могло бы быть речи. В общих чертах его подход применения теории информации к процессам отражения можно свести к следующим положениям, безусловно соответствующим любой информационной теории связи.

Итак, П. К. Анохин опирается на то важное требование, существующее в теории информации, что точность передачи информации о каком-либо объекте, на любом этапе передачи информации, не должна зависеть от способа ее перекодирования. Он называет эти этапы передачи информации *информационным эквивалентом объекта*, подчеркивая, что процесс информации, в любом звене передачи, принципиально содержит в себе все, что является основными свойствами исходного объекта, при этом, эти свойства могут быть представлены *в разных кодах*. Далее он использует понятие «параметр», понимая под ним те свойства или признаки данного объекта, которые в совокупности с другими параметрами составляет исчерпывающую характеристику данного объекта. Именно такие параметры позволяют «проконтролировать» процесс передачи информации на разных этапах отражательной деятельности организма, вплоть до формирования субъективных образов включительно.

Можно только приветствовать использование некоторых положений теории информации для объяснения процессов, происходящих в нервных сетях мозга, особенно сделанные им выводы о том, что «теория информации показывает, что любой отражаемый в

нервной системе внешний объект через ряд перекодирований первичного сигнала на конечном этапе совершенно точно отражает главнейшие, биологически важные параметры отражаемого объекта» [там же]; а также о том, что «весь этот материал показывает огромную роль информационных взаимоотношений в животном мире и вместе с тем убеждает нас, что отражение действительности в мозгу животных всегда соответствует реальной объективной действительности, что подтверждается практикой точного приспособительного поведения» [там же, с.346].

Из последней приведенной цитаты ясно, что использование некоторых положений теории информации было для П. К. Анохина особенно важно, поскольку он расценивал это как способ лишний раз доказать существование «объективной действительности» (здесь, конечно же, надо учитывать время, в котором он жил и творил).

Вместе с тем, можно высказать ряд существенных возражений по тем психологическим понятиям, которые он использует в своих формулировках. В частности, он пишет, что «в коре мозга эти потоки информации вновь объединяются и подвергаются значительной обработке перед решающим моментом построения *субъективного образа* наблюдаемого объекта» [там же, с.343]. Никакого «субъективного образа наблюдаемого объекта» нет и не может быть «в коре мозга»! Если бы он там был, то за столетия физиологических исследований его бы обязательно кто-нибудь нашел. Вообще, в его статьях, особенно тех, где он размышляет о психологии, не дано ни одного определения, что же он понимает под психическими явлениями и, тем более, под сознанием. Потому что определять «*сознание как идеальную форму отражения материального мира*», - это, по сути, вообще его никак не определять.

Вне сомнения, в этой его работе детально описан нейрофизио-

логический процесс создания и сохранения «кода» объекта, в этом и состоит его главная заслуга. Один из его выводов о том, что «теория информации, приложенная к исследованию отражательного процесса, не оставляет сомнений в том, что *главнейшие параметры внешнего мира* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.), значимые для данного животного или человека, *несмотря на многочисленное перекодирование, практически создают точное отражение действительности, хотя и в различных кодах*» [там же, с. 349], можно было бы даже вынести в качестве эпиграфа к его работе.

В последующих главах книги будет подробно проанализировано, почему П. К. Анохину так и не удалось в полной мере использовать все преимущество информационного подхода. Полагаю, что здесь (во введении) не имеет смысла приводить другие нейрофизиологические теории, использующие категорию информации для обоснования возникновения сознания, как некоторого «высшего» («сверхвысшего» и пр.) феномена, но в общем-то, все равно порожденного физиологическим процессом, поскольку ни одна из этих теорий не открывает ничего принципиально нового в области изучения природы сознания.

Тем не менее, далее, в соответствующем контексте и по мере необходимости, мне все же придется обращаться к подобного рода теориям.

§1.2. «Информация» как общеннаучная категория

Прежде чем судить о возможностях и особенностях применения категории информации в психологии, следует, хотя бы коротко, рассмотреть ее онтологические и эпистемологические аспекты. Для такого краткого обзора воспользуюсь некоторыми сведениями, изложенными в фундаментальной работе Адриаанса Питера (Adriaans Pieter) и др. «Информация» [Adriaans, 2024], где дается философ-

ский анализ понятия «информация» как с исторической, так и с систематической точек зрения.

Рассмотрим вначале термин и концепции информации в историческом аспекте. Как утверждают авторы (прим.: далее ссылка будет даваться на первого автора, - Г. П.), значение термина «информация» никогда не определяется точно, а варьируется в разных философских традициях, а его разговорное употребление видоизменяется в зависимости от географического положения и различных прагматических контекстов. С позиции сегодняшнего дня ясно, что информация является ключевым понятием не только в естественных и гуманитарных науках, но также в нашей повседневной жизни. Всё, что мы знаем о мире, основано на информации, которую мы получили или собрали, и любая наука в принципе имеет дело с информацией.

Существует множество взаимосвязанных концепций информации, имеющих отношение к разным дисциплинам, таким как физика, математика, логика, биология, экономика, эпистемология и многим другим. Однако, до второй половины XX века почти ни один современный философ не считал «информацию» важным философским понятием. Между тем, с точки зрения истории идей, размышления о понятии «информация» были преобладающей темой в истории философии. Реконструкция этой истории в отношении к изучению информации имеет важное значение, поскольку проблема любого подхода, основанного на «истории идей», заключается в проверке базового предположения о том, что изучаемое понятие действительно имеет преемственность в истории философии.

В случае исторического анализа информации, - пишет Адрианс П., - можно задаться вопросом, имеет ли понятие *«information»*, обсуждаемое Августином, какую-либо связь с информацией К. Э. Шеннона, кроме схожести терминов. Кроме того, можно поставить

вопрос о том, является ли «исторический, простой метод» Локка важным вкладом в формирование современной концепции информации, хотя в своих трудах Локк почти не использует термин «информация» (в техническом смысле).

Очевидно, что существует совокупность идей, связанных с понятием информации, которые развивались с античных времён до наших дней. К примеру, важной повторяющейся темой в античном философском анализе познания являлась парадигма манипуляции с куском воска, который можно просто деформировать, оттиснуть на нём кольцо для перстня или написать на нём символы. Тот факт, что воск может принимать разные формы и обладать вторичными свойствами (температурой, запахом, осязанием), в то время как его объём (протяжённость) остаётся неизменным, делает его богатым источником аналогий, естественных для греческой, римской и средневековой культур, где воск использовался как для скульптуры, так и для письма (восковые таблички) и энкаустической живописи (в которой воск используется как связующее звено для красок). Эту тему можно найти в трудах таких разных авторов, как Демокрит, Платон, Аристотель, Теофраст, Цицерон, Августин, Авиценна, Фома Аквинский, Декарт и Локк [Adriaans, 2024].

В классической философии понятие «информации» относилось к техническим понятиям, связанным с теорией познания и онтологией, которые берут своё начало в *теории форм Платона* (427–347 гг. до н. э.), изложенной в ряде его диалогов («Федон», «Федр», «Пир», «Тимей», «Государство»). Когда позднее Цицерон (106–43 гг. до н. э.) и Августин (354–430 гг. н.э.), обсуждали платоновские концепции на латыни, они использовали термины *informare* и *informatio* в качестве перевода технических греческих терминов, таких как *eidos* (сущность), *idea* (идея) и *morphe* (форма); причем, корень «form» по-прежнему узнаваем в слове *«in-form-ation»*. Извест-

но, что теория форм Платона была попыткой сформулировать решение различных философских проблем. Именно Платон сравнивает нашу память с восковой табличкой, на которой запечатлеваются наши восприятия и мысли, подобно тому, как перстень-печатка оставляет отиски на воске.

Чтобы понять, какую роль понятие «форма» играло в классической методологии, можно сослаться на учение Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) о четырёх причинах (Аристотель, «Метафизика»), где он указывает, что *знание формы или структуры объекта, то есть информации*, является необходимым условием для его понимания. В этом смысле информация является важнейшим аспектом классической эпистемологии.

Однако, отмечает Адриаанс П., две фундаментальные проблемы, которые не объясняются классической теорией идей или форм, – это, во-первых, сам акт познания объекта (например, если я вижу лошадь, то каким образом в моём сознании активируется идея лошади) и, во-вторых, процесс мышления как манипулирование идеями. Аристотель, рассматривая эти вопросы в своем трактате «*O душе*», также использует аналогию с восковой печатью. Под «чувством» он понимает способность воспринимать чувственные *формы вещей без материи*. «Это можно понимать подобно тому, как восковой отиск кольца-печатки остаётся на воске без железа или золота; мы говорим, что отиск оставляет кольцо-печатка из бронзы или золота, но его конкретное металлическое содержание не имеет значения. Подобным образом на чувства влияет цвет, вкус или звук, но в каждом случае *не имеет значения, из чего состоит вещество*; важно только его качество, то есть в каком соотношении находятся его составляющие» («*О Душе*», Книга II, Глава 12).

Продолжая далее свой исторический анализ термина «информация» в философии средневековья, Адриаанс П. пишет, что раз-

мышления о понятии *informatio* под влиянием Авиценны были подхвачены таким мыслителем, как Фома Аквинский (1225–1274 гг. н. э.). Когда Фома Аквинский обсуждает вопрос о том, могут ли ангелы взаимодействовать с материей, он ссылается на аристотелевскую доктрину гиломорфизма, то есть теорию о том, что субстанция состоит из материи *hylo* (дерево, материя) и формы (*morphe*). Здесь Фома Аквинский переводит это как «информирование материи» (*informatio materiae*) (подчеркнуто мной, - Г. П.).

Рассматривая далее в историческом аспекте *современную философию*, Адриаанс П. указывает, что понятие «информация» в современной философии сложно, поскольку, начиная с XIV века термин «информация» появился в различных развивающихся европейских языках в общем значении «обучение» и «исследование». Чаще всего этот термин использовался в юридических документах, поэтому из-за такого разговорного употребления термин «информация» постепенно терял связь с понятием «форма» и всё реже встречался в философских текстах в формальном смысле.

В конце Средневековья общество и наука претерпевают фундаментальные изменения. В ходе длительного и сложного процесса аристотелевская методология четырёх причин была преобразована в соответствии с потребностями экспериментальной науки. В этом меняющемся контексте аналогия с отпечатком на воске переосмысливается. Эмпирики разрабатывают прототип современной концепции информации как структуры набора или последовательности простых идей, но, поскольку техническое значение термина «информация» утрачивается, эта теория познания никогда не рассматривалась как новая «теория информации».

Следствием этого методологического сдвига явилось то, что с научной точки зрения можно было изучать только явления, которые можно объяснить с позиции механического взаимодействия между

материальными телами. В современном понимании это означает сведение интенсивных (внепространственных) свойств к измеримым экстенсивным (пространственным) свойствам. Эти идеи впоследствии привели к учению о разнице между первичными качествами (пространство, форма, скорость) и вторичными качествами (теплота, вкус, цвет и т. д.); именно эта доктрина и была впоследствии развита эмпириком Дж. Локком. Как отмечает Адриаанс П., переосмысление Дж. Локком понятия «идея» как «структурного заполнителя» для любой сущности, присутствующей в сознании, является важным шагом на пути к формированию современной концепции информации.

Методология эмпириков не лишена недостатков. Самая большая проблема заключалась в том, что согласно такому подходу, все знания становятся вероятностными и апостериорными. В связи с чем, И. Кант (1724–1804) одним из первых указал, что, если знания создаются путём объединения идей, то в человеческом разуме должен существовать априорный синтез идей. Согласно Канту, это означает, что человеческий разум может оценивать свою способность формулировать научные суждения.

Рассмотрим далее историческое развитие значения термина «Информация». Согласно Адриаансу П., его история тесно связана с изучением центральных проблем эпистемологии и онтологии в западной философии. После того как термин «информация» появился в качестве технического термина в классических и средневековых текстах, он почти исчез из философского дискурса в современной философии, но приобрёл популярность в разговорной речи. Постепенно термин приобрёл статус абстрактного нарицательного существительного, значение которого не было связано с его классическим процессуальным значением. В таком виде оно было подхвачено несколькими исследователями (Фишером в 1925 году, Шенноном

в 1948 году) в XX веке; именно они и ввели формальные методы измерения «информации», что, в свою очередь, привело к возрождению философского интереса к понятию «информация». Такая сложная история термина «информация», скорее всего и является одной из основных причин трудностей в формулировании единого определения этого понятия, которое удовлетворяло бы всем нашим современным представлениям.

Впрочем, исторически значимыми являются по крайней мере три разных значения слова «информация»:

1. *«Информация» как процесс получения информации.* Это самое древнее значение, которое можно найти в трудах таких авторов, как Цицерон и Августин, было утрачено в современном дискурсе, хотя связь информации с процессами (например, вычислениями, передачей или отправкой сообщения) всё ещё существует. В классической философии можно было бы сказать, что когда я узнаю в лошади лошадь, то в моём сознании возникает «форма» лошади. Этот процесс - моя «информация» о природе лошади. Также процесс обучения можно назвать «информацией» для ученика. В том же смысле можно сказать, что скульптор создаёт скульптуру, «информируя» кусок мрамора. Это значение, ориентированное на процесс, довольно долго сохранялось в западноевропейском дискурсе.

2. *«Информация» как состояние субъекта.* В данном случае информация рассматривается как *результат процесса* получения информации. Если кто-то объясняет ученику теорему Пифагора, то после завершения этого процесса можно сказать, что ученик «владеет информацией о теореме Пифагора». В этом смысле термин «информация» является результатом той же сомнительной формы субстантивации глагола, как и многие другие термины в философии (субстанция, сознание, субъект, объект). Такого рода терминообразование печально известно своими концептуальными трудностями,

которые оно порождает. Подобную «субстантивацию» можно проиллюстрировать следующим примером: можно ли вывести тот факт, что у человека «есть» сознание, из того факта, что он сознателен? Можно ли вывести тот факт, что у кого-то «есть» информация, из того факта, что этот кто-то был проинформирован? Переход к этому современному значению, по-видимому, был постепенным и в основном был распространён в Западной Европе по крайней мере со середины XV века.

3. «Информация» как предрасположенность к информированию. Здесь имеется ввиду способность объекта информировать субъекта. Когда в результате изучения теоремы Пифагора я получаю информацию об этой теореме, вполне естественно предположить, что текст, в котором объясняется эта теорема, на самом деле «содержит» эту информацию. Текст обладает способностью информировать меня, когда я его читаю. В том же смысле, когда я получаю информацию от учителя, я способен передать эту информацию другому ученику. Таким образом, информация становится чем-то, что можно хранить и измерять. Это последнее представление об информации как об абстрактном собирательном существительном получило широкое распространение в современном обществе и обрело окончательную форму в XIX веке.

С появлением эмпирической теории познания в философии раннего Нового времени, развитием различных математических теорий информации в XX веке и появлением информационных технологий понятие «информация» заняло центральное место во всех науках и обществе. Этот интерес также привёл к появлению отдельной области философии, которая анализирует информацию во всех её проявлениях.

Адриаанс П. особо выделяет концепцию Л. Флориди, разработавшему систематическую последовательную трансцендентальную

философию информации, краеугольным камнем которой является включение правдивости в определение информации. Однако, полученное в результате понятие информации ближе к наивному представлению, которое используется в повседневной жизни. Этот фактор послужил своеобразным разграничительным критерием, отделяющим его концепцию от всех других количественных (более технических) концепций информации и вычислений, не связанных с правдивостью и, следовательно, находящихся за пределами философии семантической информации.

Тем не менее, какой бы ни была интерпретация природы философии информации, она, как правило, подразумевает обширную исследовательскую программу, предполагающую переосмысление истории философии от современных теорий информации до глубокого анализа роли информации в науке, гуманитарных науках и обществе в целом. В качестве примера, он приводит понимание термина «информация» в некоторых областях человеческой деятельности.

В сфере социального общения. В разговорной речи термин «информация» используется преимущественно как абстрактное собирательное существительное, обозначающее любой объём данных, кода или текста, который хранится, отправляется, принимается или обрабатывается в любой среде. При этом, отсутствие точности и универсальность термина «информация» параллельны друг другу. Поскольку в обществе человек исследует реальность с помощью разного рода инструментов или установок сложной конструкции, а общается посредством продвинутых СМИ (Интернет, радио, телевидение), на бытовом уровне полезно иметь абстрактное существительное, обозначающее некое «вещество», которое создают инструменты, и которое «протекает» через эти средства массовой информации. Таким образом, в современной разговорной речи термин «информация» используется в различных, нечётко определённых и

зачастую даже противоречащих друг другу значениях. Этому способствует и тот факт, что в обществе «информацию» обычно оценивают по двум ее качествам: степени «правдивости» или «лживости». В целом, в обыденном общении эти несоответствия и противоречия, по-видимому, не создают больших проблем, так как из ситуативного контекста интуитивно понятно, о каком типе информации идёт речь.

В технической сфере. Если в повседневном общении нет большой необходимости искать более точное определение термина «информация», то в технической сфере его точное определение крайне важно. Еще в начале XX века были выдвинуты различные теории по формализации понятия «информация», которые объединяются вокруг двух основных свойств, степени ее «обширности» и «неопределенности».

Первое связано с проблемой объединения разных массивов информации, второе – с тем, что количество получаемой информации растёт по мере того, насколько она уменьшает нашу неопределённость, до тех пор, пока мы не получим всю возможную информацию и неопределенность не станет нулевой. Считается, что связь между неопределенностью и информацией впервые была сформулирована Локком (1689 г.) и Юмом (1748 г.). Эта связь получила свою каноническую математическую формулировку в функции, предложенной Хартли (1928 г.), определяющей количество информации, которое мы получаем при выборе элемента из конечного множества.

Существует много «количественных» теорий, позволяющих рассчитать количество информации для технических устройств и самой известной из них является теория информации К. Э. Шеннона, где информация определяется через энтропию (H) дискретной случайной величины (X). Он показал, что количество информации, содержащейся в сообщении, есть функция вероятности того, что из

всех возможных сообщений будет выбрано именно данное. Он обозначал общий потенциал информации в системе как ее «энтропию» (термин, который в термодинамике означает степень случайности системы). Хорошо известно, что К. Э. Шеннон предложил считать основной единицей информации бит, который может быть представлен как состояние системы «1» или «0». Таким образом, термин «бит» используется для обозначения базовой единицы классической информации с точки зрения энтропии К. Э. Шеннаона, а также для обозначения элементарной двухпозиционной классической системы, представляющей возможные выходы элементарного классического источника информации. Однако, информация К. Э. Шеннаона - это довольно слабое понятие, которое не отражает понятие беспорядка, интуитивно необходимое для термодинамической концепции энтропии.

Не буду далее рассматривать другие количественные концепции информации (поскольку в данном контексте они не представляют особой важности), отмечу только ряд областей, где трактовка понятия «информации» имеет значение для понимания «Информационной теории психических явлений».

Это, во-первых, *понятие информации в физике*, в частности, в «Принципе Ландауэра» [Landauer, 1961], который гласит, что минимальная энергия, необходимая для стирания одного бита информации, пропорциональна температуре, при которой работает система (этот принцип более подробно будет рассмотрен далее) и, во-вторых, в *квантовой теории информации*, в основе которой лежит феномен «квантовой запутанности». Квантовая запутанность в данном случае определяется как «физический ресурс, подобный энергии, связанный со специфическими неклассическими корреляциями, которые возможны между разделёнными квантовыми системами. Запутанность можно измерять, преобразовывать и очищать. Пару

квантовых систем в запутанном состоянии можно использовать в качестве канала передачи квантовой информации для выполнения вычислительных и криптографических задач, которые невозможны для классических систем. Общее изучение возможностей квантовых систем по обработке информации является предметом теории квантовой информации» [Jeffrey Bub, 2023]. В качестве количественной оценки квантовой информации принят «Кубит», как обобщение классического бита, который в простейшем виде можно описать квантовым состоянием в двухуровневой квантово-механической системе, то есть система может находиться не только в состоянии или «1», или «0», но и в обоих состояниях одновременно (вспомним знаменитого «кота Шредингера», - Г. П.). Вообще, квантовые биты могут находиться в суперпозиции – ситуации, когда они одновременно находятся в двух дискретных состояниях. Квантовые биты колеблются и, следовательно, генерируют информацию. Более того, квантовые состояния кубитов могут быть взаимосвязаны, даже если носители информации находятся на большом расстоянии друг от друга.

Наряду с семантической концепцией Л. Флориди, среди других подходов к определению понятия информации можно отметить определение «*информации как состояние агента*». Формальная логическая трактовка таких понятий, как знание и убеждение, была начата во второй половине XX века, когда эти понятия изучали в контексте теории информации. Одним из примеров такого подхода является концепция информации Дж. М. Данна, в которой информация определяется как «то, что остаётся от знания, когда отbrasываешь веру, обоснование и истину».

Адриаанс П., подводя предварительный итог своего анализа, справедливо отмечает, что все другие концепции имеют более глубокие философские корни, однако сформулированы они таким обра-

зом, что их внедрение в научные исследования проблематично. В частности, для подтверждения этого вывода он ссылается на определение информации в трех наиболее влиятельных теориях: у К. Э. Шеннона - это вероятность, у А. Н. Колмогорова - вычисление, у Л. Флориди – истина; и замечает при этом, что у них почти нет ничего общего. Некоторые из них даже противоречат друг другу (истина против вероятности, детерминированное вычисление против вероятности). Аналогичная ситуация, отмечает Адриаанс П., существует в контексте термодинамики и теории информации, где используются одни и те же формулы для описания принципиально разных явлений (распределение скоростей частиц в газе против распределения вероятностей по множествам сообщений).

Особенно важным в нашем аспекте является его вывод о том, что «*Ситуация, которая, по-видимому, складывается, похожа на концепцию энергии: существуют различные формальные теории об энергии (кинетической, потенциальной, электрической, химической, ядерной) с чётко определёнными преобразованиями между ними. Кроме того, термин «энергия» используется в разговорной речи в широком смысле* (выделено мной, - Г. П.)» [Adriaans, 2024, с.6].

§1.3. Категория «информация» и особенности ее применения в психологии

Вернемся к исследованию нашей главной проблемы использования категории информации в психологии.

В некоторой степени снять противоречия между понятиями «физической» и «психической» энергией позволяют исследования энтропии [Melvin M. Vopson, S. Lepadatu, 2022], где, в частности, сформулирован новый закон, обозначенный как «Второй закон информационной динамики», суть которого состоит в следующем.

Известно, что одним из самых фундаментальных законов фи-

зики является второй закон термодинамики, согласно которому энтропия любой системы остается постоянной или увеличивается со временем, причем полагается, что этот закон применим к эволюции всей вселенной. Согласно авторам статьи [там же], в ней исследуется эволюция во времени информационных систем, определяемых как физические системы, содержащие информационные состояния, в рамках теории информации К. Э. Шеннона. На основании этих исследований авторы вводят *второй закон информационной динамики (инфодинамика)*, распространяя его не только на физические системы, но и на цифровое хранилище данных и геном биологической РНК. Согласно этому закону, энтропия информации остается постоянной или (в отличие от второго закона термодинамики) уменьшается с течением времени. В исследовании утверждается, что полученный результат имеет огромное значение для будущих разработок в области геномных исследований, эволюционной биологии, вычислительной техники, больших данных, физики и космологии.

Сам по себе закон, безусловно, интересный, но еще более интересными являются те размышления авторов, которые привели к формулировке этого закона. Поскольку они затрагивают суть проблемы, рассмотрим их несколько подробнее.

Итак, основываясь на научных разработках К. Э. Шеннона, а также работе Бриллюэна, Ландауэр [Landauer, 1961], используя термодинамические положения, сформулировал принцип, в котором утверждается, что информация является не просто математической конструкцией, но и физической сущностью, имеющей небольшую энергию, возникающую при стирании информации. Утверждается, что принцип Ландауэра подкреплен многочисленными экспериментальными исследованиями, поэтому, в целом признан научным сообществом.

Исходя из этого, одним из авторов анализируемой статьи, М.

М. Вопсоном [Melvin M. Vopson, 2022] в 2019 году был сформулирован принцип эквивалентности массы-энергии-информации (М-Е-И), являющийся расширением принципа Ландауэра и утверждающий, что «если информация эквивалентна энергии, согласно Р. Ландауэру, и если энергия эквивалентна массе, согласно специальной теории относительности Эйнштейна, то триада массы, энергии и информации также должна быть эквивалентна т.е. если $M \equiv E$ и $E \equiv I$, тогда $M \equiv E \equiv I$ (выделено мной, - Г. П.)» [Melvin M. Vopson, S. Lepadatu, 2022].

Далее авторы утверждают, что: «Эти фундаментальные идеи создали мост между чистой математикой и физикой, по существу «физикализировав» математику. Концепция физикализации математики имеет глубокие последствия для того, как мы думаем обо всей Вселенной, потому что она показывает, что *Вселенная фундаментально математическая и ее можно рассматривать как возникающую из информации, т.е. «она из бита»* - (выделено мной, - Г. П.) концепция, придуманная легендарным физиком Дж. А. Уилером» [там же].

Как известно, еще в 1990 году американский физик-теоретик Дж. А. Уилер высказал гипотезу, что информация должна быть фундаментальной концепцией физики, а *все физические сущности являются, по сути, информационно-теоретическими в своей основе.*

Подобные идеи высказываются и другими физиками, в частности, С. И. Доронин пишет, что квантовая теория информации «непосредственно связывает информацию с энергией через энтропию фон Неймана, которую можно считать основной физической характеристикой энергоинформационного процесса. *Изменение информации сопровождается изменением энергии, а обмен информацией напрямую связан с обменом энергией (справедливо и обратное)* - это еще один важный вывод, который сделан в физике квантовой информа-

ции (выделено мной, - Г. П.)» [Доронин, 2009, с.176].

Согласно С. И. Доронину, квантовая информация (как самая фундаментальная количественная характеристика системы) существует всегда там, где есть система, в любом ее состоянии. «Информация сама по себе является физической сущностью и существует даже тогда, когда система находится в нелокальном состоянии, поэтому *ее можно считать «первичной субстанцией», из которой в процессе декогеренции могут «проявляться» локальные объекты.* «Информация физична» в прямом смысле - она является источником *всех других физических процессов и материальных проявлений, которые могут иметь место в системе* (выделено мной, - Г. П.)» [там же, с.174]. Поскольку квантовая информация имеет более высокий статус относительно других физических величин, поскольку выше и значимость закона сохранения квантовой информации по сравнению с другими законами сохранения (массы, энергии, импульса и т. д.) [там же].

Стало быть, если, согласно теории квантовой информации, из Универсума (Абсолюта, Квантовой реальности) создается ВСЁ, то очевидно, что под влиянием каких-то сил (например, антропного принципа) возникает разная по плотности материя: в одних случаях – это материальный мир, в других – «тонкая психическая материя», но природа у них одна – *ИНФОРМАЦИЯ*. Конечно, при этом логично предположить, что психическое - это какой-то особый вид информации (обозначу ее пока как «психоинформацию»).

Полагаю, что при разработке фундаментальной концепции информации необходимо учитывать не только ее количественные характеристики, но и качественные особенности. Однако, проведенный выше анализ понятия «информации», показал, что большинство информационных концепций опираются только на ее количественные показатели, а качественные особенности, за редким исключением

ем (например, семантическая концепция Л. Флориди или концепция информации Дж. М. Данна, который полагает, что информация – это то, что остаётся от знания, когда отбрасываешь веру, обоснование и истину), считаются несущественными.

С учетом проведенного анализа и современных данных квантовой теории информации, сформулирую кратко основную гипотезу, на которой строится излагаемая здесь информационная теория психических явлений: «кроме количественных характеристик, информация обладает еще и атрибутивными качествами, изменяющимися в модальностях: «идеальное» - «материальное».

Рассмотрим, какие возможности дает нам эта гипотеза, однако, сначала необходимо найти ответ на вопрос: есть ли отличие «физической информации» от «психоинформации» и, если есть, то в чем оно состоит?

Концепция психоинформации В. И. Степанского. В данном аспекте особый интерес представляет работа В. И. Степанского «Психоинформация» [Степанский, 2006], в которой он обосновывает выдвинутую им гипотезу о том, что «наряду с материальными существуют информационные идеальные явления, которые распространены повсеместно как в неживой, так и в живой природе и вместе с последней проходят естественное эволюционное развитие, высшей ступенью которого является *психоинформация - психика человека* (выделено мной, - Г. П.)» [Степанский, 2006, с.10]. Важно сразу отметить, что сам термин «психоинформация» является вполне адекватным, однако, *в дальнейшем изложении в этом термине будет вкладываться принципиально иное содержание* (полное определение понятия «психоинформации» дано в последующих главах).

Обоснование этой гипотезы автор начинает с определения понятия информации как «сообщения, заключенного в некоторую

форму», причем сюда включается всё разнообразие сообщений вне зависимости от их формы и содержания.

Анализируя понятие информации в контексте теории управления, применительно к практике человеческой жизни, он отмечает, что «важнейший (принципиальный, основополагающий) признак управления остается всегда одним и тем же, независимо от природы управляемых объектов. Это - *влияние* одного объекта на другой, *причем именно влияние, а не воздействие* (выделено мной, - Г. П.)» [Степанский, 2006, с.27]. При этом полагается, что в мире человеческих отношений - влияние буквально подразумевает добровольность (возможность или вероятность реализации функциональной зависимости одного объекта от другого), а воздействие – принуждение (это всегда необходимость или неизбежность).

Здесь возникает первый вопрос к автору «Психоинформации»: насколько правомерно такое разграничение, особенно в области человеческих отношений? Допускаю, что оно весьма сомнительно, поскольку можно привести много примеров, когда в обеих областях очень трудно дифференцировать влияние и воздействие.

Так как подобное разделение в теории автора является принципиальным, основополагающим, рассмотрим его подробнее. В. И. Степанский пишет: «Если воздействие осуществляется путем прямого переноса материи и (или) энергии от одного объекта к другому и потому может быть обозначено как *материально-энергетический процесс* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.), то *влияние представляет собой информационный процесс*, в котором материя и энергия выполняют вспомогательную роль, обеспечивая его, но не определяя ни содержание информационного процесса, ни производимые им эффекты» [Степанский, 2006, с. 29]. Далее, переходя непосредственно к анализу понятий «информация» и «информационный процесс», он предлагает «с самого начала *отказаться от представ-*

ления информации в качестве некоторой сущности, подобно тому, как мы интуитивно представляем себе материю или энергию» ... Кроме того, информация сама по себе ничего не производит, само-произвольно не распространяется... понятие информация всегда относилось к сфере идеальных концептов (выделено мной, - Г. П.)» [Там же].

Трудно согласиться с таким пониманием информации, поскольку оно явно противоречит современному пониманию информации в квантовой физике, согласно которой информация - это фундаментальная физическая концепция и все физические сущности в своей основе информационно-теоретические (более подробно об этом см. выше).

Сравнивая использование понятия информации в общей теории связи и в регуляторных процессах, В. И. Степанский отмечает следующие отличия. Во-первых, в системах связи, в отличие от регуляторных процессов, информационный процесс подразумевает только лишь *возможность* изменений объекта-адресата в зависимости от состояний объекта-источника воздействий, поскольку в процессах регуляции *обязательны* изменения в состоянии объекта регулирования. Во-вторых, «информационный процесс - это не передача информации от одного объекта к другому, подобная передаче материи и (или) энергии, а *отображение одного объекта в состояниях другого...* (выделено мной, - Г. П.)» [Степанский, 2006, с.30]. При этом, понятие «отображение» подразумевает отображательную активность воспринимающего объекта. Такое понимание «отображения» приводит автора к следующему выводу: «Главная специфика информационного процесса состоит в том, что он совершается внутри некоторого объекта, отображающего нечто внешнее путем изменения собственного внутреннего состояния, что соответствует понятию влияние и результатом чего является отображение внешнего

объекта, или модель объекта, или информация об объекте. В контексте анализа явления самоуправления *все три понятия - отображение, модель и информация - полностью синонимичны* (выделено мной, - Г. П.)» [Там же, с.31].

По сути, В. И. Степанский, с позиции информационного процесса описывает избирательную активность живого организма в процессе его взаимодействия с окружающей средой для создания ее модели. При этом материальной средой для модели является изменение состояния некоторых компонентов-рецептора под воздействием каких-либо факторов внешней среды. Таким образом, «*определенные состояния одного или нескольких рецепторов соотносятся системой с определенными свойствами внешней среды как причина и следствие, благодаря чему внутри системы возникает отображение среды, которое можно назвать также моделью среды или информацией о среде* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.). Как уже говорилось, по содержанию все три термина синонимичны, однако *понятие информация наилучшим образом передает идеальный характер данного природного явления*» [Степанский, 2006, с.32].

Подчеркивая идеальный характер информации, он далее пишет: «*Сама по себе информация, будучи образованием идеальным, не имеет никакой собственной силы воздействия, а ее влияние на материально-энергетические процессы* (выделено мной, - Г. П.) осуществляется благодаря тому, что любое изменение информации одновременно означает и изменение состояния объекта - носителя информации» [Степанский, 2006, с.70]. Возникает вопрос: как «информация, будучи образованием идеальным», не имея «никакой собственной силы воздействия», тем не менее, оказывает «влияние на материально-энергетические процессы»?

Поскольку понятие «психоинформации» является центральным во всем дальнейшем содержании этой работы, приведу ее определение:

ние, данное В. И. Степанским. Согласно ему «... рефлексированное содержание сознания можно объединить общим понятием «*психо-информация*», обозначив таким образом содержание происходящих в центральной нервной системе информационных процессов (выделено мной, - Г. П.), непосредственно данных человеку в виде осознаваемых психических явлений» [там же, с.58]. Не буду здесь комментировать это определение, отмечу еще раз, что оно принципиальным образом отличается от того, как оно будет трактоваться далее в этой работе.

Подведем некоторые итоги представленных размышлений. Во-первых, в описанной выше избирательной активности живого организма при взаимодействии с окружающей средой нет никакой особой новизны, достаточно вспомнить работу [Миллер, Галантер, Прибрам, 1965] или, наиболее близкую нам, теорию функциональных систем П. К. Анохина [Анохин, 1978]. Известно, что функциональная система П. К. Анохина (информационная модель), основанная на особых *функциональных отношениях между элементами системы*, формируется для актуального момента взаимодействия организма со средой и в своем своеобразии несет всю информацию о данном моменте. Во-вторых, одним из выводов, к которому приходит В. И. Степанский: возникновение внутри системы (читай, организма) отображения среды – есть идеальный процесс, с чем трудно согласиться. Кстати, для подтверждения своего вывода об идеальности этого процесса он сравнивает его с голограммой, полагая, что это тоже идеальное явление. Он пишет: «Голограмма - отображение объекта с помощью лазерной техники, при котором само изображение - это совершенно бестелесное порождение электромагнитных волн».

Действительно, и сама модель среды, как и голограмма, это идеальные явления, но они остаются таковыми только до тех пор,

пока мы их не проинтерпретируем! Только после интерпретации (появления смысла, семантики) подобные «идеальные явления» превращаются в психоинформацию, способную оказывать материальное воздействие на нейронные сети мозга.

Возможно здесь требуется некоторое пояснение. Конечно, первым моментом отображения действительности является поиск анализаторной системой человека уже знакомой ему, сохраненной в нейросетях (в виде различного рода ансамблей, конstellаций нейронов) информации (нечто подобное происходит при возникновении ориентировочной реакции) и та же самая голограмма не будет никак проинтерпретирована, если созданный ею образ неизвестен человеку, то есть, не был ранее «прописан» в его нейросетях. Очевидно, что в процессе онтогенеза в нейросетях формируются вполне «материальные отображения» различных воздействий внешней среды (здесь не имеются ввиду явления «изоморфизма»!), сохраняющие при этом определенную субъективность, поскольку она уже заложена в индивидуальном строении анализаторного аппарата человека.

Теперь можно сформулировать предварительное определение психоинформации и его следствие: *психоинформация - это «означенная» (проинтерпретированная) информация, представляющая собой качественно новую форму информации, способную оказывать материальное воздействие на нейронные сети мозга и, в этом случае, она не должна рассматриваться как явление идеальное.*

Отмечу, что содержанием психоинформации всегда является опыт (накопленные знания) человека (более подробно характеристики и особенности психоинформации, как центральной категории данной работы, будут рассмотрены далее).

Глава 2. АКСИОМАТИЧЕСКИЙ МЕТОД КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННОГО ПОХОДА К ПСИХИЧЕСКИМ ЯВЛЕНИЯМ

§2.1. Пять постулатов как основа для разработки информационной теории психических явлений

Известно, что создателем аксиоматического метода считается Аристотель, выделивший и обобщивший в своей «Метафизике» основные структурные элементы, используемые в практике построения философских теорий. В обобщенном виде суть этого метода состоит в том, что автором некоторой (философской) теории принимается изначальный набор аксиом, на основе которого затем, посредством логических построений, можно получить все остальные значимые утверждения.

Обращаясь к проблеме «качества» информации и, учитывая высказанную ранее основную гипотезу, воспользуюсь «аксиоматическим» методом для построения информационной теории психических явлений, только в данном случае, вместо термина «аксиома» (что больше свойственно математическим теориям), буду использовать понятие «постулат».

В философской энциклопедии это понятие определяется так: «Постулат – (лат. Postulatum – требование), положение (суждение, утверждение), принимаемое в рамках какой-либо научной теории за истинное в силу очевидности и поэтому играющее в данной теории роль аксиомы ... Постулат – это нелогические (*специальные*) аксиомы теории; их сочетание с аксиомами и правилами логики позволяет описать (*индивидуализировать*) объекты универсума, теории и их свойства. Постулаты теории выступают как ее основные абстракции и служат содержательным основанием для вывода других ее положений-теорем» [Философский словарь, 2025].

Н. Смит, отмечая важность использования постулатов в теоретических построениях, пишет: «Постулаты представляют собой исходные предпосылки или предположения, которые служат в качестве основополагающих принципов для дальнейшего анализа и часто формулируются письменно как набор взаимосвязанных утверждений. Для понимания фундаментальных исходных положений теоретических систем наличие зафиксированной письменно системы постулатов имеет крайне важное значение (выделено мной, - Г. П.)» [Смит, 2003]. Необходимость представления эксплицитных постулатов (особенно в психологических теориях), также подчеркивается Мак-Гоком (McGeoch, 1933): «Тот факт, что любая область знания основана на аксиоматических операциях, является почти банальным, однако то, что факт использования этих операций необходимо признать и сделать эксплицитным, является менее часто соблюдаемым принципом. Такое эксплицитное признание не только делает явными исходные предположения, что необходимо, если на них будет возведена согласованная структура, но и расчищает почву для понимания и корректной критики (выделено мной, - Г. П.). В полемике между различными системами можно обнаружить такие споры, которые просто не могли бы иметь места, если бы научные «школы» с самого начала открыто заявляли свои постулаты» [цит. по Смит, 2003].

Итак, для построения информационной теории психических явлений сформулирую пять основных постулатов, касающихся динамики качества информации (отмечу, что постулаты формулируются только для живых организмов, без учета информационных проявлений в неживой природе).

Во-первых, не все психические феномены можно отнести к категории «идеального». К таковым, безусловно, относятся коллективное бессознательное и субъектная реальность, а также все со-

держание личного бессознательного [Прыгин, 2018].

Во-вторых, любая информация переходит из идеального («не-проявленного») состояния в элемент эмпирической действительности, тогда и только тогда, когда она «означивается» (интерпретируется как знак). Причем, такая интерпретация может быть осуществлена с помощью любой семиотической (знаковой) системы, например, языка, жестов, эмоций и пр., то есть, в том случае, когда человек придает значение этой интерпретации.

Важность понятия «психоинформации» требует особых пояснений, поэтому, по мере необходимости, буду останавливаться на некоторых аспектах, поясняющих это понятие (кстати, именно эта проинтерпретированная информация и была мной обозначена в первой главе как «психоинформация»).

Итак, в процессе жизни человека одновременно формируются и сохраняются *два подобных вида информации*: один - в идеальном плане личного бессознательного, другой - «материальный», в нейросетях. Впоследствии, как только идеальная информация личностного бессознательного проявляется в индивидуальном сознании в виде некоторого «знака» (то есть, образуется психоинформация), он («знак») способен «запустить» соответствующий ему процесс в нейронных сетях. По сути, осознанный знак можно уподобить ключу (коду), который имеет возможность активировать соответствующие ему ансамбли нейронов и, тем самым, вызвать наборы поведения, ему адекватные. Здесь уместно напомнить, что в первой главе был кратко описан *информационный подход*, который П. К. Анохин использовал для объяснения процессов, происходящих в функциональных системах. Именно там, он убедительно показал важность «кодирования» информации. Правда, в своих объяснениях он не учел одного важнейшего атрибутивного параметра самой информации – ее качество, модальность которого может меняться в диахото-

мии «идеальное-материальное». Необходимо отметить, что здесь используются термины «знак», «код» и «ключ» *только как некоторые аналоги*, позволяющие лучше понять суть «психоинформации»; сказанное позволяет сформулировать третий постулат.

В-третьих, «означенная» (*проинтерпретированная*) информация, содержанием которой всегда является опыт (накопленные знания) человека, одновременно сохраняется и в его нейросетях (как нейроинформация), и в личном бессознательном (как идеальная информация).

Причем, если нейроинформация сохраняется, как различного рода ансамбли (конstellации) нейронов, соответствующие той или иной «означенной информации», то в личном бессознательном информация сохраняется не только в виде «означенной информации» (разных «понятий», «знаков»), но и *сопутствующих ей эмоциональных (аффективных) переживаний и субъективно-эмпирических явлений*.

В связи с третьим постулатом, приведу цитату К. Юнга, который писал: «Как живое тело с присущими ему особыми качествами является системой приспосабливающих к условиям внешней среды функций, так и душа должна обнаруживать подобные же органы или функциональные системы, соответствующие закономерным физическим событиям (здесь и далее выделено мной, - Г. П.). Под этим я подразумеваю не функцию восприятия, связанную с органами чувств, а скорее особого рода психические явления, параллельные физическим закономерностям» [Юнг, 1994, с.127]. Кроме того, можно сослаться на мнение А. Н. Леонтьева, который писал, что «Наши чувственные обобщенные образы, как и понятия, содержат в себе движение и, стало быть, противоречия; они отражают объект в его многообразных связях и опосредствованиях. Это значит, что никакое чувственное знание не является застывшим отпечатком

(здесь и далее выделено мной, - Г. П.). Хотя оно и хранится в голове человека, но не как "готовая" вещь, а лишь виртуально - *в виде сформировавшихся физиологических мозговых конstellаций*, которые способны реализовать субъективный образ объекта...» [Леонтьев, 1975, с.26].

В этом же контексте Харальд Атманспахер (Atmanspacher Harald) в своей статье «Квантовые подходы к сознанию» (2024) пишет, что на уровне, на котором различаются сознательные психические состояния и материальные состояния мозга, каждое сознательное переживание (согласно Stapp), имеет своим физическим аналогом редукцию квантового состояния, приводящую к актуализации «паттерна активности, который иногда называют нейронным коррелятом этого сознательного переживания». Причем, этот паттерн активности может кодировать намерение и, таким образом, представлять собой «шаблон для действия».

Эти высказывания могут служить косвенным подтверждением правомерности сформулированного постулата.

(Отмечу, что, используемый здесь и далее термин «нейросеть» заимствован из работы К. В. Анохина [Анохин, 2021], в которой им была сделана заявка на создание в будущем теории, позволяющей решить психофизиологическую проблему).

В-четвертых, идеальная информация личного бессознательного и нейроинформация (нейросетей) связаны между собой посредством принципа синхронистичности (К. Юнг), поэтому любое изменение информации на одном из этих уровней ее существования мгновенно приводит к подобному изменению на другом уровне.

В-пятых, только живой организм, имеющий знаковую систему (и обладающий определенным уровнем осознанности) способен порождать тот феномен, который обозначен здесь как «*субъективно-эмпирические явления*». Субъективно-эмпирические явления пред-

ставляют собой *сопутствующее* свойство психоинформации, определяющее необходимость в *актуализации соответствующей нейроинформации* (подробный анализ субъективно-эмпирических явлений представлен в главе 6).

На основе этих пяти постулатов был сделан вывод о том, что *весь процесс изменения качества информации* можно (условно) представить в виде следующей последовательности: «*Идеальная информация*» <-> «*Психодиагностика*» <-> «*Субъективно-эмпирические явления*» → «*Нейроинформация*» → «*Внешняя активность*» (знак «<->» указывает на наличие прямой и обратной связи). Причем, первые четыре компонента этой последовательности непосредственно отображают процесс изменения *качества информации*, а последний - возможный результат этого изменения.

Важно, что «*субъективно-эмпирические явления*» изображены здесь в виде отдельного компонента последовательности условно, так как они *являются сопутствующим свойством психоинформации* и, наряду с эмоциональными переживаниями, должны быть объединены в один блок «*Психодиагностика*» (см. главу 6).

В подтверждение сформулированных постулатов относительно важности учета качества информации, уместно отметить работу профессора Л. И. Хромова [Хромов, 2006], советского специалиста по теории связи, который писал: «В основе информационной теории связи как раздела науки лежит новое и сложнейшее понятие «*информация*», новизна и сложность этого понятия заключается в том, что оно имеет две неделимых стороны: количество и *качество информации* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.)... Понятие «*информация*» отличается от понятия «*энтропия*» принципиально тем, что в нём кроме количественного аспекта *сильно выступает качественный аспект*» [Хромов, 2006, с.6]. И далее: «*Информация как раз и выражает передаваемость (движение) формы и содержания. Духовный сигнал может передавать не только сообщение*

справочного характера, которое в быту часто ошибочно называют «информацией», но и *сложное смысловое содержание и эмоции. Информация есть она из ипостасей духовного сигнала, допускающая числовую оценку количества информации, но имеющая и качество»* [Хромов, 2006, с.25-26].

§2.2. Атрибутивные характеристики «Идеальной информации», «Психодинформации», «Нейроинформации»

Атрибутивные характеристики первых трех компонентов этой последовательности можно описать так (напомню, что атрибутивное свойство, характеристика – это *неотъемлемое* свойство или характеристика чего-либо):

1. Основные характеристики «Идеальной информации».

- *Локус*: личное бессознательное.
- *Функции*: а) сохранение всего субъектного опыта, приобретаемого на протяжении всей жизни человека (*всё знание личности, вся приобретенная личностью информация*); б) осуществление всех мыслительных процессов на основе приобретенного знания (*«переработка» информации*); в) перманентный поиск решения разного уровня и разной значимости проблемных ситуаций личности.

- *Системные связи (взаимодействие)*: с субъектной реальностью [Прыгин, 2023] и (через нее) с коллективным бессознательным; с нейроинфекцией (нейросети мозга) через образование психоинформации и посредством принципа синхронистичности (см. приложение А, рис.1).

2. Основные характеристики «Психодинформации» (как продукта индивидуального сознания).

Вначале кратко рассмотрим, в виде чего может проявляться психоинформация. Поскольку она может проявиться в виде отдель-

ного понятия или одновременно нескольких понятий, то последующее возникновение внутренней или внешней активности будет зависеть от содержания этих понятий. В этом аспекте можно условно выделить три общих случая проявления активности: *во-первых*, в виде некоторых *наборов поведения*, релевантных текущему моменту действительности; *во-вторых*, как *некоторые аффективные переживания* особенностей осознанного текущего момента и служащие своеобразным мотивом для возможной последующей внутренней или внешней активности; *в-третьих*, как *нейтральное (индифферентное) восприятие* текущего момента действительности.

Отмечу, что все три случая проявления психоинформации сопровождаются «субъективно-эмпирическими явлениями», но только первые два приводят к внешней активности человека. Тем не менее, в любом из этих проявлений психоинформация, по отношению к нейроинформации, выступает в виде некоторых «кодов», «ключей», способных «запустить» соответствующую именно ей мозговую активность.

Итак, основные характеристики психоинформации:

- *Локус*: «поток индивидуального сознания»;
- *Функции*: а) проявление индивидуального сознания (как основы для сознательной оценки, контроля, принятия решений и управления внешней и внутренней активностью человека); б) посредством «субъективно-эмпирических явлений» активация нейроинформации, ведущая к внешней активности.

- *Системные связи (взаимодействие)*: с нейросетями и личным бессознательным (см. приложение А, рис.1).

3. Основные характеристики «Нейроинформации».

- *Локус*: структуры мозга (нейросети);
- *Функции*: реализация внешней активности человека через актуализацию соответствующей ей нейросети;

- *Системные связи (взаимодействие)*: посредством принципа синхронистичности с идеальной информацией личного бессознательного (см. приложение А, рис.1).

Очевидно, что из всех пяти постулатов особого объяснения требует второй, - каким образом психоинформация (по сути, представляя собой «означенное» понятие) может вызывать внешнюю активность человека.

В этом аспекте весьма важными представляются размышления А. Н. Леонтьева о том, как он понимал сознание. Его позиция была сформулирована в известном труде: «Деятельность. Сознание. Личность», в котором он писал, что «Вступая в общение между собой, люди производят также язык, служащий для *означения* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.) предмета, средств и самого процесса труда. *Акты означения* и суть не что иное, как акты выделения идеальной стороны объектов, а присвоение индивидами языка - *присвоение означаемого им в форме его осознания*» [Леонтьев, 1975, с. 11].

Полагаю, что это был важный этап в понимании сущности феномена сознания, однако, возможно в силу особых исторических условий, - этап, не доведенный до логического конца. У А. Н. Леонтьева «означивание» так и осталось актом «выделения идеальной стороны объектов»; актом, который не может прояснить главную проблему – как взаимодействуют между собой «идеальное» и «материальное» (как «присвоение индивидами языка» ведет к осознанию). Далее, рассматривая идеальные явления, я вернусь к обсуждению этого положения и к тому, как понимал сознание Л. С. Выготский, учеником которого и являлся А. Н. Леонтьев.

Для объяснения и «акта означивания» (по А. Н. Леонтьеву), и появления психоинформации, обратимся к квантовой физике. В рамках определенных интерпретаций квантовой механики и философских подходов идея о том, что все феномены изначально существуют в нелокальном («идеальном») состоянии до момента декоге-

ренции, по утверждению физиков-теоретиков, имеет все основания. Исходя из этого, применительно к психике человека, приведу сформулированную мной ранее (Прыгин, 2023) общую (радикальную) гипотезу, суть которой состоит в следующем. *Процесс осознания информации личного бессознательного подобен процессу декогеренции, когда информация, в виде некоторого понятия, переходит из нелокального (бессознательного) состояния в состояние локальное - сознательное.*

Другими словами, с позиции квантовой физики, *момент осознания, - появления психоинформации*, можно уподобить появлению в объективной действительности в результате декогеренции элементарной частицы из «ничего», из нелокальной квантовой реальности. Поэтому *момент осознания можно определить, как момент приобретения идеальной информацией личного бессознательного локальности.*

Напомню, что под декогеренцией понимается «физический процесс, при котором нарушается нелокальность и уменьшается квантовая запутанность между составными частями системы в результате ее взаимодействия с окружением. При этом подсистемы «проявляются» из нелокального состояния в виде отдельных самостоятельных элементов реальности, они обособливаются, отделяются друг от друга, приобретая видимые локальные формы (выделено мной, - Г. П.)» [Доронин, 2009, с.324].

Стало быть, с позиции квантовой физики, *момент осознания, - это момент появления психоинформации.*

Особенно важно отметить, что фактически здесь речь идет об изменении качества информации, то есть, будучи явлением идеальным, она «теряя» идеальность и, превращаясь в психоинформацию, приобретает потенциальную возможность воздействовать на нейросети мозга, а, следовательно, менять объективную реальность.

Это может, в частности, проявляться и в таких продуктах человеческой культуры, как: выведенная математическая формула, какой-либо открытый закон или созданный художественный образ. Хотя их и относят к явлениям идеальным, после того как они подверглись интерпретации (то есть, проявились в виде психоинформации), таковыми, по сути, уже не являются, поскольку могут непосредственно воздействовать на внешнюю или внутреннюю активность человека.

По поводу сказанного выше могут возникнуть вопросы: как и чем «запускается» процесс декогеренции? Из чего состоит «проявленная психоинформация» в момент осознания, какова ее структура? Ответ на первый вопрос также был сформулирован ранее (Прыгин, 2023). В частности, было показано, что мы тогда осознаем идеальную информацию, когда облекаем ее в слова, в понятия (образующие разного рода семантические поля), поэтому *язык можно уподобить «квантовому оператору волновой функции плотности вероятности», запускающий процесс декогеренции* подобно тому, как это происходит в процессе измерения квантовых эффектов.

В дополнение к этому (по поводу измерения квантовых эффектов) уместно еще раз сослаться на статью «Квантовые подходы к сознанию» Харальда Атманспахера, где представлены его взгляды на волновую функцию. Анализируя работы ряда исследователей (фон Неймана, Шредингера, Бауэра, Шимони и других) он приходит к выводу, что именно человеческое *сознание* завершает процесс квантового измерения, отводя, таким образом, сознанию решающую роль в понимании этого процесса с точки зрения обновления знаний наблюдателя. Он также отмечает, что в 1960-х годах Вигнер (1967) радикализировал эту гипотезу, предположив, что сознание влияет на физическое состояние измеряемой системы, а не только на знания наблюдателя.

Возвращаясь к проблеме «проявления психоинформации» считаю, что любой язык, обладающий возможностью обозначения («означивания»), можно рассматривать в качестве такого «квантового оператора», запускающего процесс декогеренции. Кроме того, «степень осознания» будет прямо коррелировать с такими свойствами языка, как, например, системность, воспроизводимость, способность обобщать, комбинационность и рядом других; таким образом, чем более развит язык, тем больше развита способность к осознанию (собственно говоря, к проявлению сознания). Возможно, что развитие этих идей поможет дать ответы на такие вопросы, как: «присуще ли сознание только человеку?», «можно ли говорить об уровнях сознания?», «можно ли говорить о наличии сознания у животных?» [Прыгин, 2023, с.79].

Все выше сказанное дает возможность сделать два *предварительных* логических вывода: во-первых, образование психоинформации можно расценивать как проявление индивидуального сознания личности и, во-вторых, введение понятия «психоинформации» позволяет подойти к решению психофизиологической проблемы (в широком смысле, проблемы взаимодействия «идеального» и «материального», то есть проблемы психофизической).

Ответам на вопросы, из чего состоит «проявленная психоинформация» и какова ее структура в момент осознания, будет посвящена отдельная четвертая глава (хотя, понятие «психоинформации» в различных аспектах рассматривается в каждой главе, поскольку является центральным понятием всей книги). Теперь перейдем к обсуждению «психофизиологической проблемы» в ниже озаглавленном ее аспекте.

Глава 3. ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «МАТЕРИАЛЬНОГО» И «ПСИХИЧЕСКОГО»

§3.1. Феноменология двухуровневого сохранения психоинформации

Прежде всего, отмечу, что во многих научных работах, исследующих работу мозга с позиции физиологии и психофизиологии и обсуждающих психофизическую проблему, было обнаружено «стрange» обстоятельство - абсолютно свободная трактовка терминов, взятых из психологии, которые используются авторами в своих рассуждениях (теориях) и утверждающих затем несостоятельность психологии, как науки. По их мнению, психофизиологическая проблема решается просто - упразднение психологии снимает проблему взаимоотношения «души» и «тела». Научная состоятельность таких теорий в решении психофизиологической проблемы представляется весьма сомнительной.

Условно можно считать, что впервые «в научном плане» психофизическую проблему сформулировал Р. Декарт [Декарт, 1950], почти 450 лет назад. Впоследствии к этой проблеме за прошедшие 100-150 лет (то есть только за период, который считается возникновением «современной» науки) обращалось огромное количество исследователей разных областей наук (философы, физики, биологи, физиологи и, конечно, психологи, поскольку решение психофизической проблемы одновременно снимает и «трудную проблему сознания»). К авторам таких работ, получивших наибольшую известность в 20 веке и первой четверти 21 века, можно отнести таких философов, как В. В. Васильев [Васильев, 2009], Д. И. Дубровский [Дубровский, 2007], В. В. Зеньковский [Зеньковский, 1914], Д. В. Иванов [Иванов, 2013], Д. Деннет [Деннет, 1990, 2004], Т. Нагель [Нагель, 2003], Дж. Сёрл [Сёрл, 2002], Г. Т. Хант [Хант, 2004], Д. Чалмерс

[Чалмерс, 2013]; физиологов (нейрофизиологов): И. О. Александров [Александров, 2006], П. К. Анохин [Анохин, 1978], К. В. Анохин [Анохин, 2021], В. Я. Серегин [Серегин, 1998], В. Б. Швырков [Швырков, 1985, 1995], У. Пенфилд [Пенфилд, 2019], К. Прибрам [Прибрам, 1975], К. Фрит [Фрит, 2010], Ч. Шеррингтон [Шеррингтон, 1969]; психологов: Г. В. Акопов [Акопов, 2010], В. М. Аллахвердов [Аллахвердов, 2000], Л. М. Веккер [Веккер, 1998], В. П. Зинченко [Зинченко, 2005, 2006], В. А. Мазилов [Мазилов, 2015, 2020], В. А. Петровский [Петровский, 2018], В. Д. Шадриков [Шадриков, 2015], М. Г. Ярошевский [Ярошевский, 1990], У. Джеймс [Джеймс, 1902], К. Г. Юнг [Юнг, 2013]; физиков: С. И. Доронин [Доронин, 2009], М. Б. Менский [Менский, 2011], В. Паули [Атом и архетип, 2018], Э. Шредингер [Шредингер, 2000]. Безусловно, этот список исследователей можно продолжать до бесконечности.

Таким образом, можно говорить о том, что проблема взаимодействия «материального» и «психического» стоит перед человеком с того момента, когда у него возникли первые «проблемы сознания», поэтому не будем здесь вдаваться в исторический экскурс обсуждения этой проблемы. Есть огромное количество и научных, и популярных работ, посвященных ей, например, работы А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского и многих, многих других авторов.

Обратим внимание только на один важный момент, часто пишут о «психофизической» и о «психофициологической» проблемах; в принципе, - это проблемы одной философской категории. Различие в том, что «Психофизическая» проблема – это проблема о взаимоотношении «материального» и «идеального» в самом широком смысле этих понятий (как субстанций), а «психофициологическая» проблема касается взаимодействия «психического» (психических явлений, в частности, сознания) со структурами мозга (обеспечивающих непосредственное взаимодействие организма со средой оби-

тания). С позиции психологии адекватнее рассматривать «психофизиологическую» проблему, поскольку в этой ее части она является не только философской, но и методологической проблемой психологии.

Итак, любая психоинформация (знание, ранее приобретенное в опыте) способна вызывать активность человека. Более того, можно полагать, что любое слово (к тому же, изреченное), уже явление не идеальное, а представляет собой результат «воздействия» на речевой аппарат человека психоинформации, посредством активации, соответствующей нейроинформации. Именно так можно объяснить процесс воздействия «идеального» на «материальное».

Здесь может возникнуть вопрос о целесообразности постулирования «двухуровневого» сохранения накопленного опыта (см. третий постулат в §2.1.), нельзя ли ограничиться только классическим («одноуровневым») объяснением психофизиологической проблемы – все накопленные знания, опыт сохраняются (как нейроинформация) в нейросетях мозга? Ответ будет, конечно отрицательный – «нельзя». Даже если принять постулат о сущности психоинформации и ее свойствах, не представляется возможным объяснить обратный процесс – как нейроинформация («материальное») может порождать (идеальные) психические явления, в том числе и различного рода «ложную информацию», например, в виде конфабуляции или, что особенно любят приводить в пример нейрофизиологи – результаты экспериментов по электростимуляции коры мозга.

Кстати, в различных научных трудах (чаще всего в науках, связанных с изучением мозга – биологией, физиологией, различными нейронауками) такой вопрос вообще не возникает, поскольку имплицитно полагается, что информация, сохраненная в нейросетях способна создавать те явления, которые относятся к категории психических (при этом считается, что все психические явления отно-

сятся к явлениям идеальными). Правда, нигде не описывается ни сам этот процесс, ни как это происходит; в конечном счете, все сводится к хорошо закамуфлированным различного рода эпифеноменам, эмерджентности и прочим подобным явлениям. Впрочем, это не удивительно, поскольку в рамках доминирующей (в естественных науках) «материалистической» парадигмы – другого объяснения найти невозможно!

Как было отмечено, разрешение поставленного выше проблемного вопроса требует смены общенациональной парадигмы. Поэтому на основе новой парадигмы [Прыгин, 2018] было сформулировано положение о «двууровневом» сохранении накопленного человеком опыта – в его нейросетях и личном бессознательном, связанных между собой принципом синхронистичности (как известно, название и гипотеза этого принципа принадлежат К. Юнгу).

Подчеркну еще раз: *в каждом конкретном случае приобретения нового знания возникает психоинформация, которая одновременно сохраняется как два подобных вида (но разного качества) информации: идеальной информации (личного бессознательного) и нейроинформации (нейронных сетей), а наличие между ними синхронистичности позволяет говорить о том, что любые изменения одного из них мгновенно изменяют и другой.*

Поскольку здесь идет речь о сохранении знания и опыта человека, своего рода памяти, интересны размышления о процессах памяти философа и психолога, профессора Л. М. Лопатина (1855–1920), который полагал, что имеются только три адекватные гипотезы, способные объяснить «факты» памяти. К ним он относил: во-первых, «феноменистическую» гипотезу, суть которой состоит в том, что она в определенной мере может объяснить механизм возникновения воспоминаний в каждый данный момент, однако, она не может объяснить постоянно совершающееся нами узнавание в образах

настоящего, действительно бывших (имевших место) фактов. Вторых, «спиритуалистическую» гипотезу, согласно которой душа признается как едино, неизменная субстанция, в которой весь пережитый ею опыт навсегда остается в том же порядке, как он был пережит. Л. М. Лопатин считал, что с помощью этой гипотезы можно достаточно хорошо объяснить единство нашего сознания и факты узнавания прошлого в настоящем, но она совершенно неспособна разъяснить ограниченность, связанность и условность фактов (явлений) памяти [Лопатин, 1996].

Третья гипотеза, обозначенная Л. М. Лопатиным как «гипотеза *непрерывного взаимодействия души и тела*», и, с его точки зрения, наиболее адекватно объясняющая факты (и явления) памяти, заслуживает того, чтобы полностью привести ее в авторском толковании: «Она (эта гипотеза, – Г. П.) могла бы слагаться из следующих соображений. Наш дух в самом деле есть сверхвременное субстанциальное существо, и поэтому все, что им было пережито и воспринято, хранится в нем, объединенное в стройную, последовательную картину. Но эта картина отражается в его самосознании только в очень тусклом, смутном и слитном, так сказать, *сжатом* виде. Собственно говоря, в этом случае мы даже имеем не сознание в строгом смысле, а скорее только *неопределенное общее чувство или темный инстинкт* прошлого (*личное бессознательное*, – Г. П.). Чтобы какое-нибудь воспоминание выделилось из этого совершенно слитного состояния, нужно, чтобы оно облеклось в чувственно наглядный образ (*появилась психоинформация*, – Г. П.); а для этого необходимо, чтобы повторилось соответствующее ему впечатление, если не в форме реального ощущения, то, по крайней мере, в форме его ослабленного и субъективного воспроизведения. Тогда дух инстинктивно угадает реальное значение этого образа и оценит его как символ прошлой действительности. Между тем, все, что мы знаем о психиче-

ских процессах в нас, заставляет думать, что для такого воспроизведения впечатлений - как в их прежней интенсивности, так и в виде их ослабленного повторения в субъективных образах воспоминания - одинаково бывают нужны особые физиологические условия. Отсюда вытекают зависимость феноменов памяти от чисто внешних и случайных обстоятельств, возможные в них aberrации и т.д. *Через это вообще вопрос о психологическом и физиологическом механизме наших воспоминаний получает первостепенное значение. Можно сказать, что в явлениях памяти душа наша более наглядно подчинена физической организации, чем в каких-нибудь других* (выделено мной, - Г. П.)» [Лопатин, 1996, с.197-198].

Приведенная выше цитата удивительно совпадает с тем, о чем говорилось выше. Остановимся на этом несколько подробнее.

Во-первых, «дух, как сверхвременное субстанциальное существо» в контексте методологии «Неклассической психологии» можно (и необходимо) понимать, как субъектную реальность (самость, самосознание, если угодно, душу человека), которая также является «сверхвременной субстанцией», в которой хранится все воспринятое и пережитое. Подчеркнем, поскольку субъектная реальность именно сверхвременна, то есть существует всегда, то «все» воспринятое и пережитое включает в себя не только, и даже не столько опыт (знания), накопленные человеком в земной жизни, но и *опыт всего ее существования* (который можно трактовать, как опыт прошлых жизней).

В монографиях [Прыгин, 2018, 2023] было отмечено, что так как в личном бессознательном содержатся все знания и опыт человека за период прожитой им жизни (которые никуда не могут исчезнуть), то личное бессознательное представляет собой его память, включающую все ее виды: долговременную, кратковременную и оперативную (если опираться на не очень внятную классификацию памяти в академической психологии). В подтверждение этого в приведенную выше цитату

намеренно был вставлен комментарий о личном бессознательном, когда Л. М. Лопатин описывает сознание, как «неопределенное общее чувство или *темный инстинкт* прошлого... чтобы какое-нибудь воспоминание выделилось из этого совершенно слитного состояния» и, конечно же, затем, как процесс «извлечения из памяти», появление психоинформации, когда это «неопределенное общее чувство» облекается «в чувственно наглядный образ».

Фактически в этом размышлении Л. М. Лопатин, пусть и не так явно, пытается дать объяснение давно известной «психофизической проблеме» - проблеме взаимоотношения «души» и «тела», однако, опять все заканчивается общими рассуждениями о необходимости особых физиологических условий, о том, что «вопрос о психологическом и физиологическом механизме наших воспоминаний получает первостепенное значение» и о том, что «в явлениях памяти наша душа более наглядно подчинена физической организации, чем в каких-нибудь других». Несмотря на это, при оценке трудов Л. М. Лопатина, следует учитывать эпоху, в которую он творил и уровень развития общий научной мысли, поэтому, его безусловно можно оценить, как выдающегося неординарного русского ученого, внесшего большой вклад, прежде всего в развитие методологии психологической мысли.

Таким образом, в содержательном аспекте высказанная здесь идея о двухуровневом сохранении информации хорошо перекликается с размышлениями Л. М. Лопатина о сущности явлений памяти (что еще раз может служить косвенным подтверждением ее адекватности).

К обоснованию наличия синхронистичности между описанными выше видами информации вернемся несколько позже, а теперь перейдем к поиску ответа на поставленный выше вопрос: как материальный носитель нейроинформации может (и, может ли) порождать психические явления?

§3.2. Принцип синхронистичности как средство межуровневого взаимодействия

Итак, весь процесс взаимодействия между личным бессознательным и нейросетями сводится не к обмену информацией, а к изменению ее качества (с «*Идеальной информации*», через «*Психодиформацию*» к «*Нейроинформации*»), при этом, информация личного бессознательного (как ранее приобретенный опыт, знания человека) никуда не исчезает. В отличие от этого, нейроинформация, отображеная в нейронных сетях, может со временем по каким-либо причинам (хотя бы по возрастным), измениться или даже вообще «стремиться».

Следует отметить, что поскольку вся информация личного бессознательного - это суть опыта личности, то она далеко «небезупречна» и не только в смысле морали и нравственности, но и потому, что там должны «прописываться» все психические болезни эндогенного и/или экзогенного характера (конечно, если таковые имеются). Если подобные патологические отклонения изначально (имеется ввиду, онтогенез личности) присутствуют в нейронных сетях мозга то, как следствие, посредством принципа синхронистичности, они могут искажать имеющуюся информацию личного бессознательного.

Кроме того, хорошо известно, что всевозможные психотропные препараты также могут искажать уже имеющуюся нейроинформацию, а достаточно широко распространенные эксперименты по электростимуляции коры головного мозга способны вызвать у испытуемого различного рода «*видения*» или слуховые галлюцинации. Но, поскольку эти «*видения*», как и слуховые галлюцинации, человек способен описать (то есть, как-то их означить), то можно говорить о том, что, согласно излагаемой здесь концепции, подобные эксперименты порождают «*психодиформацию*» и, стало быть, они

служат доказательством того, что мозг способен производить психические явления. По крайней мере, такой позиции придерживается подавляющее большинство (если не сказать - все) нейрофизиологов.

Для того, чтобы разобраться в этом проблемном вопросе, следует сначала напомнить, что в нейросетях «записана» (в виде разного рода ансамблей, конstellаций нейронов) только та информация, которая составляет уже известные человеку знания и его прожитый опыт (хранящиеся также в его личном бессознательном) и *никакая новая нейроинформация не может возникнуть в нейросетях сама по себе*.

Исходя из этого, можно полагать, что та же самая электростимуляция «активирует» когда-то записанную в мозговых структурах конstellацию нервных связей, соответствующую некоторому понятию, сохраненному также и в личном бессознательном. Затем посредством принципа синхронистичности «активированная нейросеть» мгновенно актуализирует соответствующее ей понятие в личном бессознательном. В дальнейшем течение этого процесса полностью соответствует уже описанному выше, то есть, актуальное понятие личного бессознательного проявляется в виде психоинформации, и, как следствие, испытуемый отвечает экспериментатору, *что он видит или слышит*.

Однако, экспериментатор, будучи уверен, что психические явления порождаются как некий побочный продукт исключительно мозговыми структурами, интерпретирует ответ испытуемого, как доказательство того, что именно электростимуляция мозга (и только она) *порождает* у испытуемого сознание. Такую интерпретацию я бы назвал *«интерпретационной иллюзией»*.

Здесь может возникнуть законный вопрос: если никакая новая нейроинформация не может появиться в нейросетях сама по себе и, кроме того, она подобна информации личного бессознательного, от-

куда у человека могут появиться новые знания? Другими словами, как в этом случае можно объяснить, например, момент творческого акта (инсайт)? Это действительно сложный и интересный вопрос, требующий отдельного рассмотрения, пока же, как исходный пункт, выскажу еще одну гипотезу. Повторю, что всё излагаемое здесь содержание основывается на принципиально иной (чем в классической психологии) парадигме и методологии, описанной мной в ранних работах [Прыгин, 2018, 2023].

Согласно этой методологии, личное бессознательное человека непосредственно связано с его *субъектной реальностью*, а через неё с архетипами коллективного бессознательного (и «Предельной реальностью»), поэтому, в отличие от нейросетей (как «хранилища» нейроинформации), личное бессознательное способно безгранично обогащать, содержащуюся в нем самом информацию.

В. М. Бехтерев писал: «... большая часть того, что наполняет наше сознание, возникает из непроницаемых глубин нашей бессознательной сферы. Главным образом и *великие творчества мысли обязаны гораздо более бессознательной, нежели сознательной сфере* (выделено мной, - Г. П.)» [Бехтерев, 1888, с.29] (интересный факт, В. М. Бехтерев написал об этом задолго до появления трудов К. Юнга о бессознательном).

Однако, это не значит, что человек получает «свыше» уже какие-то готовые новые понятия или решения. Любому творческому человеку известно, сколько труда надо вложить, чтобы сформировать, «сформулировать» это новое понятие, которое сначала как бы «висит» где-то рядом и, которое очень трудно «ухватить» (не зря же говорят о «муках творчества»!). В данном случае уместно привести размышления о творчестве С. Л. Франка, который писал: «...творящий «сам» есть не просто индивидуальный человек в его субъективности и не безлично-общий носитель сознания; он есть

индивидуально-человеческое выражение действующего в нем сверхчеловеческого духа (здесь и далее, выделено мной, - Г. П.). Степень участия индивидуально-человеческого и сверхчеловеческого, или степень активно-умышленного и пассивно-непроизвольного момента в творчестве, может быть различной. *Иногда гений творит почти просто, как безвольный медиум действующей в нем высшей силы; в других случаях художник употребляет долгие мучительные усилия, делает многократные пробы, чтобы выразить (или, что тоже - подлинно адекватно воспринять) то, что ему дано свыше.* Но, так или иначе, собственное усилие или делание и простое внимание к голосу, говорящему в нем, слиты здесь в неразличимое единство. Но это и значит, что *творчество предполагает двуединство человеческого существа - его самостоятельность, свободу, умышленность - и его укорененность в чем-то трансцендентном, в превышающей его духовной реальности и зависимость от нее»* [Франк, 1997, с.236]. Здесь можно напомнить, что «духовная реальность», о которой писал С. Л. Франк, - это и есть «Субъектная реальность», атрибутивной чертой которой является имманентно присущий ей момент «трансцендирования» - соучастия в бытии за пределами самой себя [Прыгин, 2023]. Именно трансцендирование посредством «я» (как «интегратора» личного бессознательного) дает возможность человеку проникать в другие виды реальностей: в коллективное бессознательное (и «Предельную реальность») и в объективную реальность. Можно добавить, что без возможности трансцендирования в коллективное бессознательное и «Предельную реальность» духовное развитие человека вообще невозможно.

Вот что по этому поводу писал П. Тиллих: «Духовное самоутверждение совершается тогда, когда человек творчески живет в различных сферах смысла. Слово «творчески» означает здесь не врожденную способность, свойственную гению, а жизнь в непо-

средственном действии и противодействии по отношению к содержаниям культуры. Для того чтобы заниматься духовным творчеством, не обязательно быть «творцом» - художником, или ученым, или государственным деятелем; *необходимо обладать способностью к осмыслиенному соучастию в их творениях*. Такое соучастие является творчеством в той мере, в какой оно изменяет то, в чем творящий человек принимает участие, даже если это изменение незначительно (выделено мной, - Г. П.)» [Тиллих, 1995, с. 37]. Далее он отмечает, что любой творческий человек опирается на содержание своего творчества и «именно это человек может назвать «духовным самоутверждением». *Даже если сам он ничего не открыл, а лишь соучастует в открытии, то все равно он духовно самоутверждается* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.). Опыт подобного рода предполагает, что *духовная жизнь воспринимается всерьез и обусловлена предельным интересом человека. А это предполагает, в свою очередь, что в нем и через него проявляет себя предельная реальность*. Если духовной жизни не свойствен такой опыт, то ей угрожает небытие, которое, стремясь разрушить духовное самоутверждение, выступает в двух формах - пустоты и отсутствия смысла» [там же].

Л. М. Лопатин считал, что *реальная необходимость* (лежащая в основе законов, выражающих простые возможности реальных явлений), по сути, является *необходимостью творческой*, поскольку именно в законах отвлеченного разума раскрывается ее действительное содержание. Отмечая, что всякое художественное произведение, воплощающее бесконечную идею в конкретных и живых образах, отличается от абстрактной формулы, посредством которой туже самую идею хотят высказать в резко разграниченных отвлеченных понятиях, он писал: «Пускай такая формула очень близко и точно выражает истинное и многостороннее понимание произведе-

ния, все же из нее никакими усилиями ума нельзя вывести и a priori построить жизненную полноту художественного содержания, которое вылилось в творческом процессе. *В этом заключается иррациональность всякого творчества* (выделено мной, - Г. П.). Но одна и та же идея дает себя знать и в разнообразных картинах творческой фантазии, и в абстрактной мысли, - в этом единство иррационального и рационального, единство, не исключающее, однако их относительной противоположности» [Лопатин, 1911, с.396-397].

Конечно, не следует думать, что сами художники (в широком смысле этого слова - субъекты творчества) в процессе творения говорят или думают о Боге, они говорят в неопределенной форме о вдохновляющей их высшей духовной силе - о «музее» (в античном смысле духа, некоторого божественного существа). Любой творец не стремится умышленно к просветлению своей души, к ее сближению с божественным началом; у него другая задача - само творчество, создание новых форм бытия, новых воплощений его идеальных начал [Франк, 1997].

Таким образом, основная сложность в творческом акте состоит именно в том, чтобы из уже имеющихся «знакомых» понятий подобрать такие, которые могли бы адекватно описать это «новое» знание. Например, представим себе, что человек столкнулся с какой-то «инопланетной» технологией; для того, чтобы освоить ее «иррациональность», ему необходимо описать эту технологию в уже известных ему понятиях, сформулировать на их основе какие-то совершенно новые понятия (что, собственно говоря, и составляет суть осознания) и только тогда можно говорить о том, что он постиг ее, что создал нечто новое.

§3.3. Синхронистичность как основа «Психодинамического информационного кольца»

Вернемся еще раз к вопросу о том, как материальный носитель нейроинформации может «порождать» идеальные бессознательные психические явления в виде различного рода «ложной информации», проиллюстрировав ответ на примере некоторых патологий. Известно, что конфабуляции могут возникать у лиц, имеющих определенные психопатологические и неврологические расстройства (болезнь Альцгеймера, Фетальный алкогольный синдром, ПТСР, шизофрения, ЧМТ и пр.). Кроме того, ложные воспоминания (конфабуляция) могут также возникать и у здоровых лиц. В любом случае она порождается мозовыми структурами (нейросетями) и, если конфабуляция осознается личностью, то, как сказано выше, она становится психоинфекцией. Большинство конфабуляций можно рассматривать как «сочетание несочетаемого», то есть, известная, ранее усвоенная нейроинформация предстаёт в конфабуляции в виде связанных, уже *известных* (усвоенных) понятий, которые в реальной действительности вместе не могут или не должны быть связаны. Естественно возникает вопрос: как необычная (ложная или патологическая), но знакомая информация, может стать психоинфекцией?

Здесь следует опять обратиться к принципу синхронистичности, - именно он позволяет объяснить, как необычная (ложная или патологическая), но знакомая информация, становится психоинфекцией: вся искаженная нейроинформация, будучи один раз осознанной (став психоинфекцией), «прописывается» и в личном бессознательном, поэтому в последующем человек воспринимает эту искаженную психоинформацию, как адекватную окружающей его действительности. Можно полагать, что принцип синхронистичности играет главную роль в возникновении своеобразного «кольца».

ца», - зацикливания информации в контуре: «*нейроинформация* → *идеальная информация личного бессознательного* → *психоинформация* → *нейроинформация* → *идеальная информация личного бессознательного* → *психоинформация»* →» и т.д.» (поскольку это кольцо, «начинать» последовательность можно с любого компонента).

Описанное выше «кольцо», в основе которого лежит принцип синхронистичности, можно обозначить как «Психодинамическое информационное кольцо».

Стало быть, любая «новая» нейроинформация, порождаемая различного рода соматическими отклонениями, во-первых, всегда вызывает «отклик» в информации личного бессознательного и, во-вторых, одновременно осознается, то есть порождает соответствующую ей (ложную) психоинформацию, которая далее опять фиксируется как нейроинформация.

Анализ появления «ложной» психоинформации позволяет распространить его вывод на общий случай появления психоинформации в индивидуальном сознании человека в каждый данный актуальный момент нахождения его в окружающей действительности.

Общеизвестно, что человек, находясь в состоянии бодрствования, получает непрерывную информацию об окружающей среде посредством своей анализаторной системы (зрение, слух, осязание и пр.). Вся поступающая информация анализируется структурами мозга, отвечающими за когнитивные функции и, когда человек фиксирует своим вниманием какой-то знакомый (!) предмет, актуализируется связанная с ним (с предметом) соответствующая нейроинформация, которая, как было сказано выше, мгновенно отображается в личном бессознательном, вызывая в индивидуальном сознании человека понятие - психоинформацию, сообразную наблюдаемому им предмету.

Таким образом, возникновение описанного выше «кольца» (зацикливания информации в контуре), можно распространить на общий случай объяснения возникновения индивидуального сознания у человека в окружающей действительности (то, что обычно называют «потоком сознания»).

С практической точки зрения можно полагать, что описанный процесс взаимодействия нейроинформации и информации личного бессознательного позволит подойти с совершенно иных позиций к важнейшей для медицинской психологии проблеме понимания аномального поведения человека при душевных (психических) расстройствах.

Выше было отмечено, что психоинформация, представляющая собой любой осознанный знак уже содержащий в себе паттерны характерных для него (знака) типов поведения, как ключ запускает соответствующие паттерны, «записанные» в нейронных сетях. Когда в результате каких-либо нейрофизиологических и/или соматических изменений происходит сбой в соответствующей этому знаку нейроинформации, то, очевидно, данная психоинформация (в виде «осознанного ключа») не может запустить соответствующий ей паттерн поведения. Но поскольку любое понятие (знак) обладает некоторым «семантическим полем», как следствие, запускаются наборы поведения, не соответствующие первичной («ключевой») психоинформации (отсюда и выражения типа: «я не знаю, зачем я это сделал», «не могу объяснить свой поступок»; сюда же можно отнести и различные геронтологические проблемы и психотравмы).

Если учесть, что информация, содержащаяся в личном бессознательном, не может быть «стерта» (она может только обновляться, расширяться), а нейроинформация таким свойством не обладает (относительно постоянна и подвержена разного рода искажениям), то, очевидно, что путь к коррекции поведения личности состоит в

том, чтобы, «разорвав выше описанное кольцо», «стереть» искаженную нейроинформацию и «записать» новую, то есть организовать реабилитационный процесс переобучения. Естественно, что такой путь психотерапевтической работы не всегда применим (особенно при тяжелых психических расстройствах), хотя при различного рода психотравмах проделать такую работу вполне возможно. Кстати, отсюда становится понятным и то, почему современные психотропные лекарственные средства не могут вылечить психическое расстройство, а способны только купировать его приступы (подобными лекарствами «стирается», а чаще всего «глушится» именно нейроинформация, в то время как соответствующая ей идеальная информация личного бессознательного остается незатронутой).

Основной вывод по содержанию этой главы можно сформулировать так: *введение понятия «Психодинамического информационного кольца» снимает психофизиологическую проблему.*

Глава 4. ИНФОРМАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

§4.1. Об индивидуальном сознании: «Поток сознания»

Современное состояние академической науки требует, чтобы в любом научном описании феномен сознания всегда рассматривался как доступный объективному изучению, вместе с тем, более чем четырехсотлетняя история его исследования показывает всю несостоятельность такого критерия. Именно поэтому основным адептам объективного изучения сознания (биологам, физиологам, нейрофизиологам и др.) так и не удалось не только построить какую-либо вразумительную теорию, позволяющую решить «вечную» психофизическую проблему, но даже прийти к какому-либо консенсусу по definции сознания.

Сформулированные постулаты, описанные атрибутивные свойства, соответствующие тому или иному качеству информации, а также проведенный анализ психофизиологической проблемы, позволяют не только ответить на ряд проблемных вопросов, связанных с феноменом «индивидуального сознания», в частности, на вопрос о его локусе - этой «вечной» философской и психологической проблеме, но и перейти к разработке *информационной концепции индивидуального сознания*.

Однако, в начале следует обратиться к центральному понятию этой концепции, собственно, к понятию «индивидуальное сознание», выявить его структуру и свойства. Для этого необходимо провести феноменологический анализ «Потока сознания». Известно, что наиболее полный и научно обоснованный феноменологический анализ «Потока сознания» был дан У. Джеймсом [Джеймс, 1902]. Рассмотрим некоторые, наиболее важные для нашего контекста по-

ложении этого анализа.

Итак, по У. Джеймсу, основной и первоначальный факт, который любой человек признает согласно его внутреннему опыту, - это то, что «сознание происходит и состояния души сменяют в нем друг друга», уточняя, что единственны состояния сознания, с которыми мы имеем дело, находятся в личном сознании, в душе, в особых конкретных проявлениях моего «я». У. Джеймс особо подчеркивает, что сознание всегда находится в постоянном изменении, полагая при этом, что ни одно состояние сознания, раз «протекши», не может вернуться и быть тождественным с тем, которое было ранее. «Мы то видим, то слышим, то рассуждаем, то хотим, то вспоминаем, то ожидаем, то любим, то ненавидим: и мы знаем, что наши сознания заняты попеременно сотней других способов» [Джеймс, 1902, с. 116].

Далее он выделяет четыре основных свойства сознания, которые сводятся к тому, что: а) каждое «состояние» сознания стремится быть частью личного сознания; б) в каждом личном сознании состояния постоянно сменяются; в) каждое личное сознание чувствуется как непрерывное; г) сознание заинтересовано в некоторых частях своего объекта, а в других нет, и все время оно или принимает, или отвергает те или другие части, - одним словом, *выбирает* среди них. Необходимо сразу акцентировать внимание на двух важных для нас моментах, отмеченных в этих свойствах: во-первых, он подчеркивает роль именно «личного сознания» (а не сознания вообще) и, во-вторых, именно *личное сознание осуществляет выбор* значимых для него состояний (то есть, принимает решение).

Другим существенным для нашего анализа положением (по У. Джеймсу, «правилом») является его утверждение, что «Общее правило состоит в том, что мы не обращаем внимания на различные способы, какими одни и те же вещи видятся нами, звучат и пахнут

для нас на различных расстояниях и при различных обстоятельствах. *Тождество вещей*, - вот в чем мы заботимся убедиться (здесь и далее выделено мной, - Г. П.); и какие-либо ощущения, которые убеждают нас в этом, будут, вероятно, приняты при этом грубо способе за одни и те же. Это дает нам торопливое доказательство о субъективной тождественности различных ощущений, и мы его принимаем, почти как бесспорное доказательство факта». Однако, продолжает он, «следует отметить, что... никогда *две идеи, явившиеся у нас, не бывают совершенно одинаковы*» [Джеймс, 1902, с. 119].

Подчеркивая, что процессуальный характер индивидуального сознания представлен именно в «потоке сознания», У. Джеймс писал: «... сознание никогда не рисуется самому себе раздробленным на куски. Выражения вроде «цепи» или «ряда» не рисуют сознания так, как оно представляется самому себе. В нем нет ничего, что могло бы связываться, - оно течет. Поэтому метафора «река», либо «поток», всего естественнее рисует сознание. Поэтому позвольте нам впредь, говоря о нем, называть его «потоком мысли», «потоком сознания», «потоком субъективной жизни» (выделено мной, - Г. П.)» [Джеймс, 1902, с. 120].

Задайте человеку, находящемся в состоянии покоя вопрос: «О чём ты думаешь?» и, как правило, в быту вы получите ответ: «Ни о чём!». В реальности это не так, «поток сознания» – это, прежде всего, непрерывная ориентация человека в пространстве и времени. Такая непрерывная информация о данном моменте его существования («здесь и сейчас») является, если не главной, то необходимой перманентной его функцией, проявляющейся в том, что обычно обозначают как «ориентировочная реакция». В подобном состоянии человек как бы «скользит» по окружающей его действительности, используя весь свой сенсорный аппарат (в основном, конечно, зрение

и слух), при этом не фиксируя свое внимание на чем-либо (или на ком-либо) более или менее продолжительное время. Перманентная ориентация во времени и пространстве чаще всего человеком не осознается. По этому поводу К. Прибрам писал: «Когда организм повторно оказывается в одной и той же ситуации, находится в неизменной среде, происходит следующее: если он должен постоянно выполнять сходное задание в этой неизменной ситуации, задача начинает выполняться им фактически автоматически, то есть организм действует все более эффективно. Организм научился выполнять задание, и у него выработались определенные *навыки*. Одновременно субъект обнаруживает привыкание: у него больше не возникает ориентировочная реакция, он уже не замечает тех явлений, которые постоянно повторяются в его окружении при выполнении задания... Однако, привыкание свидетельствует не о потере чувствительности в какой-то части нервной системы, а, скорее, о *создании некой нервной модели окружающей среды* (выделено мной, - Г. П.) – представления, ожидания, иначе говоря, одного из видов механизма памяти, с которым непрерывно сопоставляются входные воздействия. Таким образом, нервная система благодаря, входным воздействиям непрерывно настраивается, готовится к обработке новых входных воздействий» [Прибрам, 1975, с.125].

В рамках информационной концепции индивидуального сознания *психологическая суть «потока сознания»* представляется как процесс непрерывного порождения психоинформации в каждый актуальный момент переживания человеком действительности. Именно поэтому *основным его содержанием* всегда является психоинформация, которая (отмечу еще раз) представляет собой весь накопленный опыт человека, все его знания, сохраненные в виде понятий.

Таким образом, собственно, дефиницию индивидуального сознания можно предварительно сформулировать так: *индивидуальное*

сознание - это перманентный процесс порождения психоинформации, который может сопровождаться широким спектром эмоциональных переживаний человека.

Исходя из данной дефиниции и высказанного выше постулата о том, что «психоинформация» сохраняется одновременно и в виде идеальной информации личного бессознательного, и в нейросетях мозга в виде нейроинформации, может возникнуть вопрос: уместно ли полагать, что индивидуальное сознание, по сути, тождественно нейроинформации, имеющей своим локусом нейросети? Ведь именно такая трактовка сознания больше всего соответствует позиции нейрофизиологов и биологов, исследующих структуры мозга и утверждающих, что «сознание порождается активностью когнитивных структур мозга (нейрональной активностью)» [Швырков, 1985]. Ответ на вопрос - конечно, нет, ибо в этом случае индивидуальное сознание следовало бы опять трактовать как некий эпифеномен (эмержентность) нейрональной активности, или же как некий «специфический процесс широкомасштабной интеграции когнитивных элементов в нейронной гиперсети (когнитоме)» [Анохин, 2021], что также, несмотря на новую трактовку, сводит сознание к некоему эпифеномену. Смею утверждать, что в любой психофизиологической (нейрофизиологической) теории, начиная с Ч. С. Шеррингтона [Шеррингтон, 1969], У. Пенфилда [Пенфилд, 2019], К. Прибрама [Прибрам, 1975], К. Фрита [Фрит, 2010], В. Я. Серегина [Серегин, 1998], В. Б. Швыркова [Швырков, 1985, 1995], И. О. Александрова [Александров, 2006] и заканчивая теорией когнитома К. П. Анохина [Анохин, 2021], во всех этих работах, так или иначе затрагивающих проблему сознания, оно *всегда в конечном итоге выступает в виде «продукта» мозговой деятельности*, некоего эпифеномена (эмержентности, супервентности). Рассмотрим коротко эти понятия.

В различных словарях даются разные определения понятию

«эпифеноменализм», однако, общую суть этого понятия можно выразить так: эпифеноменализм, (от греческого *eprí* – над и *phainomenon* – феномен, явление) – учение, согласно которому психика не играет активной роли в жизни и деятельности человека и является избыточным (побочным) продуктом материальных (физиологических) процессов.

Н. Смит, в главе «Исторические основания и логика науки», отмечал, что «более (по сравнению с Декартовским дуализмом – Г. П.) распространенным в наши дни является эпифеноменализм, представление о том, что тело производит дух (mind), подобно тому, как паровая машина производит свист или, что «разум развивается из других телесных функций» ... Это представление известно также под названием эмерджентизма (выделено мной, - Г. П.): разум возникает из мозга. Примером может послужить такое высказывание: «Самосознающий разум наилучшим образом может быть понят как эмерджентное свойство, поддающейся точному описанию организации мозга» ... Философ Джон Сёрль также соглашается с данной точкой зрения и с аналогией Кабаниса, сравнивающего мозг с пищеварительным аппаратом» [Смит, 2003, с.70].

По мнению Н. Смита, эпифеноменализм, наряду с другими подобными теориями, сталкивается с вопросами о том, что наблюдает эпифеномен, что видит зеленый цвет, выделяемый нейроном? «Перед нами, - пишет он, - та же проблема, с которой столкнулись ранние индийские мыслители, когда они поместили зрение в глаз, а затем признали, что глаз не может видеть собственное видение, и вынуждены были ввести серию предшествующих ему видений» [там же].

Весьма показательно, что эпифеноменализм наиболее распространен в когнитивных исследованиях, в частности, Н. Смит отмечает, что можно привести много примеров, где эпифеноменализм

тесно связан с когнитивной психологией. К ним можно отнести такие когнитивные направления как «Вычисления и умственные представления», «Коннекционистские сети», «Динамические представления» и другие. Кроме того, пишет он, «когнитивисты полагают, что психология может стать научной, если приравняет чистые фантазмы души к функциям материального органа» [там же, с.71].

Стало быть, искать индивидуальное сознание (психоинформацию) в мозговых структурах бесполезно, так как все те свойства (см. далее, «квалиа» или «ореол»), *сопутствующие* тому или иному *содержанию психоинформации*, которые обычно приписываются сознанию, имеют своим локусом личное бессознательное, а в нейронных сетях мозга может быть представлена только нейроинформация, содержанием которой являются «означенные» понятия объектов в каждый данный момент, проявленные в виде психоинформации.

Поясню этот важный момент еще раз. Здесь и далее, употребление понятия «поток индивидуального сознания» будет тождественно понятию «психоинформация» (считаю, что в данном случае, термин «поток» лучше всего передает процессуальный характер психоинформации, однако, в зависимости от контекста, буду использовать оба понятия).

Итак, психоинформация определяет *содержание* индивидуального сознания, являясь его *атрибутом* (без которого сознания просто не существует). Помимо основного содержания, в потоке индивидуального сознания можно условно выделить еще два сопутствующих свойства (составляющие): эмоциональные переживания («квалиа» или «ореол», любое проявление аффекта, окрашивающее психоинформацию) и субъективно-эмпирические явления, определяющие необходимость психоинформации *актуализировать соответствующую ей нейроинформацию*, вызывая тем самым тот вид

предстоящей активности, который будет проявлен человеком во внешнем поведении (деятельности). Отмечу, что подробный анализ «субъективно-эмпирических явлений» дан в главе 6.

Возможно, именно факт *отождествления содержания актуальной психоинформации и её сопутствующих свойств, придающих психоинформации особый «колорит»*, и вводит в заблуждение многих исследователей сознания. Полагаю, что такое отождествление делать нельзя, поскольку они («содержание» и «свойства») существуют, если так можно выразиться, в разных ипостасях. Если содержание психоинформации «прописано» также и в виде нейроинформации (в нейросетях), то сопутствующие ему «свойства» принадлежат исключительно личному бессознательному (конечно, если они сами, эти свойства, не становятся основным содержанием психоинформации).

Стало быть, в структуре индивидуального сознания, помимо *основного содержания - актуализированной психоинформации* (то есть, осознанной части нашего опыта, того, что отражается в понятиях), *могут присутствовать и его сопутствующие свойства - субъективно-эмпирические явления и эмоциональные переживания*, причем последние далеко не всегда нами ясно осознаются. Особо следует подчеркнуть, что актуальная психоинформация и сопутствующие эмоциональные переживания не связаны между собой «жесткой» детерминированной связью, по типу «причина-следствие», если эмоциональные состояния (переживания) проявились, то между ними связь, безусловно, существует, но это скорее связь «вероятностная», по типу «возможности».

Здесь, очевидно, требуется остановиться на том, что в данном контексте понимается под «*эмоциональными переживаниями*». По сути, вопрос идет о том, что в философских и психологических работах, связанных с исследованием сознания, обозначается как *проблема «квалиа»*.

§4.2. Об индивидуальном сознании: «Проблема квалиа»

Тай Майл (Tye Michael) так описывает «проблему квалиа»: «Каждое состояние *похоже* на что-то, у него есть определённая феноменология. Философы часто используют термин «квалиа» (в единственном числе «квалиа») для обозначения доступных интроспекции феноменальных аспектов нашей психической жизни (здесь и далее выделено мной, - Г. П.). В этом стандартном, широком смысле термина трудно отрицать существование квалиа. Разногласия обычно возникают по поводу того, какие психические состояния обладают квалиа, являются ли квалиа неотъемлемыми свойствами их носителей и как квалиа соотносятся с физическим миром как внутри, так и снаружи головы. Статус квалиа горячо обсуждается в философии во многом потому, что он играет ключевую роль в правильном понимании природы сознания. Квалиа лежат в основе проблемы разума и тела» [Tye Michael, 2003].

Примерно те же проблемы обозначает и Роберт Ван Гулик [Robert Van Gulick, 2004], считая, что они связаны с невозможностью дать точные ответы на вопросы: существуют ли инвертированные квалиа, являются ли квалиа эпифеноменальными и как нейронные состояния могут порождать квалиа? Однако, проблему чёткого и ясного описания пространства квалиа и статуса конкретных квалиа в нём он считает наиболее фундаментальной проблемой квалиа.

К наиболее известным авторам, чьи работы, посвященные этой проблеме, чаще всего цитируются, относят (из выше упомянутых): Д. Деннета [Деннет, 2004], Т. Нагеля [Нагель, 2003], Дж. Сёрла [Сёрл, 2002], Д. Чалмерса [Чалмерс, 2013], Э. Шредингера [Шредингер, 2000]. Однако, также хорошо известно, что многие из них придерживаются диаметрально противоположных взглядов на то, что по существу следует понимать под этим термином, кроме того,

нет согласия и в том, следует ли вообще вводить это понятие в научный лексикон. В частности, к числу сторонников существования квалиа относится Т. Нагель, с его, пожалуй, самой известной работой «Что значит быть летучей мышью?» [Нагель, 2003], Д. Чалмерс, подробно анализирующий феномен «Зомби» в его работе «Сознающий ум...» [Чалмерс, 2013]; сюда же следует отнести и Э. Шредингера с его работой «Материя и разум» [Шредингер, 2000]. Вместе с тем, нельзя не отметить и их явного оппонента Д. Деннета [Деннет, 2004], как сторонника когнитивной нейронауки.

В этой работе не ставится цель подробно анализировать эти дискуссии (в этом нет большого смысла, так как они описаны во множестве научных работ). Однако, изложу другой, свой взгляд на то, что представляет собой «квалиа» и следует ли этот термин использовать в научных работах.

Начну с того известного факта, что впервые это понятие было введено в 1929 году американским философом К. И. Льюисом (именно он предложил этот термин), тем не менее, полагаю, что «пальму первенства» следует все же отдать У. Джеймсу и, если не по самому названию феномена, то точно по содержательному его описанию. В частности, он пишет: «Во всей человеческой речи нет такого союза, предлога или наречия, нет синтаксической формы и даже интонации голоса, которые бы не выражали того или другого оттенка в отношениях, которые в данное мгновение мы чувствуем существующими между крупными объектами нашего мышления (здесь и далее выделено мной, - Г. П.)... если же говорим субъективно, то поток сознания подбирает все отношения, сообщая им свою собственную внутреннюю окраску;... отношения эти бесчисленны и никакой язык не в состоянии определить все их оттенки». И далее: «Подобно тому, как мы говорим об ощущении синевы или холода, мы должны бы говорить об ощущениях, вытекающих из

смысла частиц «и», «если», «но», «через». Этого, однако же, мы не делаем; мы настолько закостенели в привычке придавать значение лишь устойчивым элементам сознания (актуализированным «означенным» понятиям - психоинформации, Г. П.), что наш язык почти отказывается схватывать все изменчивое» [Джеймс, 1902, с. 123].

Считаю, что вряд ли можно лучше описать то, что обычно относят к феномену «квалиа». Более того, для характеристики обозначенных здесь «эмоциональных состояний (переживаний)» у него нашлось собственное определение; достаточно обратить внимание на заголовок одного из параграфов его работы «Объект, проходящий перед сознанием, всегда имеет «ореол» (выделено мной, - Г. П.)» [Джеймс, 1902, с. 124]. В своей работе под ореолом он понимает то, что каждый предмет нашей мысли (то есть, актуализированная психоинформация) не является «в чистом своем виде», а окружен некоторым ореолом, каким-то «смутным сиянием», поскольку состоит он из нашего «смутного знания» о различных отношениях этого образа или предмета с другими.

Понятие «ореола» У. Джеймс наглядно раскрывает, приводя пример, который хорошо знаком практически каждому человеку, он пишет: «... разве читатель никогда не задавался вопросом о том, какое душевное состояние переживается, раз возникает намерение сказать какую-нибудь вещь, но она еще не сказана? Это - намерение определенное, резко отличающееся от прочих намерений и, следовательно, здесь переживается определенное состояние сознания, а между тем, много ли в состав его входит определенных чувственных образов, слов и предметов? Да, почти никаких, но обождите немножко: слова и предметы выплынут в сознании, а предварительное намерение, смутное гадание скроется в тень. По мере того, как на смену намерению выплывают слова, намерение производить им смотр, - соответствующие слова выбираются, а неподходящие отме-

таются в сторону. Весь процесс, предваряющий воплощение помысла в слово, иначе назвать нельзя, как только «намерением сказать то-то»» [Джеймс, 1902, с. 125].

Отмечу, что к проблеме «квалиа» (не обозначая ее именно так) в несколько ином виде обращались многие философы, начиная еще с 17 века. В качестве примера можно сослаться на работу британского философа, представителя эмпиризма Джона Локка (1632-1704), который в своей работе [Локк, 1985] выделял в ощущаемых свойствах *первичные и вторичные* качества вещей, в частности, он писал: «...в тела надо различать два рода качеств: во-первых, те, которые совершенно неотделимы от тела, в каком бы состоянии оно ни было, так что оно их сохраняет всегда, какие бы видоизменения тело ни испытывало.... Эти качества тела, которые не могут быть отделены от него, я называю качествами *оригинальными и первичными*, каковы: непроницаемость, протяженность, фигура, число, движение или покой, которые производят в нас простые идеи каждый может убедиться сам. Во-вторых, существуют качества, которые в теле, в действительности, не что иное, как *способность производить в нас различные ощущения посредством своих первичных качеств*, т.е. посредством объема, фигуры, сочетания и движения его незаметных частиц. Таковы: *цвета, звуки, вкусы и т. д.* (выделено мной, - Г. П.) Этим качествам я даю название *вторичных..*. Легко, мне кажется, из этого вывести то заключение, что идеи первичных качеств тем похожи на эти качества и что оригиналы этих идей существуют реально в тела, но что идеи, произведенные в нас вторичными качествами» не похожи на них ни в каком отношении и что в тела нет ничего, что имело бы даже подобие с этими идеями» [Локк, 1985, с. 183-184].

Помимо попытки объяснить происхождение вторичных качеств (а по сути то, что сейчас называют «квалиа»), здесь также

можно усмотреть еще одно косвенное доказательство правомерности выделения в индивидуальном сознании актуальной психоинформации или, согласно Дж. Локку, – первичных качеств и «ореола» («квалиа») или - вторичных качеств (также, по Дж. Локку).

Дополню это собственным аналогичным примером. Наверно, каждому преподавателю известна фраза студента, когда он затрудняется ответить на вопрос: «Я знаю, но сказать не могу!». Это и есть пример того, что в индивидуальном сознании доминирует ореол («квалиа»), а не психоинформация (усвоенное и означенное, «проявленное» знание).

Думаю, что это убедительные примеры того, как в индивидуальном сознании «ореол» («квалиа») помогает сформировать (актуализировать) психоинформацию. По мере осознания, формирования понятия (знака) ореол «исчезает», а остается только актуальная данному моменту психоинформация, которая, естественно, способна активировать соответствующие ей нейросети. Повторю еще раз: *никакой ореол (или квалиа) не может отражаться в нейросетях, поскольку он имеет своим локусом личное бессознательное* (все, что неосознанно, невыразимо в понятиях, относится к идеальным явлениям). В этом смысле можно говорить о том, что психоинформация - «объективна», а квалиа - субъективно.

Выше было отмечено, что «по мере осознания, формирования мысли («знака») квалиа «исчезает», а остается только актуализированная психоинформация», многие могут возразить, что это не так и, вероятно, будут правы. Термин «исчезает» взят в кавычки и использован для того, чтобы усилить различие между психоинформацией и ее ореолом (квалиа). Конечно, в данном случае уместнее говорить скорее не о «замене» квалиа на психоинформацию, а о смене приоритета: на первый план сознания выступает психоинформация, а на втором плане могут присутствовать (или отсутствовать) некие

эмоциональные состояния (переживания), которые могут быть важны для последующей активности личности. Таким образом и проявляется та «вероятностная» связь между этими составляющими индивидуального сознания, о которой было написано выше.

Отсюда следует, что к тем феноменам, которые обозначаются как квалиа (ореол) можно отнести различного рода переживания подобные чувству красоты, гармонии (наконец, любви), цветовой гаммы и многое того, что нельзя выразить в определенных понятиях, т.е. осознать, превратить в психоинформацию. Появляясь из личного бессознательного в «потоке» индивидуального сознания, они туда и возвращаются, если мы не можем выразить их в понятиях, придать им четкое значение. Вот почему, представленная в постулатах последовательность процесса изменения качества информации: «*Идеальная информация*» <-> «*Психодинформация*», содержит знак <->, обозначающий прямую и обратную связь.

Именно поэтому, переживания, в отличие от психоинформации, не могут подвигнуть человека к какой-либо активности, максимум на что они способны – это создать специфический фон для дальнейшей активности личности (повторю, если, конечно, они сами не становятся психоинформацией).

Еще раз обращу внимание, что в каждом конкретном случае возникновения психоинформации образуются и сохраняются *два подобных вида* информации: «идеальная информация» (личного бессознательного) и «нейроинформация» (нейронных сетей). Подобных, но не тождественных, поскольку тождественность предполагает полное совпадение, а подобие только сходство по определенным признакам. В данном случае сходство этих видов информации в их генезисе в том, что это усвоенный опыт личности.

Прокомментировать «тождественность» можно и с позиции квантовой физики. Поскольку оба вида информации связаны общим

генезисом, то их можно рассматривать как изначально целостную систему, разделенную затем на две части. Исходя из квантового принципа «нелокальности», связь между разделенными частями ранее единой системы существует всегда, стало быть, применение здесь принципа синхронистичности для объяснения этой связи вполне уместно. Это еще раз косвенно подтверждает правомерность выделения двух уровней информации.

Различие же в том, что нейросети содержат в себе только осознанный, понятийный опыт личности, в то время как идеальная информация личного бессознательного в дополнение к этому, содержит в себе также все те атрибутивные свойства, которые обычно приписываются сознанию: ореол, квалиа и пр. – невыразимые состояния переживаний личности, все то, что и обозначено здесь, как «эмоциональные состояния (переживания)»; личное бессознательное также содержит и потенциальную возможность через субъектную реальность [Прыгин, 2023] получать информацию из коллективного бессознательного, как писал К. Юнг: «Бессознательное, однако, зачастую знает больше сознания» [Юнг, 1997 (e), с. 218].

Теперь можно дать *полное определение феномену «индивидуального сознания»: индивидуальное сознание - это перманентный процесс порождения психоинформации, протекающий между личным бессознательным и нейронными структурами мозга, который может сопровождаться широким спектром эмоциональных переживаний личности.*

Подчеркну еще раз, «Поток сознания», как фактор, подтверждающий наличие перманентного «информационного канала связи» между информацией личного бессознательного и нейроинформацией, - это не обмен информацией, а изменение ее качества!

Существенной особенностью этого процесса является *принцип синхронистичности*, который в данном контексте условно может

быть обозначен как принцип «личной синхронистичности» (в отличие от «общего» принципа синхронистичности, который описывает К. Юнг). Хорошо известно, что К. Юнг не дает какой-либо точной дефиниции принципу синхронистичности, отмечая, что «с точки зрения этимологии, этот термин каким-то образом связан со временем, или, если точнее, с чем-то вроде одновременности. Вместо "одновременности" мы можем также использовать концепцию "смыслового совпадения" (здесь и далее выделено мной, - Г. П.) двух или более событий, когда речь идет *не о вероятности случая, а о чем-то другом*. Статистическое - то есть вероятностное - совпадение событий, ... относится к категории случайности» [там же, с.181]. О чем же «другом» может идти речь в этом определении К. Юнга и какие основания имеются для того, чтобы считать это «другое» сутью процесса, протекающего между личным бессознательным и нейроструктурами мозга? Для ответов на эти вопросы следует рассмотреть ряд дополнительных понятий.

§4.3. Проблема феноменологии понятий: «детерминизм», «причинность», «психологическая причинность»

Размышляя о природе синхронистичности, К. Юнг пишет: «Философским принципом, который лежит в основе нашей концепции закона природы, является *причинность*. Но если связь между причиной и следствием оказывается только статистически и только относительно истинной, то принцип причинности только относительно годится для объяснения природных процессов и, стало быть, предполагает существование одного или нескольких необходимых для объяснения факторов. Можно сказать, что *связь между событиями при определенных обстоятельствах* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.) имеет отличный от причинного характер и *требует*

другого принципа объяснения» [Юнг, 1997 (e), с.199]. Для того, чтобы понять в чем может состоять связь «между событиями при определенных обстоятельствах», следует определиться с такими понятиями, как «детерминизм», «причинность», «психологическая причинность» и «вероятность».

Наиболее просто характеризует эти понятия (французский физик) Л. Бриллюэн [Бриллюэн, 2006], отмечая, что с позиции науки в окружающей нас действительности господствует *причинность*, суть которой в том, что в отличие от *детерминизма* (предполагающего «долженствование» - причина должна порождать определенное следствие и, как правило, немедленно), она допускает «возможность», то есть некоторая причина *может* вызвать такое-то следствие с некоторой *вероятностью* и некоторым запаздыванием. «То или иное следствие E (пишет он, Г. П.) может наступить без всякой очевидной причины с вероятностью $P_{0,E}$. Если же предварительно наблюдается определенная причина C , то вероятность наступления следствия E изменяется и становится равной $P_{E,C}$. Причина C может увеличивать или уменьшать вероятность следствия» [Бриллюэн, 2006, с. 110].

Именно этот факт отличает причинность от строгого детерминизма, часто вступающего в противоречие с экспериментом. То, что мы наблюдаем в окружающей нас действительности, есть неопределенная связь с нежесткими условиями, характеризуемая некоторыми *вероятностными* правилами. И, если жесткий детерминизм может подтверждаться или опровергаться одним единственным экспериментом, то «*вероятностная причинность требует множества экспериментов, прежде чем закон вероятности как функцию запаздывания времени t удастся сформулировать приблизительно* (выделено мной, - Г. П.) ... Вместо строгого детерминизма мы получаем некоторый закон *корреляции*, некий более тонкий тип определения,

который можно применить к великому многообразию проблем» [Бриллюэн, 2006, с.111].

Не требует доказательств, что в научных экспериментальных и эмпирических исследованиях корреляционный метод применяется «повсеместно» не только в науках естественных, но и в гуманитарных, в частности, в психологии. Однако, для его применения необходимы регулярные, повторяющиеся события и, если одиночные феномены еще можно изучать в естественных науках, например, в биологии, то в психологических исследованиях они чаще всего выступают в виде артефактов, которые, как правило, исключаются из дальнейших исследований. «Основанный на этом так называемый "научный взгляд на мир" (пишет К. Юнг) вряд ли является чем-то большим, чем психологически предубежденным узким взглядом, в поле которого не попадают все те никак не второстепенные аспекты, не поддающиеся статистическому методу исследования» [Юнг, 1997 (e), с.200]. Можно сделать вывод, что с *физической точки зрения*, (вероятностная) причинность всегда проявляется во времени (то есть, требует определенного промежутка времени между предполагаемой причиной и следствием).

Подобный доминирующий "научный взгляд на мир" заставляет обратиться к поиску других понятий, позволяющих в какой-то мере прийти к пониманию и объяснению сути «единичных» феноменов, которые в любой области науки имеют место быть, но особенно важны для психологии. Обратимся к одному из таких понятий – понятию «психической причинности», подробный анализ которого проводит (русский философ, психолог) В. В. Зеньковский, поскольку его взгляды на обозначенную здесь проблему [Зеньковский, 1914] имеют важное значение для последующего анализа принципа «синхронистичности». Отмечу, что аналог понятия «психической причинности», в частности, понятие «информационная причин-

ность» [Дубровский, 2007], уже рассматривалось мной ранее [Прыгин, 2018] и, как было установлено, не показало какой-либо эффективности его введения (по крайней мере, в психологии).

В. В. Зеньковский писал, что к числу наиболее непроверенных (теоретически необоснованных) понятий относится, прежде всего, понятие «*психической причинности*», при этом справедливо полагая, что в связи с историческими условиями развития научной психологии, само понятие «причинности» было прямо заимствовано психологией из естествознания, в котором это понятие успело уже вполне оформиться. Более того, «Мысль, что психика, как форма бытия, тесно примыкает к другим формам, что «тайна становления» (причинности) одна и та же для всей действительности, не утратила, как известно, своей притягательной силы и в наши дни. Нужно было много времени, чтобы *приложимость к психике естественно-научного понятия причинности стала проблемой* (выделено мной, - Г. П.)» [Зеньковский, 1914, с.3].

В. В. Зеньковский обращает внимание на то, что впервые понятие «индивидуальной причины» было введено С.И. Гессеном 1909 г. (в рамках его диссертации «Об индивидуальной причинности»), в соответствие с которым допускаются причинные связи, *совершенно не повторяемые*, строго индивидуальные, то есть возможна *индивидуальная причинность*. Таким образом, «...логическая возможность индивидуальной причинности совершенно ясно показывает, что «постоянство связей» логически не определяет природу причинности и даже, если угодно, со строгой точки зрения, может быть признано *случайным* для причинных связей. Если только возможны ... неповторимые причинные связи, то значит «причинность», в своем «существе» так же отделима от повторяемости определенных связей, как самая повторяемость связей отделима от существа причинных соотношений (т.е. «причинность» и «повторяемость связей»

могут быть взаимонезависимы, Г. П.) и может быть констатирована, например, в идеальных отношениях...» [Зеньковский, 1914, с.24]. Если напомнить, что мы обсуждаем синхронистичность именно как идеальное психическое явление, то приведенные выше рассуждения о том, что допускаются совершенно неповторяемые причинные связи и, что случайность может быть характерна и для причинных связей, важны для его понимания.

Рассуждая о последовательности явлений в контексте понятия причинности, В. В. Зеньковский допускает, что причинные связи могут быть не только последовательными, но и одновременными, считая, что момент последовательности явлений не может быть признан ни в качестве эмпирического критерия, ни как логическая характеристика понятия «психической причинности». По существу, идет речь о том, что для «психической причинности» (как и для феномена «синхронистичности», Г. П.), время не является сколько-нибудь решающим фактором, на что он, прямо указывая, пишет: «Время - иррационально не только потому, что оно ограничивает идеальное начало бытия: *в идеальной сфере вообще нет места становлению, нет места времени* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.). Логические связи в своем существе вневременны и не нуждаются во времени для того, чтобы за основанием явилось следствие. *В логических связях раз дано основание, дано и следствие, эту связь нельзя характеризовать даже так, что основание и следствие даны одновременно: она находится просто вне времени*» [Зеньковский, 1914, с.33]. Выделенный здесь текст удивительным образом совпадает с тем, как К. Юнг описывает феномен синхронистичности.

Далее в своих исследованиях В. В. Зеньковский выделяет два вида необходимости – фактическую и логическую, считая, что «Логическая необходимость относится к миру понятий, т. е. к идеаль-

ной сфере (здесь и далее выделено мной, - Г. П.) ... эта необходимость не зависит от времени и потому обратима; между тем, в самом потоке времени, в реальном бытие мы находим еще иную необходимость, необратимую, неприменимую к идеальной сфере, назовем ее реальной необходимостью. Ее часто называют также фактической необходимостью - подчеркивая этим ограничение ее объема сферой фактов; первая не связана с временем, тогда как вторая выражает определенность в потоке времени. Вот отчего всякие попытки отождествить обе всегда приводили к грубым ошибкам» [Зеньковский, 1914, с. 43].

§4.4. Принцип синхронистичности в концепции индивидуального сознания

Вернемся к принципу синхронистичности. Известно, что с этим феноменом К. Юнг связывал такие «случайности» как: телепатия, телекинез, ясновидение и другие предвидения. При этом он признавал, что все они являются обычными названиями и не могут служить основанием для построения научной теории: «... это не научные концепции, которые могут считаться формулировкой принципа, ибо никому еще не удалось построить причинный мост (выделено мной, - Г. П.) между элементами, образующими "смысловое совпадение" [Юнг, 1997 (e), с.183]. Пытаясь найти теоретическое обоснование для открытого им принципа синхронистичности (построить концепцию синхронистичности), он отталкивается от собственной (психотерапевтической) практики и известных исторических фактов. Для большей убедительности он подробно разбирает статистические эксперименты Дж. Б. Рейна по экстрасенсорному восприятию, приходя к выводу, что эти эксперименты доказывают возможность психического воздействия на движущиеся тела, что не удивительно, принимая во внимание психическую относительность про-

странства и времени. Предпринимая попытки объяснить их результаты, он приходит к выводу о том, что: «*Концепция энергии явно неуместна* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.) в экспериментах Рейна и, тем самым, исключаются все идеи о передаче на расстояние какой-либо силы. Не годится также и закон причинности - факт, на который я указал тридцать лет тому назад. Ибо мы не можем постигнуть, каким образом будущее событие могло быть вызвано событием в настоящем времени. Поскольку в настоящем время невозможно дать какое-либо "причинное" объяснение, мы пока что вынуждены предположить, что на сцену вышли невероятные процессы беспричинной природы – то есть "смысловые совпадения" [Юнг, 1997 (e), с.185].

С такими выводами, безусловно, можно согласиться, феномен синхронистичности невозможно объяснить ни с позиции «энергии» (как какой-то силы действующей на расстоянии), ни на основе закона «причинности», поскольку само понятие «причинность», как было отмечено выше, требует наличия какого-либо отрезка времени между «причиной» и «следствием», а полагать, что пространственно-временные атрибуты присущи психическому (личному и коллективному бессознательному), по меньшей мере, некорректно.

Таким образом, становится очевидным, что, для понимания принципа синхронистичности наиболее приемлемо *универсальное понятие «информации», причем с обязательным учетом ее качественной специфики* (описанной выше). Более того, в этом случае получает свое подтверждение и феномен *«психологической причинности»*. Стало быть, можно полагать, что *«синхронистичность» и «психологическая причинность» являются, если и не тождественными, то, по крайней мере, подобными феноменами (возможно, имеющими одинаковую - информационную природу)*.

Выше (в четвертом постулате) была высказана гипотеза о том, что *идеальная информация личного бессознательного и нейроин-*

формация (нейросетей) связаны между собой посредством принципа «синхронистичности» (по К. Юнгу), поэтому любое изменение информации на одном из этих уровней ее существования мгновенно приводит к подобному изменению на другом уровне. В качестве подтверждения уместности этой гипотезы можно привести высказывание К. Юнга о том, что «Синхронистичность указывает на параллельность времени и смысла между психическими и психофизическими событиями, которую наука пока что не способна свести к общему принципу» [Юнг, 1997 е, с.193].

Таким образом, *синхронистичность может возникнуть только там, где нет атрибуции пространства-времени*. В качестве другого примера, косвенно подтверждающего эту гипотезу, можно опять привести известный квантовый феномен «ЭПР-парадокс» (Эйнштейна, Подольского, Розена) [Фок, 1936], когда в разделенном кванте света смена спина в одной его части мгновенно меняет соответствующим образом спин и в другой его части, причем расстояние между этими частями не имеет значения (может быть сколь угодно большим).

Здесь можно отметить и другую аналогию «ЭПР-парадокса» и информации, меняющей свое качество (от идеальной информации личного бессознательного до нейроинформации). Как квант, так и информация, имеют одно общее свойство: в своем генезисе, до эффектов (смены спина и изменения качества, соответственно), каждый из них представлял собой целостные феномены. Напомню, еще раз, что и идеальная информация личного бессознательного, и нейроинформация имеют в своей основе общее происхождение – психоинформацию - знания, сохраняющиеся одновременно в разных ее качествах в виде понятий (знаков). Кстати, теоретическое обоснование феномену ЭПР так и не было дано; возможно, это является еще одним косвенным доказательством универсальности феномена синхронистичности в окружающей нас действительности.

Синхронистичность К. Юнга имеет много общего с идеей нелокальности в квантовой физике. В обеих концепциях наблюдается нарушение классических представлений о причинности и пространстве-времени. Синхронистичные события, как и квантовая запутанность, указывают на существование скрытых связей между явлениями, которые не могут быть объяснены обычными причинно-следственными связями. Здесь уместно напомнить, что информация не является исключительно идеальной или материальной сущностью. Она обладает как идеальными, так и материальными свойствами, представляя собой сложную систему, сочетающую в себе оба аспекта. Этот «дуализм» делает информацию, пожалуй, единственной универсальной, уникальной сущностью, которая, сочетая в себе элементы идеального и материального, может трактоваться как основа ВСЕГО (вспомним Дж. А. Уилера – «все из бита»!).

В завершении анализа принципа синхронистичности приведу цитату К. Юнга, с мнением которого нельзя не согласиться: «Синхронистические феномены доказывают возможность одновременной смысловой эквивалентности разнородных, причинно не связанных друг с другом процессов; иными словами, они доказывают, что воспринятое наблюдателем содержимое может быть, в то же самое время, представлено каким-то внешним событием, причем без всякой причинной связи. Из этого следует или что психе расположена вне пространства, или что пространство родственно (связано) с психе. То же самое относится к временному (temporальному) определению психе и к психической относительности времени. *Нет нужды кого-либо убеждать в том, что подтверждение верности этих открытий не может не иметь далеко идущих последствий* (выделено мной, - Г. П.)» [Юнг, 1997 (e), с.192-193].

Отмечу, что общие выводы по этой главе будут сделаны после обсуждения проблемного вопроса: все ли психические явления идеальны? (См. главу 5).

Глава 5. ОБ ИДЕАЛЬНОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Предварительные замечания. Материал, изложенный в предыдущих параграфах, позволяет дать другое объяснение (отличное от классического) того, что же представляет собой «личное бессознательное» и это приводит нас к проблемному вопросу: *все ли психические явления идеальны?*

Этот принципиальный вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. Как отмечал Э. В. Ильенков: ««*Идеальное*» или «*идеальность*» явлений – слишком важная категория, чтобы обращаться с нею бездумно и неосторожно (выделено мной, - Г. П.), поскольку именно с нею связано не только марксистское понимание сути идеализма, но даже и наименование его» [Ильенков, 2019, с.2]. Если с первой частью этого тезиса можно полностью согласиться, то та методологическая парадигма, с позиции которой он проводит анализ категории «идеального», в корне отличается от той методологической парадигмы, на которой построена эта работа. Собственно, поэтому здесь не будет даваться какая-либо оценка статьи Э. В. Ильенкова.

Также не буду останавливаться на категории «идеального» в академической психологии, где, как известно, доминирует материалистическая парадигма и все психическое относится к феноменам идеальным, изложу здесь другую точку зрения, основанную на парадигме и методологии «Неклассической психологии» [Прыгин, 2018].

В первом постулате (см. главу 2) было отмечено, что не всё психическое можно отнести к категории «идеального», к нему, безусловно, относятся коллективное бессознательное и субъектная реальность, а также все феномены и процессы, происходящие в лич-

ном бессознательном. Прежде чем перейти к анализу понятия «личное бессознательное», предварительно стоит отметить, что К. Юнг под бессознательным, как правило, понимал коллективное бессознательное и далеко не всегда в своих трудах отделял его от личного бессознательного, оперируя часто общим понятием «бессознательное». Однако, для того чтобы обсуждать свойства и структуру личного бессознательного, необходимо разграничить эти понятия, поскольку они играют принципиально разную роль в существовании субъекта.

Надо признать, что провести такое разграничение достаточно трудно, поскольку вопрос о «субстанциональности» бессознательного далек от разрешения. Вот как, пожалуй, впервые (1935 г.), развернуто охарактеризовал феномен «бессознательного» К. Юнг в своем труде - «Тавистокские лекции»: «Сознание похоже на поверхность или оболочку в обширнейшем бессознательном пространстве неизвестной степени мерности. Мы не знаем, как далеко простирается власть бессознательного, потому что просто ничего о нем не знаем. Что можно сказать о вещи, о которой не знаешь ничего? Сказать нечего. Когда мы говорим «бессознательное», то часто имеем в виду передать нечто этим термином, но фактически, передаем то, что ничего об этом не знаем. *У нас есть только непрямые доказательства, что существует ментальная сфера, пребывающая по ту сторону сознания* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.). Есть некоторые научные суждения, приводящие к заключению, что нечто подобное существует. Из продуктов или результатов, которые бессознательный психический мир продуцирует, можно прийти к определенным заключениям относительно его возможной природы. Но необходимо быть крайне осторожным, чтобы не впасть в излишний антропоморфизм в своих заключениях, ибо в действительности вещи могут весьма отличаться от их представлений в нашем

сознании» [Юнг, 2007, с.2].

В данном контексте представляет интерес его понимание взаимоотношений сознания и бессознательного, которые сводятся к тому, что «... возникающая в сознании вещь вначале с очевидностью не осознается и осознание ее вытекает из неосознанного состояния (здесь и далее выделено мной, - Г. П.). В раннем детстве мы все бессознательны; большинство главных функций инстинктивной природы протекает бессознательно и *сознание, скорей всего, продукт бессознательного*. Сознание требует для своего поддержания значительного усилия. Человек устает от пребывания в сознательном состоянии. Он истощается сознанием» [там же, с.3]. Убежден, что приведённые цитаты можно считать основополагающими для всего дальнейшего анализа размышлений К. Юнга, относящихся к феномену бессознательного, которые и будут здесь приняты за базовые, как некоторые постулаты.

В монографии [2023] уже рассматривалась проблема личного бессознательного в аспекте взаимодействия сознательного и бессознательного уровней психики, то есть проблема «порога». Однако, учитывая, описанные выше постулаты (см. глава 2) и представленную выше «информационную концепцию индивидуального сознания» (см. глава 4), считаю, что некоторые ранее высказанные формулировки требуют уточнения и развития, хотя в целом, (методологически) они не противоречат представленным здесь идеям, поэтому, по ходу изложения, буду ссылаться на эти высказывания, корректируя их по мере необходимости. Начну, естественно, с того, как понимал личное бессознательное К. Юнг - ученый, который и ввел это понятие в психологию. Итак, немного истории.

§5.1. Бессознательное с позиции К. Юнга

В работе «Проблемы души нашего времени» [Юнг, 1994] он выделяет три «ступени души»: во-первых, *сознание*, во-вторых, *личное бессознательное*, содержимое которого, по его мнению, состоит из всех тех содержаний, которые стали бессознательными, поскольку они потеряли свою интенсивность (оказались забытыми) или потому, что от них «отстранилось» сознание (произошло вытеснение); сюда он также включает те различного рода перцепции, которые, в силу их малой интенсивности, не достигали сознания, но тем не менее, каким-то образом проникли в психику. Третья ступень - *коллективное бессознательное*, это область возможных представлений не индивидуальных (личностных), а общечеловеческих и «общеживотных», поэтому коллективное бессознательное можно представить и как родовое наследие возможностей репрезентации, что может составлять истинную основу индивидуального в психике человека.

Весьма примечательно, что сознанию он отводит весьма скромную роль: «От сознания мы можем ожидать реагирования на настоящее и адаптаций к нему, поскольку сознание – это та часть души, которая имеет дело, главным образом, с событиями текущего момента» [Юнг, 1997 (г), с.48]. В другой работе, сравнивая роль сознания и бессознательного, К. Юнг писал о том, что «*Сознание, наоборот, является эфемерным явлением, осуществляющим все сиюминутные приспособления и ориентации, отчего его работу, скорее всего, можно сравнить с ориентировкой в пространстве* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.). Бессознательное содержит источник сил, приводящих душу в движение, а формы или категории, которые все это регулируют, - архетипы. *Все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам. ... центральные научные, философские и моральные понятия не являются*

здесь исключениями. Их можно рассматривать как варианты древних представлений, принявших свою нынешнюю форму в результате использования сознания, ибо функция сознания заключается не только в том, чтобы воспринимать и узнавать через ворота разума мир внешнего, но и в том, чтобы творчески переводить мир внутреннего во внешнее» [Юнг, 1994, с.132-133].

С такой точкой зрения на роль сознания можно полностью согласиться, поэтому выделенные К. Юнгом характеристики личного бессознательного, сознания и коллективного бессознательного примем здесь за «реперные» точки (точки отсчёта), которые, по мере изложения, будут дополняться новым содержанием.

В частности, здесь можно напомнить, что к основным методологическим понятиям «Неклассической психологии» относятся следующие три вида реальности:

- «*Коллективное бессознательное*», являющееся частью более глубокой и фундаментальной реальности, которую в разных аспектах можно трактовать или как «непроявленную», нелокальную реальность (существование которой обосновывает квантовая теория (подобную понятиям «квантовая реальность» или «квантовый вакум»), или в эсхатологическом аспекте, как «Предельную реальность» (Универсум);

- «*Субъектная реальность*» - реальность, в которой существует «подлинное самосознание» субъекта, его самость, *душа* (образно выражаясь – это «обитель» души);

- «*Объективная реальность*» состоит из отдельных конкретных объектов, физических явлений и «формы», проявляющей «идеальные» элементы бытия. В целом, - это наблюдаемая вселенная, в которой, собственно, и рождается человек, развиваясь затем как личность. В терминах квантовой физики объективная реальность может быть обозначена как локальная «проявленная» реальность.

Стало быть, с позиции «Неклассической психологии», три «ступени души», о которых писал К. Юнг, здесь следует рассматривать не как «ступени», а как особого рода реальности, в которые душа (или ее часть) может трансцендировать («проникать»). Поясню, непосредственно из субъектной реальности (собственно представляющей собой душу), душа (или ее часть) обладает возможностью трансцендировать как в коллективное бессознательное (и далее в Универсум, «Предельную реальность»), так и в объективную реальность (что и происходит, когда рождается личность). Особо подчеркну, рождаясь в объективной реальности и развиваясь, личность в процессе онтогенеза преобразует ее в эмпирическую реальность.

Что же касается личного бессознательного, то здесь его пока можно обозначить как «вторую психическую систему» человека [Юнг, 2013]. Феноменологический анализ личного бессознательного и будет составлять основное содержание этой главы.

Итак, в связи с изложенной выше информационной теорией индивидуального сознания (ИТИС), первая «поправка» состоит в том, что никакого «порога», как такого, между сознанием и бессознательным, по сути, нет; есть перманентный процесс порождения психоинформации, который может сопровождаться широким спектром эмоциональных переживаний человека. Повторим, что сама же психоинформация образуется тогда, когда мы осознаем идеальную информацию личного бессознательного, облекая ее в слова, в понятия, придавая им значение. Поэтому все дальнейшие размышления о личном бессознательном будут строиться на основе центрального понятия «Психоинформация» и, конечно же, с учетом того, как понятие «личное бессознательное» трактовал сам К. Юнг.

В своей работе «Об энергетике души» (где он впервые позиционирует себя как теоретика) К. Юнг, рассуждая о сущности бессознательного и его значении для психологии, пишет о том, что оно

может обладать всеми функциями, присущими сознанию и, как следствие, оно так же, как и сознание, должно иметь своего «субъекта», своего рода «я». «... для меня здесь важен, именно тот факт, - писал К. Юнг -, что существующая наряду с сознанием вторая психическая система (здесь и далее выделено мной, - Г. П.) - все равно, какие бы свойства мы в ней ни подозревали, - имеет абсолютно революционизирующее значение в той мере, в какой благодаря этому может в корне измениться наша картина мира. Если бы мы научились переводить в сознание «я» хотя бы только те перцепции, которые имеют место во второй психической системе, то тем самым открылась бы возможность неслыханного расширения картины мира. ... Если удастся путем истолкования интегрировать в сознание исходящие от бессознательного возмущения, а именно воздействия спонтанных манифестаций - сновидений, фантазий и комплексов, то в нашей картине мира может произойти настолько кардинальное изменение, что должна будет возникнуть новая картина мира, принципиально отличная от прежней» [Юнг, 2013, с.196-197].

С этим трудно не согласиться, хотя нюанс состоит в том, что все сказанное выше К. Юнгом относится скорее к бессознательному вообще (как это можно понимать из его описания), а не к личному бессознательному. Однако, логичнее предположить, что, поскольку рассуждать о наличии в бессознательном какого-то «сознания действующего субъекта» можно только тогда, когда мы соотносим это бессознательное с личным бессознательным, непосредственно связанным с индивидуальным сознанием конкретного человека.

В этой же работе, в (безуспешной) попытке обосновать энергетический подход к психическому, К. Юнг еще раз подчеркивает, что мы не знаем, как функционирует бессознательное, но «поскольку предполагается, что оно - психическая система, то в нем, возможно, имеется все то, что имеется и в сознании, а именно перцепция, ап-

перцепция, память, воображение, вление, аффект, эмоция, размышление, суждение и т. д., - но все это в сублиминальной (подпороговой) форме (выделено мной, - Г. П.)» [там же, с. 189-190].

§5.2. Анализ содержания личного бессознательного с позиции психоинформации.

Закон «информационной психодинамики»

Выделенный текст в цитате К. Юнга особенно важен, так как позволяет высказать (и обосновать) определенные гипотезы о структуре и принципах функционирования личного бессознательного, используя, введенное понятие - «Психоинформация». Главная гипотеза состоит в том, что личное бессознательное содержит в себе, помимо отмеченных ранее памяти и мышления, все психические процессы: ощущение, восприятие, внимание, воображение, а также всю аффективную сферу и феномен «Я», как интегратор всего содержания личного бессознательного (что полностью соответствует выше приведенной гипотезе К. Юнга о «бессознательном, как психической системе»).

Напомню, что с позиции информационного подхода, все эти процессы (в том числе и *всё содержание личного бессознательного*) включены в своеобразное «кольцо»: «*идеальная информация личного бессознательного → психоинформация → нейроинформация → идеальная информация личного бессознательного → психоинформация → и т. д.*», представляющее смену качества информации и обозначенного ранее, как «*Психодинамическое информационное кольцо*» (обоснование дано в главе 3).

Если выдвинутая гипотеза будет доказана (пока хотя бы с логической точки зрения), то на основе ее можно сформулировать общее для всей психологии положение: проявление любых психических феноменов в виде психоинформации позволяет им воздействовать

на материальные структуры живого организма.

Сформулированное положение можно обозначить и как закон «информационной психодинамики», позволяющий установить достаточно четкий критерий отделения собственно психических (идеальных) явлений, от явлений «квазипсихических», обладающих возможностью воздействия на нейрональные структуры организма. Изложу его полностью.

Закон «информационной психодинамики» - любой психический феномен, проявившись в виде психоинформации, обладает возможностью воздействовать на материальные структуры живого организма.

(Отмечу, что название закона легко объяснимо, если вспомнить о том, что в основу понятия «психоинформация» положено изменение качества информации, что и является, применительно к психическим явлениям «информационной психодинамикой»).

Для логического обоснования этих положений необходимо проанализировать как классическую психологическую литературу (в частности, работы В. М. Бехтерева и Л. С. Выготского), так и вновь обратиться к трудам С. Л. Франка.

Из всех психических процессов, представленных в личном бессознательном, наиболее очевидными, не требующими особых доказательств, являются процессы памяти. Еще в 1888 г. В. М. Бехтерев считал, что бессознательное выполняет функцию памяти: «Следует заметить, что при том обмене, который происходит между элементами сознательной и бессознательной сферы всегда сохраняется между ними известная преемственная связь. Только существованием такой преемственной связи и можно объяснить себе *нашу способность узнавания прошлых представлений. Как известно, мы не только воспроизводим прошлые представления, но и узнаем, что эти представления уже были когда-то в нашей сознательной сфере*

(выделено мной, - Г. П.), а не явились вновь» [Бехтерев, 1888, с.30].

Более того, характеризуя далее процесс взаимоотношения сознания и (личного) бессознательного, он пишет, что «... преемственностью между процессами сознательными и бессознательными объясняется, между прочим, тот поразительный с виду факт, что *процессы, совершающиеся в бессознательной сфере человека, служат нередко руководством его сознательных действий* (здесь и далее, выделено мной, - Г. П.). В самом деле, как часто мы приходим к тем или другим решениям, не сознавая ясно или даже и вовсе *тех мотивов, которые привели нас к подобным решениям*. Впоследствии, однако, по принятии определенных решений, часто измышляются и мотивы последних, хотя они уже не имеют для нас того практического значения, как сознательные мотивы pro и contra до принятия известного решения.

Еще более поразительный пример влияния бессознательной психической сферы на действия, совершаемые сознательно, представляют так называемые внушённые идеи гипнотиков. Мы знаем, что эти идеи, будучи восприняты в гипнотическом состоянии, в последствие всплывают на поверхность сознания и принуждают человека к поступкам и действиям, стоящим в прямом противоречии со всеми его нравственными убеждениями» [там же, с.30].

Эти высказывания В. М. Бехтерева важны для нас в двух аспектах: во-первых, они принадлежат врачу – психиатру, человеку сугубо «материалистических» взглядов и, во-вторых, как было уже отмечено, его суждения о бессознательном были опубликованы задолго до трудов К. Юнга.

В качестве следующей работы для анализа психических процессов, происходящих в личном бессознательном, обращусь к такой авторитетной и широко известной (классической) работе, как «Мышление и речь» Л. С. Выготского. В ней нас будет интересовать

в основном один аспект – как *он понимает* процесс взаимодействия «мышления» (как явления идеального, по своей сути) и речи (как явления, в большей степени, материального).

Касательно «речи», следует дать некоторое пояснение, почему она относится к «материальному» явлению. В классической психологии существует термин «речевое действие», которое (не вдаваясь здесь в детали) в общем определяется как действие, связанное с речью и предназначенное для выражения идей, суждений и прочей «продукции» мыслительной деятельности посредством слов (здесь нет необходимости рассматривать все виды речи). Очевидно, что само «речевое действие» (прежде всего, как двигательный акт) это явление сугубо «материальное», однако, осуществляется оно посредством слов, которые, как известно, есть «продукт» мыслительной деятельности. Вот именно здесь и возникает тот вопрос, который требует ответа: как сам Л. С. Выготский объясняет такое воздействие идеального на материальное? Сначала приведу позицию Л.С. Выготского, которую он занимает по этой проблеме.

Вопросу взаимоотношения мышления и речи Л. С. Выготский придавал огромное методологическое значение, что следует из его высказывания о том, что: «Центральным моментом всей этой проблемы является, конечно, вопрос об *отношении мысли к слову...* Проблема мышления и речи - столь же древняя, как и сама наука психология, - *именно в этом пункте, в вопросе об отношении мысли к слову, наименее разработана и наиболее темна* (выделено мной, - Г. П.)» [Выготский, 1982, с.10].

Поэтому начну с его высказывания, имеющего в этом аспекте основополагающее, методологическое значение, на котором строятся все дальнейшие рассуждения Л.С. Выготского. «Слово, - пишет Л. С. Выготский, - всегда относится не к одному какому-нибудьциальному предмету, но к *целой группе или к целому классу*

предметов. В силу этого каждое слово представляет собой скрытое обобщение, всякое слово уже обобщает, и с психологической точки зрения, значение слова прежде всего представляет собой обобщение. Но обобщение, как это легко видеть, есть чрезвычайный *словесный акт мысли*, отражающий реальность совершенно иначе, чем она отражается в непосредственных ощущениях и восприятиях.

Когда говорят, что диалектический скачок является не только переходом от немыслимой материи к ощущению, но и переходом от ощущения к мысли, то этим хотят сказать, что мышление отражает действительность в сознании качественно иначе, чем непосредственное ощущение. По-видимому, есть все основания допустить, что это качественное отличие единицы в основном и главном есть *обобщенное отражение действительности*. В силу этого мы можем заключить, что значение слова, которое мы только что пытались раскрыть с психологической стороны, его обобщение представляет собой акт мышления в собственном смысле слова. Но вместе с тем значение представляет собой неотъемлемую часть слова как такого, оно принадлежит царству речи в такой же мере, как и царству мысли. Слово без значения есть не слово, но звук пустой. Слово, лишенное значения, уже не относится более к царству речи. Поэтому значение в равной мере может рассматриваться и как явление, речевое по своей природе, и как явление, относящееся к области мышления. О значении слова нельзя сказать так, как мы это раньше свободно говорили по отношению к элементам слова, взятым порознь. Что оно представляет собой? Речь или мышление? Оно есть речь и мышление в одно и то же время, потому что оно есть *единица речевого мышления»* [Выготский, 1982, с.17].

Прокомментирую этот оригинальный текст. Во-первых, то, что любое слово есть обобщение – особых доказательств не требует,

впрочем, также, как и то, что «мышление (как идеальный процесс) отражает действительность в сознании качественно иначе, чем непосредственное ощущение или восприятие», являющееся по своей природе явлением материальным – это же очевидный факт, даже не требующий ссылки на диалектику!

Во-вторых, и это главное, придавая «значение» слову, как тому, что позволяет слову обобщать отражение действительности, он замечает, что «обобщение представляет собой акт мышления в собственном смысле слова» и «вместе с тем значение представляет собой неотъемлемую часть слова как такого, *оно принадлежит царству речи в такой же мере, как и царству мысли*». Стало быть, значение рассматривается им в равной мере и как явление, речевое по своей природе, и как явление, относящееся к области мышления. Для их объединения он вводит «единицу речевого мышления», - как единство речи и мышления, пытаясь (по-видимому) дать объяснение все той же вечной «психофизиологической» проблеме.

Оставлю его сентенцию о том, что «значение слова раскрывается им с психологической стороны» (можно спросить, а с какой еще стороны можно в психологии раскрывать «значение» слова?), остановимся на значении термина «значение» (тавтология вынужденная). Л. С. Выготский совершенно справедливо считал, что «Слово без значения есть не слово, но звук пустой. Слово, лишенное значения, уже не относится более к царству речи» (в нашей интерпретации: в первом случае, невозможность возникновения психоинформации, во втором, как следствие, отсутствует всякая «двигательная активность»).

Что же представляет собой *значение* слова в контексте методологии «Неклассической психологии» и информационной концепции индивидуального сознания? Ответить на этот вопрос достаточно просто: любое значение появляется у любого слова тогда и только

тогда, когда оно осознается, то есть проявляется в виде психоинформации!

Отсюда следует, что как только значение «трансформировалось» в психоинформацию, оно далее может проявиться (а может и не проявиться, в зависимости от сопровождающего его чувственного тона) в слове, как в речевом действии. О том, как разрешается психофизиологическая проблема с введением этого понятия, подробно описано выше (в общем-то понятию психоинформации и посвящено все содержание этой книги).

Возникает еще один вопрос: осознавал ли сам Л. С. Выготский всю важность введения им в психологический анализ «единицы речевого мышления» для решения психофизиологической проблемы? Убежден, что да, и косвенным свидетельством тому является его высказывание, что «Исследовать такую проблему, как мышление и речь, для современной психологии означает в то же время *вести идейную борьбу с противостоящими ей теоретическими воззрениями и взглядами* (выделено мной, - Г. П.)» [Выготский, 1982, с.22]. Тем не менее, надо признать, что Л. С. Выготский был гениальным ученым, внёсшим огромный вклад в развитие психологии (ученым, который, возможно, родился «не в то время» ...). Проводить дальнейший анализ этого его труда в данном контексте не имеет смысла, хотя некоторые из его высказываний дальше будут использованы при анализе функциональности и структуры личного бессознательного.

Теперь нам предстоит выяснить еще один важный проблемный вопрос – есть ли в личном бессознательном структура, интегрирующая все психические феномены, происходящие в нем?³

³ Касаясь этой проблемы, на память сразу приходят все саркастические рассуждения представителей нейрофизиологических наук о постулируемых якобы существующих «гомункулах» в мозге человека и контролирующих его поведение. Однако, сами эти представители в своих исследованиях ничем не могут объяснить феномен психического, кроме как высказыванием туманных заявлений о разного рода «эпифеноменализмах» и «эмержентизмах»

Напомню мнение К. Юнга, который полагал, что, если наряду с сознанием существует вторая психическая система, то она должна иметь своего «субъекта», своего рода «я».

В работе «Неклассическая психология» [Прыгин, 2018] были даны и подробно описаны такие психологические категории, как «личность», «я» и «эго», при этом надо иметь в виду, что их дефиниции далеки от того, как они определяются в классической психологии. В связи с тем, что при разработке информационной теории психических явлений возникла необходимость уточнения содержания этих понятий, считаю важным рассмотреть их здесь более подробно.

Итак, начну с понятия «Личность»:

- «Личность» можно определить, как способ проявления «я» (как части самости, души) в социуме. Другими словами, личность представляет «я» в эмпирической реальности. Необходимо подчеркнуть особо, что, рождаясь в объективной реальности и развиваясь, личность познает и преобразует ее в эмпирическую реальность.

Стало быть, «личность» - это, прежде всего, носитель эмпирической реальности и она вторична по отношению к «я». Личность – это временной параметр «я». Эвентуально личностьдается для того, чтобы человек мог проявить себя в объективной реальности, прочувствовать «протяженность» своей жизни (возможно, и учесть ее ограниченность), в то время как «я», интегрируя весь «земной» опыт личности, сливаясь с самосознанием, с самостью, существует всегда. Именно «я» (а не личность) является тем «интегратором», который сводит воедино и сохраняет всё психическое содержание личного бессознательного. Если «я» – это часть подлинного самосознания, самости человека и потому неподвластно времени, то личность – это временной параметр «я».

Личность, как *временное* и пространственное образование, в

терминах квантовой теории нелокальности можно понимать, как локальное состояние «я». «Я», как часть самости (души), посредством декогеренции локализуется в пространстве и времени (объективной реальности) через личность и этот процесс сопровождается формированием у нее (личности) личностных черт, соответствующих той информации, которая «записана» в данном ей социальном окружении (то, что в классической психологии обычно понимается под онтогенезом личности, включающим и процесс ее социализации). Стало быть, с точки зрения теории квантовой информации, личность и социум представляют собой запутанную систему.

- «Я», согласно методологии «Неклассической психологии», та часть самости, самосознания, души человека, которая, трансцендируя в объективную реальность, становится основой для рождения личности (с этого момента начинается преобразование объективной реальности в эмпирическую реальность).

В процессе всего онтогенеза личности «я» остается субъектом «личного бессознательного», однако, по мере того, как личность все больше запутывается с социумом, «я» имеет тенденцию «уходить на второй план», уступая место субъекта «личного бессознательного» формирующемуся «эго». Являясь носителем того, что в классической психологии принято обозначать как характер человека, «эго» также формирует ценности и направленность личности, соответствующие, как правило, ее окружению.

Таким образом, чем больше влияние «эго», тем меньше человек стремится к духовным ценностям (соответствующим «я»). Как следствие, истинное «я» все меньше проявляется в индивидуальном сознании, которое теперь в большей степени занимает «эго» со всем его стремлением достигнуть определенного успеха в обществе.

Важно отметить, что «эго» не обладает способностью к трансцендированию в субъектную реальность (для него закрыта духовная

реальность); такой способностью обладает только «я» (как часть души).

Если «я» трансцендирует к субъектной реальности, оно сливаются с самосознанием и это трансцендирование в терминах квантовой физики представляет собой процесс рекогеренции, ведущий к увеличению меры его запутанности с «субъектной реальностью». Как следствие, это ведет к нелокальности («растворению») личности (прекращению или ослаблению взаимодействия с социумом, с окружением). По существу, этот вид трансцендирования может отражать либо некий медитативный процесс - процесс духовного «восхождения» человека, либо процесс его биологической смерти (смерти личности). Однако, во втором случае, весь жизненный опыт личности (вся информация личного бессознательного) посредством «я» переносится в субъектную реальность.

В завершение высажу еще одно предположение. Может возникнуть вопрос: почему «я» обладает способностью к трансцендированию, а «эго» - нет? Ответ на него можно дать, опираясь на феномены квантовой физики. Согласно вышесказанному, «я» - это часть самости, души человека, имеющей своим локусом субъектную реальность, как некую целостную систему. Следовательно, когда система (самость) разделяется на части, она (подобна частицам в феномене ЭПР) сохраняет информационную связь между своими частями.

- «ЭГО», согласно данным выше определениям понятий «я» и «личность», является носителем того, что в классической психологии принято обозначать как характер человека. Это, прежде всего, - продукт «запутывания» личности с социумом. Чем больше «я» запутывается с социумом, тем больше становится «Эго» и тем меньше остается у человека возможности в развитии «я», как духовной составляющей подлинного самосознания.

Таким образом, роль субъекта, интегрирующего все содержание личного бессознательного (по К. Юнгу, второй психической системе), принадлежит «я».

Рассмотрим теперь сенсорный аппарат человека - процессы ощущений и восприятия, дающие ему информацию об окружающей действительности.

«Сознательное как бы устремляется извне вовнутрь, в нас, - писал К. Юнг, - в виде восприятий. Мы видим, слышим, осязаем и обоняем мир и тем самым его осознаем. Восприятие говорит нам, что есть нечто. Но оно не говорит нам, что это. *Об этом говорит нам не процесс перцепции, а процесс апперцепции* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.). Этот последний процесс является комплексным образованием» [Юнг, 1994, с. 112].

Конечно, восприятие является неким комплексным результатом всех анализаторных систем, интегрирующим все апперцепции, однако, осознание этого результата возможно только после того, как он проявится в виде психоинформации. Кстати, и сам К. Юнг тоже выделял в восприятии два аспекта: во-первых, его комплексную физиологическую природу и, во-вторых, саму апперцепцию, которую он относил уже к явлениям психологическим, «Это не значит, продолжает К. Юнг, что восприятие является чем-то простым, но его комплексная природа скорее физиологическая, нежели психическая. Сложность апперцепции, напротив, психологическая» [там же, с. 112].

С позиции излагаемой здесь методологии, любое ощущение, безусловно, имея физиологическую природу, всегда представляет собой специфический вид нейроинформации. На этапе его возникновения оно не является психическим феноменом, однако, в момент возникновения ощущения, появившаяся нейроинформация, посредством принципа синхронистичности, поступает в личное бессознание.

тельное, то есть становится явлением психическим («включается» психодинамическое кольцо). Далее, в зависимости от того, смогли ли мы локализовать это ощущение и адекватно его определить (выразить в каком-то понятии), оно может отразиться в виде психоинформации и в этом случае оно уже будет представлять собой не ощущение, а восприятие (не зря же говорят о слуховом или вкусовом восприятии). В качестве примера: мы часто можем слышать, как нам говорят или мы сами говорим: «что-то, где-то давит или болит», при этом не можем ни локализовать, ни как-то назвать это ощущение.

Осталась еще одна область «психологических» феноменов, которая содержится в личном бессознательном, и которая еще не рассматривалась, это – «аффективная сфера личности». Термины «психологических» и «аффективная сфера личности» специально взяты в кавычки, поскольку надо разобраться насколько эти феномены действительно «психологичны» и принадлежат «личности».

Вернемся к высказываниям К. Юнга. Процессом распознавания сущности К. Юнг называет мышление, именно в результате его возникает «знание», как таковое, однако, замечает он, процесс мышления, как правило, сопровождается «процессом оценки», вызывающим *эмоциональные реакции различного характера*, который он называет «чувственным тоном», а сам этот процесс «чувствованием» [Юнг, 1994].

Исследуя проблему мышления и речи, Л.С. Выготский подчеркивал, что «Первый вопрос, который возникает, когда мы говорим об отношении мышления и речи к остальным сторонам сознания, - это вопрос о связи между интеллектом и аффектом. Как известно, отрыв интеллектуальной стороны нашего сознания от его аффективной, волевой стороны представляет один из основных и коренных пороков всей традиционной психологии» [Выготский,

1982, с.21]. «Вплетенность» в процесс мышления эмоциональных переживаний отмечают практически все исследователи мышления, в частности, С. Л. Рубинштейн писал, что с «динамикой мыслительного процесса связано эмоциональное самочувствие мыслящего субъекта... Вообще реальный мыслительный процесс связан со всей психической жизнью индивида. В частности, поскольку мышление теснейшим образом связано с практикой и исходит из потребностей и интересов человека, эмоциональные моменты чувства, выражающегося в субъективной форме переживания, отношение человека к окружающему, включаются в каждый интеллектуальный процесс и своеобразно его окрашивают. Мыслит не «чистая» мысль, а живой человек, поэтому в акт мысли в той или иной мере включается и чувство» [Рубинштейн, 1940, с. 290].

Таким образом, первичная функция эмоциональной реакции, сопровождающая процесс мышления – это функция оценки его содержания. Если содержание результата самого процесса мышления не связано с достаточно сильными эмоциональными переживаниями, то, скорее всего, они будут проявляться в сознании человека, только как квалиа (см. главу 4). Однако, здесь возникает другой вопрос, что в данном контексте представляют собой такие сильные (базовые) аффективные реакции, как, например, гнев, страх, удивление, радость, которые выделяются большинством психологов (П. Экманом [Экман, 2010], К. Изардом [Изард, 1999] и др.).

Очевидно, применяя ту же самую логику, с которой анализировались ощущения, можно утверждать, что аффективные реакции по способу их возникновения можно условно разделить на «внешние» и «внутренние». К «внутренним» относятся те, причиной возникновения которых является нейроинформация; например, чувство голода, гнева (обусловленное какой-то патологией, также, как и ревность, той же этиологии), вообще любые эмоциональные реакции, связанные

ные с биологическими потребностями или особенностями организма. Далее, по аналогии с ощущениями, эта нейроинформация посредством принципа синхронистичности, поступает в личное бессознательное, становясь явлением психическим. Если какая-либо из этих аффективных реакций «означивается» (осознается), то появляется психоинформация, которая в последующем может вызвать (а может и нет) определенную внешнюю активность (что и проявляется, например, в виде эмоциональной «вспышки»).

Под «внешними» аффективными реакциями подразумеваются такие, которые своим изначальным возникновением «обязаны» появившейся психоинформации в результате «оценки» процессов мышления, происходящих в личном бессознательном. Часто такая эмоциональная оценка существует только как «чувственный тон», квалиа того понятия, которое проявилось в потоке сознания в виде психоинформации и, не оказав никакого существенного влияния, вновь «растворилась» в личном бессознательном. В другом случае этот чувственный тон, сопровождающий понятие, проявившееся в сознании в виде психоинформации, может оказывать влияние на характер дальнейших действий с этой психоинфекцией (во внешнем плане). Может оказаться и так, что этому чувственному тону будет придано особое «значение» (даже большее, чем, то, которое придавалось изначальному предмету мышления), тогда именно этот «чувственный тон» послужит появлению той психоинформации, которая вызовет «бурную эмоциональную реакцию» в виде внешнего действия, например, знаменитый возглас «Эврика» Архимеда, когда он открыл закон, позволяющий измерять объем тел произвольной формы. Кстати, здесь глагол «открыл» как раз и показывает внезапное появление (инсайт) основной психоинформации в виде открытого закона.

Так обстоит дело с термином «психологические» в отношении

эмоциональной сферы, что же касается «аффективной сферы личности» (которая здесь тоже взята в кавычки), то, как и было описано выше, «личность» вторична по отношению к «я». Это некий собирательный образ, «сердцевиной», сутью которой является именно «я». Она не является тем «интегратором», который сводит воедино и сохраняет всё психическое содержание личного бессознательного. В этом контексте личность понимается как некий социальный конструкт, который в данной методологии не играет принципиального значения (как хорошо известно каждому психологу, в классической психологии, в буквальном смысле слова, существуют сотни теорий личности, как правило плохо согласованных между собой). Стало быть, согласно методологии «Неклассической психологии», следует говорить точнее не об «аффективной сфере личности», а *об аффективной сфере «я»*.

Безусловно, к содержанию личного бессознательного относятся еще и такие феномены, как интуиция и воля. Однако, придерживаясь собственной позиции, считаю, что воля как отдельный психический процесс не существует. Воля - это всего лишь субъективная значимость той ценности, которая придается человеком предмету, объекту или чувству, возникающему как психоинформация (только поэтому эмоциональная сфера не обозначена выше как «аффективно-волевая», что принято в классической психологии).

Интуиция, как психический процесс, конечно же присутствует в содержании личного бессознательного. К. Юнг, обозначая интуицию как предвосхищение, писал: «Процесс предвосхищения не является ни восприятием, ни мышлением, ни чувствованием, хотя язык обнаруживает здесь подозрительно малую способность различения (здесь и далее выделено мной, - Г. П.) Соответственно своему темпераменту один будет называть свое предчувствие ясным видением, то есть уподоблять его восприятию. Другой будет назы-

вать его мышлением... Третий, наконец, под впечатлением своего эмоционального состояния будет называть предвосхищение чувствованием. *Предвосхищение, или интуиция, является, однако, на мой взгляд, одной из основных функций души, а именно восприятием заключенных в ситуации возможностей*» [Юнг, 1994, с.114].

Высказывание К. Юнга об интуиции настолько полно и ясно, что фактически ничего существенного добавить невозможно, разве только прокомментирую его в рамках понятия «психоинформации». Интуиция (предвосхищение) - это «чистый» психический феномен, характеризующий «работу» личного бессознательного; интуиция никогда не может проявиться в виде психоинформации (ибо в таком случае она будет уже не интуицией, а ее результатом). Безусловно, интуиция важна и в обыденной жизни каждого человека, и особенно в его творческой деятельности.

§5.3. Выводы

Итак, какие же выводы следуют из содержания этой главы? Согласно сформулированному здесь закону «информационной психодинамики», понятие «Психоинформации» (его можно даже обозначить как категория «Психоинформация») позволяет достаточно четко выделять идеальные психические явления из явлений «квазипсихических», явлений только кажущихся психическими.

Можно также сделать совсем парадоксальный вывод о том, что по сути, сознание нельзя отнести к идеальным психическим явлениям, поскольку *сознание представляет собой перманентный процесс порождения психоинформации, имеющей возможность воздействовать на нейронные структуры мозга*.

Здесь следует обратить внимание на то, что термин «процесс» в описании сознания употреблен, как говорят, за неимением лучшего. Было неоднократно отмечено, что личное бессознательное (также,

как и коллективное бессознательное, и субъектная реальность) - *вневременны*. Поэтому говорить о «процессе», как мы его понимаем в обыденном смысле слова, некорректно. Если здесь говорится о сознании как процессе, то имеется ввиду то, что психоинформация возникает мгновенно, однако, после появления ее способность вызвать какую-либо внешнюю активность может быть «растянута» во времени. Кстати, если здесь затронуто понятие «времени», то можно полагать, что и время, и пространство только тогда становятся реальными феноменами, когда эти понятия проявляются в виде психоинформации.

Введение понятия «психоинформация» позволяет прийти к еще одному важному заключению: вся классическая психология (за малым исключением) фактически изучает не психику, не психические явления, как таковые, (как предполагается, идеальные явления), а психоинформацию, в большей степени связанную с нейроинформацией, отсюда и все трудности методологического характера. В итоге в классической психологии процветает «душевная летаргия»!

Правда, однако, состоит в том, что, к сожалению, методология сейчас мало кого интересует и для таких психологов введение понятия психоинформации ничего не меняет.

Вместе с тем, понятие психоинформации не только снимает большую часть вопросов, касающихся психофизической проблемы, но и дает определенные «выигрышные карты» в руки всех исследователей физиологии мозга, в частности, представителям когнитивной психологии. Им теперь не надо придумывать и ссылаться на, различного рода эпифеномены, просто надо понять, что предметом их исследования является нейроинформация, актуализированная соответствующей психоинформацией!

Сформулированный выше закон «информационной психодинамики», основанный на категории «психоинформации», позволяет

также подойти к анализу феномена «идеального», привлекая концепцию С. Л. Франка, и проинтерпретировать некоторые его основные понятия в новом аспекте.

Напомню, что проблема «идеального» была затронута в работе над монографией «Неклассическая психология» [Прыгин, 2018], где, опираясь на теорию С. Л. Франка [Франк, 1997], было дано разграничение понятий «душевных» и «духовных» явлений. Анализируя понятие «реальность», С. Л. Франк писал о том, что все, что рождается в нас (мысли, мнения, воображения, представления и пр., то есть весь наш опыт), входит в «эмпирическую реальность» и составляет *субъективный элемент (компонент) «эмпирической реальности»* (именно в «эмпирическую», а не *объективную* реальность, поскольку к последней он относил *общий всем нам мир*, «с которым мы вынуждены считаться, как с чем-то, что фактически не зависит от нас и подлинно есть»).

Несмотря на сложность и неоднозначность такого разделения, можно говорить о том, что в содержании «душевных» явлений в большей степени отражен наш жизненный опыт, а значит, он сохранен в личном бессознательном полностью и (отчасти) в виде нейроинформации в нейросетях. Представляется понятным, почему в первом случае опыт сохранен полностью, а во втором – частично. В личном бессознательном, как было показано выше, сохраняется не только то, что было осознано человеком в процессе жизни, но и сопутствующие ему идеальные психические феномены, в то время как в нейросетях сохраняется только нейроинформация (порожденная психоинфекцией).

Таким образом, *все явления, составляющие содержание личного бессознательного и, главное, способные проявляться в виде психоинформации, в соответствии с теорией С. Л. Франка, можно квалифицировать, как явления «душевной жизни»*, составляющие

суть субъективного компонента эмпирической реальности.

В отношении «духовных» явлений С. Л. Франк писал, что «Кроме знания, получаемого с помощью чувств и путем интеллектуального созерцания, «мы обладаем *еще особым, и притом первичным, типом знания* (здесь и далее выделено мной, - Г. П.), который может быть назван *живым знанием* или *знанием-жизнью*. В этой духовной установке познаваемое не предстоит нам извне как нечто отличное от нас самих, а как-то слито с самой нашей жизнью. И наша мысль рождается и действует как-то из глубины самой открывающейся реальности, совершается в самой ее стихии. ... по сравнению с этим первичным родом знания, мы ощущаем в установке предметного знания (порожденного психоинформацией, Г. П.) какую-то искусственную суженность и как бы выхолощенность сознания... Мысль, в форме предметного познания, может только задним числом, производно накладываться на фундамент живого знания» [там же, с. 23]. Стало быть, значение, рождающееся в нас и вынашиваемое нами в глубинах субъектной реальности, безусловно, относится к идеальным явлениям, а поэтому не может проявиться в виде психоинформации. Добавлю, такое «знание» можно уподобить переживаниям, возникающим в процессах «духовных исканий», которые, как известно, практически не поддаются вербализации.

Как теперь ясно, отнесение С. Л. Франком явлений *душевной* жизни к структуре эмпирической реальности было вполне обосновано, поскольку все они обладают потенциальной возможностью вызывать внешнюю (или внутреннюю) активность человека.

Глава 6. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПСИХОИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

П.К. АНОХИНА

§6.1. Введение

Правомерно ли говорить о феноменологии информации вообще и психоинформации в частности? Очевидно, что феноменология информации, как направление, имеет место в философии и науке, поскольку оно предполагает, в числе прочих, исследование природы информации с точки зрения её восприятия, интерпретации и опыта, который человек получает, взаимодействуя с информацией. К основным аспектам феноменологии информации можно отнести такие как: опыт восприятия информации (то есть, как человек воспринимает и интерпретирует информацию); субъективность (учет субъективных аспектов восприятия информации); интенциональность и смысл (в этом аспекте подчеркивается ее направленность на определенный объект и обретение смысла в контексте человеческого опыта). Конечно, наиболее важный для нас аспект – это информация и сознание, где феноменология информации направлена на изучении связи информации с сознанием и самосознанием (в частности, исследовании того, как информация влияет на наше мышление, память и принятие решений).

Безусловно, все вышесказанное относится и к феноменологии психоинформации. Таким образом, феноменология психоинформации представляет собой значимое направление, позволяющее глубже понять, как психоинформация воспринимается, интерпретируется и используется в опыте человека при принятии решений.

Поскольку понятие «психоинформации» является центральным, необходимо, прежде чем рассматривать феноменологию психоинформации в контексте функциональной системы, еще раз

напомнить, какое содержание вкладывается в это понятие и в сопутствующие ей свойства. Напомню кратко еще раз основные положения, раскрывающие суть «психоинформации».

К ним относятся следующие:

- любая информация *переходит из идеального («непроявленного») состояния в элемент эмпирической действительности тогда и только тогда, когда она «означивается» (интерпретируется как знак)*. Именно эту «означенную» (проинтерпретированную) информацию и следует считать *психо информацией*, и в этом случае она не должна рассматриваться как явление идеальное;
- *психоинформация*, содержанием которой всегда является опыт (накопленные знания) человека, одновременно сохраняется и в его нейросетях (как нейроинформация), и в личном бессознательном (как идеальная информация).

Кроме того, во второй главе, в основных постуатах сформулирован отдельный (пятый) постулат, касающийся «субъективно-эмпирических явлений» (содержание и функции которых ранее не были раскрыты). Опираясь на этот постулат, как на основу, можно провести феноменологический анализ «субъективно-эмпирических явлений», выявить их локус, функции и главные атрибутивные характеристики. Кроме того, там же приведена последовательность изменения качества информации, показывающая (условную) включенность «субъективно-эмпирических явлений» в этот процесс.

Приведу еще раз этот постулат и эту последовательность. Итак, в постулате было высказано суждение о том, что только живой организм, имеющий знаковую систему (и обладающий определенным уровнем осознанности), способен порождать тот феномен, который можно обозначить как «субъективно-эмпирические явления». Субъективно-эмпирические явления представляют собой *сопутствующее свойство психоинформации, определяющее необходимость в*

актуализации соответствующей ей нейроинформации, вызывая тем самым, тот вид предстоящей активности, который будет проявлен человеком во внешнем поведении (деятельности).

Последовательность, условно отражающая весь процесс изменения качества информации, была представлена в виде: «*Идеальная информация*» <-> «*Психодиагностика*» <-> «*Субъективно-эмпирические явления*» → «*Нейроинформация*» → «*Внешняя активность*» (знак «<->» указывает на наличие прямой и обратной связи).

Было также отмечено, что «субъективно-эмпирические явления» изображены здесь в виде отдельного компонента последовательности *условно*. Поскольку они являются *сопутствующим свойством психоинформации* то, наряду с другим сопутствующим свойством - эмоциональными переживаниями, должны быть объединены в один блок «*Психодиагностика*».

Если содержание и функции эмоциональных переживаний, как сопутствующего свойства психоинформации, ранее были раскрыты при анализе «потока сознания», может возникнуть вопрос: для чего необходимо было дополнительно вводить *сопутствующее психоинформации свойство в виде «субъективно-эмпирических явлений»*? Не проще было бы считать, что именно психоинформация (как «ключ к замку») непосредственно воздействует на соответствующую ей нейроинформацию, что в целом соответствует основной концепции, представленной в содержании этой книги?

Однако, отказаться от введения «субъективно-эмпирических явлений», как сопутствующего свойства психоинформации, не представляется возможным в связи с тем, что появление психоинформации далеко не всегда может приводить к актуализации, соответствующей нейроинформации с последующей внешней активностью. Действительно, легко представить, что не всякое осознанное понятие (психоинформация) обязательно приводит к внешней ак-

тивности (любая рефлексия подтверждает это; например, в наиболее явной форме вопрос, который мы себе иногда задаем: «А надо ли мне это делать?», может являться косвенным тому доказательством). Из сказанного ясно, что введенные «субъективно-эмпирические явления» должны выполнять роль своеобразного триггера (переключателя), «разрешающего» или «запрещающего» психоинформации актуализировать нейроинформацию.

Стоит подчеркнуть, что «субъективно-эмпирические явления», как сопутствующее свойство психоинформации, по своей сути, представляет собой *психический феномен*. Поэтому свою функцию «триггера» он может осуществлять только на уровне психоинформации (индивидуального сознания) и/или на уровне личного бессознательного и никогда не может проявляться на уровне нейроинформации, так как, согласно описываемой здесь общей концепции, нейросети (с «записанной» в них нейроинформацией), представляющие собой специфические ансамбли (констелляции) нейронов, *при любой их сложности*, принципиально не могут содержать ничего психического - это физиологические структуры!

Отсюда следует важный общий вывод, что *все психические явления*, которые могут оказать воздействие на последующую нервную активность, должны «заканчиваться» до ее начала. Тем не менее, это нельзя понимать буквально, так что с момента начала нервной активности роль психического фактора заканчивается - *психический фактор действует на протяжении всей нервной активности, но только всегда вначале действует психическое и, лишь как следствие, актуализируются мозговые структуры, приводящие к какой-либо активности человека*. (Конечно, надо иметь в виду, что этот вывод не касается разного рода патологической деятельности мозговых структур, когда внешняя активность может изначально провоцироваться какой-либо их «спонтанной» активностью, что было

рассмотрено в главе 3).

В связи с этим, возникает ряд проблемных вопросов, на которые требуется найти ответы, в частности, что представляют собой субъективно-эмпирические явления; насколько они осознаны; связаны ли они с другим сопутствующим свойством психоинформации - эмоциональными переживаниями и видом будущей активности?

§6.2. Процесс «мыслетворчества»

Прежде чем обратиться к анализу и ответить на поставленные вопросы, необходимо еще раз вернуться к фундаментальному понятию «Психодиформация», которое, с моей точки зрения, по своей сути и значению для психологии, «родственно» понятиям «единицы речевого мышления» [Выготский, 1982, т.2] и «действие», как единица анализа деятельности [Леонтьев, 1975].

До сих пор, упрощая анализ, психоинформация рассматривалась как некоторое *единичное «означенное»* понятие, что на практике встречается очень редко. Обычно психоинформация не проявляется в виде отдельного понятия (значения), - это всегда ряд связанных между собой понятий (правда, мы не всегда сразу осознаем эту связь); именно этот ряд понятий (психоинформаций) и можно обозначить как появление мысли. Любая мысль всегда состоит из ряда уже знакомых человеку понятий, каждое из которых, само по себе, является психоинформацией.

Однако, любая мысль - это не «сумма нескольких осознанных понятий», она несет в себе нечто большее, некое, только ей присущее, *интегральное понятие*, то, ради чего она была сформирована (и, возможно, высказана); именно это *интегральное «означенное» понятие и является той психоинформацией*, к которой следует относить сопутствующие составляющие - «эмоциональные переживания» и «субъективно-эмпирические явления» и, которые, в конеч-

ном итоге, при определённых обстоятельствах, могут повлечь за собой внешнюю активность человека. Таким образом, мысль можно определить, как процесс формирования интегральной психоинформации.

Почему так трудно иногда осознать «интегральное понятие» мысли? Л. С. Выготский писал [Выготский, 1982, т.2], что любое слово, рождающееся в мышлении, представляет собой обобщенное отражение действительности, то есть ему свойственна многозначность, а, следовательно, (добавим) неопределенность. Например, понятие «стол» может обозначать все - от обыкновенной домашней утвари, до площадки, с которой стартует космический корабль. Когда же мы пытаемся сформировать мысль, мы используем много разных (многозначных, полисемантических) «означенных» понятий, поэтому и интегральное понятие мысли часто трудно подобрать, чтобы превратить его в искомую психоинформацию (именно этот процесс часто называют формулированием мысли). Надо еще учесть, что процесс мышления, как правило, сопровождается эмоциональными переживаниями, порождающими «процесс оценки» различного характера, который К. Юнг называл «чувственным тоном», а сам этот процесс «чувствованием» [Юнг, 1997 (г)]; У. Джеймс в своем феноменологическом анализе «Потока сознания» [Джеймс, 1902] также писал, что у объекта, «проходящего перед сознанием», всегда имеет ореол, сообщая ему свою собственную внутреннюю (эмоциональную) окраску, причем никакой язык не в состоянии определить все ее оттенки (то, о чем писали К. Юнг и У. Джеймс, на современном профессиональном языке, обозначается как «квалиа»).

Теперь становится понятным, почему нам часто приходится не только подбирать «составляющие» части мысли в виде означивания понятий (как психоинформацию), но и по нескольку раз переформу-

лировать свою мысль, подбирая новые понятия, пока мы не будем уверены в том, что ее интегральное значение (опять же в виде психоинформации) соответствует адекватности какой-либо цели или ситуации. Как писал С. Л. Рубинштейн: «В речи мы формулируем мысль, но, формулируя ее, мы сплошь и рядом ее формируем» [Рубинштейн, 1940, с. 350].

Прежде всего, отмечу, что здесь и далее под эмоциональными переживаниями понимаются переживания, - *как возможные побудители активности (мотивы)*, имеющие разную степень осознанности (например, от физиологических аффектов, предполагающих «сужение сознания», интенций, доминирующих тенденций, намерений, желаний, до осознанных мотивов). Такое ограничение связано с тем, что нас интересует не вся эмоциональная сфера человека, а только те переживания, которые побуждают человека к активности, помогая оценить «полезность» актуальной психоинформации.

§6.3. Субъективно-эмпирические явления как «финальный механизм» процесса принятия решения

Если рассматривать психоинформацию в контексте функциональной системы П. К. Анохина, то она совместно с сопутствующими атрибутами – эмоциональными переживаниями и субъективно-эмпирическими явлениями (объединенными с ней в один блок), выполняет роль структуры, с которой начинается и заканчивается процесс принятия решения.

Согласно П. К. Анохину, формирование любой функциональной системы начинается с «пускового стимула», запускающего афферентный синтез, ведущий затем к принятию решения (далее работу функциональной системы пока рассматривать не будем). В данном контексте функцию «пускового стимула» выполняет психоинформация (то есть начало формирования функциональной системы -

это появление психоинформации). Далее на основе проведенного афферентного синтеза и эмоциональной оценки (как мотивационного фактора) психоинформации, должно приниматься финальное решение о возможности (или необходимости) перехода к внешней активности. Однако, как было сказано выше, появление психоинформации далеко не всегда может актуализировать соответствующую ей нейроинформацию.

Здесь и возникает вопрос: как осуществляется сам момент принятия решения – его *финальная стадия*? Чтобы ответить на этот вопрос, перейдем к анализу субъективно-эмпирических явлений, как некоторого «специфического феномена», выполняющего функции, своего рода, триггера (переключателя), «запрещающего» или «разрешающего» психоинформации актуализировать нейроинформацию и, связанную с ней внешнюю активность разной степени осознанности (от импульсивных действий, идеосенсомоторной активности, операций до действий, деятельности, поведения). Очевидно, что в этом случае речь, *de-facto*, должна идти о некотором «*финальном механизме*», завершающем процесс принятия решения о необходимости начала той или иной внешней активности.

Отмечу, что понятия «финальных механизмов» часто используются в различных областях науки для описания процессов, направленных к определённой цели. Однако, важно понимать, что в каждом конкретном случае смысл термина может отличаться. В данном случае «*финализирующий*» механизм подразумевает осознание (принятие) цели.

Выше сказанное можно сформулировать в качестве гипотезы о том, что может выполнять функцию такого «финального механизма»: *субъективно-эмпирические явления завершают процесс принятия решения о необходимости актуализации психоинформацией соответствующей ей нейроинформации (нейросети), констатируя*

осознание и принятие цели человеком.

Для (логического) доказательства этой гипотезы необходимо обратиться к трудам П. К. Анохина, в частности, к его работе «Философские аспекты теории функциональной системы» [Анохин, 1978]. Думаю, что в подробном анализе самой функциональной системы нет необходимости, поскольку ее описание представлено во множестве научных работ, в которых доказывается ее универсальность, «изоморфность» (по выражению самого П. К. Анохина). Кстати, нельзя не отметить, что это, пожалуй, единственная физиологическая теория, которая сыграла большую роль в развитии психологии, поскольку на основе ее архитектоники был разработан ряд психологических теорий, авторами которых являлись Л. Г. Дикая [Дикая, 2003], О. А. Конопкин [Конопкин, 1980], В. Д. Шадриков [Шадриков, 1983] и автор этих строк [Прыгин, 2009].

Рассматривая проблему принятия решения в psychology и физиологии, П. К. Анохин писал, что «универсальным стержнем, который может быть предложен, чтобы выделить принятие решения и сделать его объективно изучаемым процессом *по отношению ко всем видам принятия решения в различных направлениях*, является общая теория функциональных систем. Кроме того, он утверждал, что «она является единственной моделью, которая позволяет изучать *самые тонкие механизмы принятия решения в различных системах* (выделено мной, - Г. П.) и охватывает как стадию предрешения, так и само решение, и последствия решения» [Анохин, 1978, с. 393].

Для нас также особенно важно его замечание, что в функциональной системе *принятие решения* не является изолированным механизмом (изолированным актом), а служит этапом в развитии *целенаправленного поведения*. При этом в архитектонике функциональной системы не рассматриваются по отдельности разные пси-

хические процессы (например, память, как нечто изолированное); каждый процесс работает в системе на своем месте и играет свою роль. Это же он относит и к мотивации, и к собственно принятию решения, то есть *система объединяет все позиции*.

Известно, что функциональная система «создается» организмом для получения (в будущем) какого-либо положительного результата, полезного эффекта, вследствие чего, нельзя вообще принять и осуществить решение, не направленное на какую-то деятельность. Поскольку здесь рассматривается проявление внешней активности человека, предполагающее взаимодействие психологического и физиологического уровней, естественно полагать, что в качестве такого полезного результата, как правило, выступает цель, принятая человеком. Причем, в данном контексте, эта цель должна проявиться в виде «интегральной психоинформации», то есть должна быть им осознана и (обязательно) принята.

Проанализирую теперь, как может «формироваться» функциональная система для реализации принятой цели в виде *целостного акта – от осознания и принятия цели до получения «полезного» результата*. Для упрощения понимания этого процесса опишу его в виде отдельных стадий (отмечу, - это очень условное выделение, поскольку все указанные ниже стадии представляют собой единый целостный процесс, совершающийся симультанно).

Стадии (согласно логике формирования функциональной системы).

1. Формирование цели как «полезного результата».

Первоначально (до «афферентного синтеза»), осознать ценность («полезность») интегральной психоинформации в качестве возможной *цели* помогают эмоциональные переживания, сопутствующие ее возникновению и выполняющие (по выражению П. К. Анохина) роль «доминирующей мотивации». «Можно ли принять

решение, которое в будущем не обещает никакого полезного эффекта? Очевидно, нет. - пишет он, - следовательно, если говорить о принятии решения, то в нашем понимании (физиологическом и психологическом) *без мотивации, которая должна быть удовлетворена* (она может быть представлена в разных видах, в простом грубом виде - типа голода, жажды, но она может быть представлена и в виде желания поступить в институт), нельзя обойтись. Мотивация выступает обязательным фактором, определяющим и устанавливающим форму решения, тип решения, его общие очертания (здесь и далее выделено мной, - Г. П.)» [Анохин, 1978, с. 394].

На психологическом уровне именно цель, как «полезный результат», должна проявиться «в потоке сознания», однако, никакая внешняя активность не может начаться, если не будет «принятия решения» о ее начале.

Вместе с тем, человек не может принять такое решение только на основе психоинформации, поскольку одного «осознания цели» для этого совершенно недостаточно. Для принятия решения требуется учесть еще целый ряд других феноменов и условий. В частности, своеобразие самого текущего момента проявления психоинформации (например, время и место «осознания»), особенности сопутствующих ей эмоциональных переживаний (способствующих превращению психоинформации в цель). Помимо этого, на процесс принятия решения может влиять сложность самой формируемой мысли (ее «интегральная психоинформация») и еще много других факторов, сопровождающих проявленную психоинформацию.

Учет всех перечисленных факторов (*перед принятием решения*) представляется достаточно близким аналогом «*афферентного синтеза*» формирующейся функциональной системы, поэтому перейду к следующей ее стадии.

2. «Афферентный синтез».

Как отмечалось ранее, личное бессознательное содержит в себе все психические процессы, включая: память, мышление, ощущение, восприятие, внимание, воображение, всю аффективную сферу и феномен «Я», как интегратор всего содержания личного бессознательного. Но в данном случае, нас больше интересует *память и опыт* человека, поскольку именно они оказывают наибольшее влияние на то, чтобы принимаемое под воздействием мотивации решение, соответствовало актуальной обстановке; по словам П. К. Анохина, «мотивация действительно извлекает из памяти весь прошлый опыт с результатами включительно... Таким образом, извлечение определенной мотивацией определенного жизненного опыта (с коррекцией воздействия от внешней обстановки) и приводит к принятию именно этого, а не иного решения, т. е. само принятие решения опосредовано очень сложным процессом «примерки» жизненного опыта к данной ситуации (выделено мной, - Г. П.)» [Анохин, 1978, с. 394].

Можно полагать, что афферентный синтез протекает как на уровне личного бессознательного (сканируется все его содержимое в виде накопленных знаний и опыта), так и в «потоке сознания», включая в анализ и вновь появляющуюся психоинформацию, описанную выше как процесс «мыслетворчества» (фактически, - это любые рассуждения «про себя» или «вслух»). Стало быть, *на этой стадии задействованы, как уровень личного бессознательного, так и «поток сознания»*. В действительности, на стадии афферентного синтеза идет непрерывный процесс смены качества информации: от психоинформации к идеальной информации и, наоборот, пока не будет собрана вся необходимая информация об «интегральной психоинформации»; сбор информации будет продолжаться до тех пор, пока у человека не появится уверенность, что цель им осознана и оценена как «полезная».

Таким образом, на этой стадии формируется своя особая функциональная система, призванная обеспечить именно принятие цели (как полезного результата), а не ее достижение. Условно, эту стадию можно назвать «психологическим оправданием» принятой цели. Человек как бы хочет убедиться, что это именно та цель, которая ему необходима и, что именно она, в случае каких-либо его действий, приведет его к «полезному результату». «Центральным моментом, - писал П. К. Анохин, - для системы является результат, так как любой комплекс и любое множество становятся системой только благодаря результату (выделено мной, - Г. П.)» [Анохин, 1978, с. 84].

Процессы, происходящие на этой стадии, можно охарактеризовать как формирование особой функциональной системы высшего, психологического уровня, результатом которой является осознанно принятая цель, пока только субъективно оцененная как полезный результат.

Прежде чем перейти к следующей стадии, – собственно «принятия решения», важно отметить, что описанные процессы «формирование цели» и «афферентного синтеза» - это не два последовательных процесса, а единый процесс, ведущий к «принятию решения об активности».

3. «Принятие решения об активности».

Итак, по завершению афферентного синтеза (на психологическом уровне) и принятию осознанной цели, система «переходит» к следующей *финальной стадии* - стадии «принятия решения об активности». Такое решение принимается субъективно-эмпирическими явлениями, представляющими собой определенного вида «императивы», разрешающие или запрещающие интегральной психоинформации актуализировать нейроинформацию. Какого рода императивы будут задействованы (разрешающие или запрещаю-

щие), и составляет итог (финал) «принятия решения об активности».

Если это разрешающие «императивы», то они будут проявляться на осознанном уровне (как психоинформация), по большей части, в виде действенных глагольных форм (глаголы действия, типа: сделай, возьми, открой и других). Для запрещающих императивов будут свои подобные глагольные формы.

В случае принятия разрешающих императивов, интегральная психоинформация актуализирует соответствующую ей нейроинформацию, сохраненную в мозговых структурах, запуская, тем самым, формирование «*физиологической*» функциональной системы, для реализации внешней активности и получения полезного результата (достижения цели). Принципы ее формирования полностью соответствуют классическим, описанным во многих работах по нейрофизиологии мозга, поэтому не нуждаются в дополнительном анализе. (Отмечу также, что здесь не рассматривается формирование компонента «программы действий», входящего в «классическую» функциональную систему, поскольку в данном контексте этот компонент не имеет существенного значения).

4. «Обратная аfferентация».

Описание формирования функциональной системы будет не полным, если не проанализировать еще одну, принципиально важную ее составляющую - систему «обратной аfferентации». Как отмечал П. К. Анохин: «... система не может быть стабильной, если сам результат своими существенными параметрами не влияет на систему обратной аfferентацией. А если это так, то любая система, какой бы значительной она ни была в иерархическом ряду, должна подчиняться этим правилам» [там же, с. 84].

В данном случае речь идет, по его выражению, об аппарате «акцептора результатов действия», который позволяет промежуточным результатам, получаемым в процессе активности, посредством

обратной афферентации, сравнивать их с афферентной моделью ис-
комого результата. Именно таким образом корректируются откло-
нения (ошибки) в активности человека. «Самый процесс оценки по-
лученного реального результата, - пишет П. К. Анохин, - осущест-
вляется из сличения прогнозированных параметров и параметров ре-
ально полученного результата. Именно здесь, в этом пункте, осу-
ществляется таинство оценки полученного результата...» [там же, с.
97].

Таким образом, если представить, что по мере достижения принятой цели (полезного результата), человек осознаёт, что ре-
зультат его активности не полностью соответствует желаемому,
«включается» обратная афферентация. Но, поскольку человек дол-
жен «осознать» это отклонение, то система вновь переходит на
психологический уровень к компоненту афферентного синтеза, про-
изводя, тем самым, поиск первоначальных ошибок или оптимиза-
цию его результатов.

Может возникнуть вопрос: каким образом нейроинформация об «ошибках» внешней активности может быть вновь осознана? Здесь необходимо напомнить о наличии «*психодинамического информационного кольца*». Выше было отмечено (см. главу 3), что *идеальная информация личного бессознательного и нейроинформация связаны между собой посредством принципа синхронистично-сти* [Юнг, 1997 (e)], поэтому любое изменение информации на од-
ном из этих уровней ее существования мгновенно приводит к по-
добному изменению на другом уровне. Одновременно с этим, созда-
ется своеобразное «кольцо» - зацикливание информации в контуре:
*«нейроинформация → идеальная информация личного бессозна-
тельного → психоинформация → нейроинформация → идеальная
информация личного бессознательного → психоинформация → и
т.д.».*

Стало быть, применительно к рассматриваемой стадии (обратной афферентации), любая «ошибочная» нейроинформация всегда вызывает «отклик» в информации личного бессознательного и одновременно осознается, то есть, порождает соответствующую ей («новую») психоинформацию, которая далее позволяет скорректировать внешнюю активность. Таким образом, процесс повторяется до получения результата, удовлетворяющего человека. Здесь, конечно, возможны и другие варианты, например, если в случае многократных попыток «исправить» афферентный синтез, результат так и не удовлетворил человека, то он может либо сменить цель, либо отказаться от дальнейшей активности (и это тоже будет одним из вариантов принятием решения).

§6.4. Феномен принятия «неосознанных» решений

Однако, уровень «принятия решения» не всегда бывает осознанным, хорошо известно, что человек иногда не может сам объяснить, как он сделал (или сказал) что-то; часто такая активность может совершаться в виде импульсивных действий, идеосенсомоторной или другой подобной активности.

Для того, чтобы объяснить феномен принятия «неосознанных» решений, следует обратить внимание на то, что эмоциональные переживания и субъективно-эмпирические явления могут проявлять себя не только на уровне психоинформации («потока сознания»), но и на уровне личного бессознательного, как сопутствующие свойства любого сохраненного понятия, причем, субъективно-эмпирические явления здесь также выступают в качестве «разрешающих» или «запрещающих» императивов. Например, достаточно вспомнить, что часто мы по какой-то неосознанной до конца причине не можем совершить то или иное действие (взять хотя бы такой этический феномен как «совесть») или наоборот, совершаем его, не понимая по-

том, как мы могли это сделать. Эти примеры служат косвенным доказательством того, что «императивы» (как и любые другие понятия) могут проявлять себя и на осознанном уровне как психоинформация, и на уровне личного бессознательного.

Стало быть, на уровне личного бессознательного и эмоциональные переживания, и императивы осуществляют свои функции как сопутствующие свойства какого-либо понятия, аналогично тому, как это происходит и на осознанном уровне. Отсюда следует, что при принятии «неосознанных» решений, в случае, например, разрешающих императивов, соответствующее понятие, посредством принципа «синхронистичности», актуализирует адекватную ему нейроинформацию и далее весь процесс формирования функциональной системы развивается в нейросетях по «классической схеме». Кроме того, на этом уровне, в случае необходимости коррекции ошибок формируемой функциональной системы, также «включается» компонент обратной афферентации, который может реализовываться не только средствами самой функциональной системы, но и оперировать содержанием личного бессознательного, используя принцип синхронистичности (или, при необходимости, феномен «психодинамического информационного кольца»).

§6.5. Выводы

Весь процесс достижения цели (получение полезного результата) был описан здесь *в общих чертах* с **большим** акцентом на его понимание, чем на подкрепление научными данными из других источников. Поэтому остановлюсь на отдельных важных моментах теории функциональной системы, призванных подтвердить содержательное наполнение выделенных стадий.

Прежде всего, это вопрос о месте принятия решения в целенаправленном произвольном акте *с участием психических процессов*,

который является для П. К. Анохина важнейшим в понимании процесса «принятия решения». Он отмечает: «Если бы мы только изолировали решение, мы ничего не могли бы сказать о принятии решения. Поэтому предрешение в стадии афферентного синтеза (*т. е. объединения всех афферентов, которые предшествуют решению*) оказалось в высшей степени важным в психической деятельности человека (здесь и далее выделено мной, - Г. П.), более важным для понимания решения, чем само принятие решения, потому что в этой стадии расценивается, сопоставляется опыт, мотивация и обстановка, и все это предопределяет конкретное решение» [Анохин, 1978, с. 395]. Подчеркивая важность объединения всех афферентов... в «психической деятельности» человека, П. К. Анохин, к сожалению, так и не раскрывает, каким образом физиологическая система может использовать «психические афференты» для формирования принятия решения. В то же время, весьма показательным является тот факт, что сам процесс принятия решения на физиологическом уровне описан им понятно и в самых мельчайших подробностях.

Далее, в этом же аспекте, П. К. Анохин пишет, что «...говоря о человеке, мы должны различать эти две фундаментальные проблемы: проблему единства функциональной архитектуры и проблему заполненности этой архитектуры (выделено мной, - Г. П.) ...» [там же, с. 397-398]. Между тем, если проблема единства функциональной архитектуры (ее «изоморфности») в целом понятна и общепринята, то проблема «заполненности этой архитектуры», если и решатся, то только в отдельности для каждого уровня функционирования системы. Проблема их взаимодействия в целостном психологическом акте (поведения) человека так и не была описана. Это, на наш взгляд, вполне объяснимо – психологов интересует только «психологический уровень», а физиологов – «физиологический»;

тем более, что в рамках существующей общенациональной парадигмы найти объяснение взаимодействию этих уровней не представляется возможным.

Как дополнение, отмечу, что формируемая на психологическом уровне функциональная система, по сути, и является той системой «осознанной саморегуляции», которая представлена в описанных выше регуляторных теориях. Однако, там она дана без раскрытия сущности компонента принятия решения во взаимодействии психологического и физиологического уровней и заявленного в этих системах, фактически, по умолчанию.

К примеру, теория «Осознанной саморегуляции деятельности» О. А. Конопкина, по своей структуре (архитектуре), является аналогом «функциональной системы» П. К. Анохина, но уже само ее название ориентирует читателя на то, что эта система функционирует только на осознанном уровне. Вообще, все авторы, использующие архитектуру «функциональной системы» в своих психологических теориях, имплицитно допускают (как догматический акт) осознанность формирования всех ее компонентов, иначе потерялся бы смысл переноса этой архитектоники в психологию. Это же касается и автора концепции «Субъектной регуляции» [Прыгин, 2009].

Итак, проведенный феноменологический анализ психоинформации, позволяет сформулировать следующие общие положения.

Во-первых, *на уровне психоинформации оба сопутствующих свойства присутствуют всегда*, поскольку психоинформация уже в момент ее появления обладает потенциальной возможностью вызывать внешнюю активность. В то же время, на уровне личного бессознательного, сопутствующие свойства (эмоциональные переживания и субъективно-эмпирические явления) появляются у какого-либо ранее сохраненного понятия только в том случае, если оно посредством принципа синхронистичности, вызывает ту или иную

внешнюю активность. Причем такая активность будет, скорее всего, осуществляться в виде импульсивных действий, идеосенсомоторной активности и другой подобной активности (то есть, проявляться как «бессознательная» активность).

Во-вторых, *психоинформация*, совместно с «императивами» и эмоциональными переживаниями, «оценивающими» конечный результат афферентного синтеза, является неким «связующим звеном» между функциональной системой, формирующейся на психологическом уровне (в «потоке сознания» и личного бессознательного) и функциональной системой, формирующейся на физиологическом уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Остановлюсь на наиболее существенных результатах, полученных в процессе феноменологического анализа психических явлений, а также намечу некоторые возможные перспективы будущих исследований (в частности, по поводу организации экспериментальной проверки представленных здесь теоретических положений).

Полагаю, что главным результатом описанного информационного подхода к объяснению природы психических феноменов, основанном на учете качественных характеристик информации, явилось то, что был выявлен и обоснован критерий, позволяющий дифференцировать собственно психические (идеальные) явления и явления квазипсихические (или, в другой терминологии, явления «квазиидеальные», только «кажущиеся» идеальными). Таким критерием явилось понятие «Психодинформации» - как «означенной» (проявленной) информации, представляющей собой качественно новую форму информации, способную оказывать материальное воздействие на нейронные структуры мозга.

Именно введение психодинформации (как явления квазипсихического) позволило сделать парадоксальный вывод о том, что сознание, в отличие от принятого в классической психологии, нельзя отнести к идеальным психическим явлениям. Поскольку в аспекте изложенной здесь методологии *сознание представляет собой перманентный процесс порождения психодинформации*, которая имеет возможность воздействовать на нейронные структуры мозга.

Кроме того, уже при написании заключения возникло сомнение в том, правильно ли обозначать личное бессознательное, как «вторую психическую систему» (как это делал К. Юнг). Возникает вопрос: если, индивидуальное сознание – это «квазипсихический» феномен, то что же тогда является «первой психической системой»? Если быть последовательным, следует признать, что таковой не су-

ществует, вернее, «вторая психическая система», - это не вторая, а первая и единственная! У человека только одна единственная «психическая система» - личное бессознательное, поскольку все остальные психические феномены, которые ранее считались «идеальными», относятся к «квазиидеальным» (квазипсихическим). Однако, исходя из того, что это сомнение высказано в финале работы, оставлю его как перспективу для размышлений на будущее. Поэтому никаких изменений в основной текст здесь вноситься не будет.

Продолжу краткий обзор попыток применения информационного подхода к исследованию психических явлений (в основном сознания). Как следует из содержания книги, такие попытки предпринимались в психологии неоднократно, но, как правило, не приводили к каким-либо реальным результатам, то есть, на основе такого подхода не удавалось решить ни одной, сколько-нибудь существенной философской и/или психологической проблемы (конечно же, здесь имеются ввиду, прежде всего, «психофизиологическая проблема» и «трудная проблема сознания» по Чалмерсу).

Наглядным примером, подтверждающим сказанное, является широко известная теория интегрированной информации (ИТ) Дж. Тонони [Tononi G, 2008]. Рассмотрим ее (кратко), поскольку в данном контексте она интересна, во-первых, тем, что, также построена на учете не только количества, но и качества информации: согласно автору теории, количество сознания представляет собой объём интегрированной информации, которая генерируется комплексом элементов, а качество опыта определяется информационными связями между ними (комплексами элементов). Во-вторых, интегрированная информационная теория тоже построена на феноменологии и использует мысленные эксперименты для утверждения, что сознание - это интегрированная информация. Однако, на этом «сходство» теории Дж. Тонони и изложенной здесь «Информационной теории пси-

хических явлений» заканчивается, так как понимание «качества» информации в обеих теориях принципиально разное.

Кроме этих «общеметодологических» замечаний, ряд недостатков отмечают и представители психофизиологических наук (включая «когнитивистов»), которые считают преувеличенной роль интегрированности, отмечая, что интегрированность информации не является единственным фактором, определяющим сознание. Другие факторы, такие как динамика сети, топология соединений и функциональные связи, также играют важную роль. Они также указывают на недостаточно развитую им теорию нейронных механизмов, полагая, что теория интегрированной информации дает общие принципы, но не объясняет конкретные нейронные механизмы, лежащие в основе сознания. Это снижает её привлекательность для нейробиологов, которые ищут более детализированные объяснения.

Таким образом, при всей популярности ПТ, она не была признана удовлетворительной ни психологами, ни представителями психофизиологических наук, что вполне понятно, поскольку без объяснения осталась все та же «психофизиологическая проблема» (в широком смысле, проблема взаимоотношения «духа» и «материи»).

С моей точки зрения, для решения этой проблемы необходимы (как минимум) два условия: во-первых, определиться с понятием «реальность» (ее структурой и свойствами); во-вторых, признать, что в рамках какой-либо одной научной области сделать это невозможно. Второе условие предполагает симбиоз (но не слияние!) четырех областей науки: философии, квантовой физики, психологии и психофизиологии. Фактически, при разработке «Информационной теории психических явлений» и была предпринята попытка реализовать эти условия.

В этой связи представляют интерес выводы, сделанные Харальдом Атманспахером в его работе «Квантовые подходы к созна-

нию» [Atmanspacher Harald, 2024]. В этой статье он акцентировал внимание на «трехчастной» структуре реальности, отметив, что «Дуалистические подходы Паули-Юнга, Эддингтона-Уилера и Бома-Хейли предлагают трёхчастную картину реальности с психофизически нейтральной областью в дополнение к ментальной и физической (здесь и далее выделено мной, - Г.П.). Это расширение подразумевает дополнительные возможности для концептуально прозрачного понимания психофизических взаимосвязей. Удивительно, но все эти подходы подчёркивают важность концепции смысла для интерпретации взаимосвязей между ментальной, физической и психофизически нейтральной областями реальности. Кроме того, в настоящее время существует огромное количество эмпирически подтверждённых (обычных и исключительных) взаимосвязей между разумом и материей в клинической психологи, психофизиологии и психофизике, которые, в частности, подтверждают гипотезу Паули – Юнга» [Atmanspacher Harald, 2024].

Очевидно, что не надо прилагать особых усилий, для того, чтобы увидеть, насколько близко эти высказывания были реализованы в «Информационной теории психических явлений», где психофизически нейтральной частью (областью) реальности и является *информация, как таковая* (информация, выступающая здесь как некая «всеобщая ткань» реальности). При этом две другие ее части – ментальная и физическая, соответствуют «идеальной информации личного бессознательного» и «нейроинформации». Другой важнейший момент - акцентирование «концепции смысла для интерпретации взаимосвязей между ментальной и физической» частью, был непосредственно реализован благодаря введению в теорию принципа синхронистичности К. Юнга.

Как и любая теория, «Информационная теория психических явлений», при всей сложности поднимаемых проблем, нуждается в

практическом подтверждении. Однако, поскольку одной из центральных ее категорий является феномен «личного бессознательного» (как некоторая целостность), становится понятным, с какими трудностями могут столкнуться исследователи при планировании эксперимента.

Известно, что экспериментальное исследование бессознательных явлений в психологии связано с большими трудностями, поэтому чаще всего они изучаются в трансперсональной психологии (к примеру, пионером в этой области можно считать С. Грофа), но все эти исследования (явно или неявно) предполагают наличие разного рода «измененных состояний сознания». В отечественной научной психологической литературе могу сослаться только на одну достоверную попытку проведения исследований бессознательного, не связанную с подобными состояниями, - это работа В. В. Налимова [Налимов, Дрогалина, 1984].

Напомню, что в этом (успешном, с моей точки зрения) экспериментальном исследовании авторы предприняли попытку построить модель коллективного бессознательного. В результате чего ими был выделен ряд таких его характеристик как: целостность, архаичность, инвариантность к проявлению культуры настоящего, образность, инвариантность пространственно-временных отношений и другие. Но и в этом исследовании можно поставить под сомнение, действительно ли его авторы диагностировали (как ими было заявлено) именно «коллективное бессознательное», поскольку еще К. Юнг писал, что «диагностика коллективного бессознательного - далеко не всегда легкая задача. Вовсе не достаточно указать на часто очевидную архетипическую природу бессознательных продуктов, ибо они с равным успехом могут оказаться производными от того, что приобретено через посредство языка и образования. Необходимо также исключить криптомнезию, что иногда почти невозможно

сделать» [Юнг, 1997(г), с.72]. Полностью разделяя мнение К. Юнга, отмечу, что исследование В.В. Налимова особенно важно, в связи с тем, что нас как раз и интересует больше всего именно личное бессознательное.

Здесь читатель может возразить, что и в классической психологии широко проводятся исследования бессознательных явлений и даже привести множество примеров, как наиболее яркие - это исследования сознания и мышления. Конечно, и сознание, и мышление относятся к бессознательным явлениям, однако (и это было подчеркнуто ранее), в классической психологии они исследуются опосредовано, через «психоинформацию», которую, согласно представленной здесь теории, нельзя относить к идеальным психическим явлениям (к которым, как известно, относится все бессознательное).

К одной из первых попыток теоретически обосновать применение на практике методологии «Неклассической психологии» можно отнести работу Е. В. Михеевой [Михеева, Прыгин, 2023], в которой обсуждаются проблемы «объективации экзистенциальных» явлений, относящихся к сфере бессознательного. Кроме того, формулируются принципы, на которых может быть построен научный инструментарий для подобных исследований, и условия, в которых он может быть реализован.

На основе теоретической оценки «характеристик ведущего уровня деятельности», «теории функциональных систем» и «теории субъектной регуляции», с учетом знаково-символической природы ментальности человека, было показано, что для этой цели оптимальным является использование в качестве «единицы» психологического анализа «полного цикла жизнедеятельности», а не «действия» (как это принято в классической психологии). Подобный подход позволяет проследить весь путь идеи - от замысла до реализации и, что особенно важно, без вмешательства со стороны (экспе-

риментатора), и при этом в динамике.

Там же показано, что такой подход может быть реализован в любой искусственной знаково-символической среде, наполненной нейтральными маркерами объектов, процессов, результатов и других феноменов экзистенциального характера. В процессе интерактивного взаимодействия с этими феноменами человек осознанно или неосознанно воспринимает их как «психологический триггер» скрытых доминант. Реакции на подобные триггеры проявляются в виде некоторой элементарной внешней активности, обозначенной как «идеосенсомоторные действия», являющейся единственным возможным способом, позволяющим «объективировать» идеи (в частности, смыслы, цели), реализующиеся в том или ином экзистенциальном феномене.

Описан способ перевода «идеосенсомоторных» действий (как единственно доступный набор элементарных действий, всегда имеющих конкретный объективный результат) в локальный формат на основе желаемого образа будущего через физический контакт с объектами в процессе взаимодействия испытуемого с искусственной знаково-символической средой. Выдвинуты и обоснованы гипотезы о том, что человек в «потоке случайных событий» вынужден искать опору факту своего существования в своей Самости, проявляя ее через свою субъектность на присущем ему уровне субъектной регуляции. Подлинное проявление субъектности можно обнаружить через выбор испытуемым фокуса внимания, воплощенную цель, овеществленный результат и его последствия.

Следует отметить, что изложенные в этой работе теоретические подходы (и практические выводы из них) были сделаны до разработки «Информационной теории психических явлений». Однако, ряд важных положений информационной теории (прежде всего, изложенные в последней шестой главе), не только подтверждает идеи,

высказанные в статье, но и позволяет более детально планировать подобные экспериментальные исследования.

Теперь несколько замечаний о представленном в приложении Б к этой монографии терминологическом словаре. Его основу составил словарь, взятый из первой монографии «Неклассическая психология». Конечно, здесь он дан в переработанном виде – некоторые понятия исключены из словаря (как не актуальные для содержания этой книги), в то же время добавлены новые понятия, кроме того, дана новая трактовка имеющихся понятий, в связи с их переосмыслением (полагаю, что переосмысление ранее введенных понятий, – это естественный творческий процесс их развития).

В ряде случаев, при формулировке тех или иных понятий, приводятся ссылки на «Толковый словарь по аналитической психологии» В. В. Зеленского, при этом, цитаты, взятые в кавычки, относятся непосредственно к работам К. Юнга (указанным в библиографии словаря В. В. Зеленского).

Также впервые в приложении А представлен рисунок, отражающий авторское *видение* возможного взаимоотношения основных выделенных реальностей.

В завершение этого труда хочу привести цитату М. Полани, поскольку мое собственное отношение к проделанной работе хорошо отражает цитата из его книги «Личностное знание», где он, как автор, не только дал очень точную оценку научного аспекта проделанной им работы, но и выразил свое эмоциональное отношение к ней.

«Личностное знание, – писал Полани, – это интеллектуальная самоотдача, поэтому в его претензии на истинность имеется определенная доля риска. Объективное знание такого рода может содержать лишь утверждения, для которых не исключена возможность оказаться ложными. Все утверждения, которые вы найдете в этой

книге, - это мои личные свершения, плоды моей интеллектуальной самоотдачи. Они претендуют на это, и только на это.

На протяжении всей книги я старался сделать это очевидным. Я показал, что в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности и эта добавка - не свидетельство несовершенства, но наущно необходимый элемент знания. Вокруг этого центрального факта я попытался создать систему согласованных взглядов, которых я искренне придерживаюсь и для которых не вижу никаких приемлемых альтернатив. Но, в конечном счете, эти убеждения поддерживаются лишь моей собственной к ним приверженностью, и это - то единственное их основание, которое я могу предложить читателю» [М. Полани, 1985, с. 20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акопов, Г. В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований / Г. В. Акопов. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 272 с.

Аллахвердов, В. М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психология, т.1) / В. М. Аллахвердов. – СПб.: «Издательство ДНК», 2000. – 528 с.

Александров И.О. Формирование структуры индивидуального знания - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. - 560 с.

Анохин, П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы / П. К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 399 с.

Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания / ж-ж ВНД, 2021, том 71, № 1, с. 39–71

Атом и архетип. Переписка Паули и Юнга, 1932-1958 / Под редакцией К. А. Мейера. М.: Клуб Касталия. 2018. – 438 с.

Бехтерев В.М. Сознание и его границы. – Казань: Типография Императорского университета, 1888. – 31 с.

Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация: Пер. с англ. / Под ред. и с послесл. И. В. Кузнецова. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: Ком Книга, 2006 - 272 с.

Васильев, В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев. - М.: Прогресс-Традиция, 2009. - 272 с.

Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов / Под общ. ред. А. В. Либина. - М.: Смысл, 1998. - 679 с.

Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В. В. Давыдова. - М.: Педагогика, 1982. - 504 с.

Грин, Б. Скрытая реальность: параллельные миры и глубинные законы космоса. Пер. с англ. Под ред. О.В. Малышенко / Б. Грин. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. -300 с.

Декарт, Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт. Избранные произведения / АН СССР: Институт Философии, Государственное издво политической литературы, 1950. – 701 с.

Деннет, Д. К. ВИДЫ ПСИХИКИ: На пути к пониманию сознания / Перевод с англ. А. Веретенникова // Под общ. ред. П. Б. Макеевой. - М, Идея-Пресс, 2004. -184 с.

Джеймс У. Научные основы психологии. Пер. с англ. / Под ред. Л.Е. Оболенского. - С.-Петербург: С.-Петербургская электропечатня, 1902. - 369с.

Доронин, С. И. Квантовая магия / С. И. Доронин. – СПб. : ИГ «Весь», 2009. – 336 с.

Дубровский, Д. И. Проблема сознания: опыт обзора основных вопросов и теоретических трудностей. / Д. И. Дубровский. 2007. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001040/st000.shtml>

Зеленский В.В. Толковый словарь по аналитической психологии (с английскими и немецкими эквивалентами). изд. 3-е, испр. и доп. М.: «когито-Центр», 2008. - 336 с.

Зеньковский В. В. Проблема психической причинности. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1914. - 435с.

Зинченко, В. П. Научно-философские диалоги / В. П. Зинченко, В. А. Подорога // Материалы научно-практической конференции «Междисциплинарные проблемы психологии телесности», МосГУ, Знание. Понимание. Умение, 2005, №1, - с. 34-43. URL: [ht tps://elibrary.ru/download/elibrary_9989461_49734475.pdf](http://elibrary.ru/download/elibrary_9989461_49734475.pdf)

Зинченко, В. П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии / В. П. Зинченко. 2006. Т.1. - Вып. 1. - С. 207-231.

Знаков В. В. Возможностное мышление: Психология понима-

ния прошлого и будущего. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025. – 295 с.

Иванов, Д. В. Природа феноменального сознания / Д. В. Иванов. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. - 240 с.

Изард К. Э. Психология эмоций / Перев. с англ. – СПб: Издательство «Питер», 1999. – 464 с.

Ильенков, Э. В. Проблема идеального / Э. В. Ильенков // Психологические исследования. 2019. Т. 12, № 65-66, С. 1. URL: [ht tp://psystudy.ru](http://psystudy.ru)

Леонтьев А. Н. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. СОЗНАНИЕ. ЛИЧНОСТЬ. М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. Т. 1/ Под ред. И. С. Нарского. - М.: Мысль, 1985. - 623 с.

Лопатин Л. М. Положительные задачи философии / Область умозрительных вопросов, ч. I. - М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К⁰, Пименовская ул. 1911. - 435 с.

Лопатин Л. М. Аксиомы философии. Избранные статьи. - М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1996. -560 с.

Мазилов, В. А. Предмет психологии: монография / В. А. Мазилов. - Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. - 175 с.

Менский, М. Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания - из квантовой реальности) / М. Б. Менский. [Авторизованный пер. с англ. В. М. Ваксмана] - Фрязино: Век2, 2011. - 320 с.

Миллер, Дж., Галантер, Е., Прибрам, К. Планы и структура поведения / Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам // пер. с англ. О. Виноградовой, Е. Хомской. – М. : Изд-во «Прогресс», 1965. – 237 с.

Михеева Е. В., Прыгин Г. С. Теоретическое моделирование инструмента исследования субъектности в ситуации неопределенности // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4 (133). С. 116-128.

ht tp://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_4_133_116; ht tps://elibrary.ru/SSBDQH

Нагель Т. Каково быть летучей мышью? (2003). / Режим доступа: ht [tps://royallib.com/book/nagel_tomas/kakovo_bit_letuchey_mishy_u.html](https://royallib.com/book/nagel_tomas/kakovo_bit_letuchey_mishy_u.html)

Налимов, В. В. Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное, как проявление семантической вселенной / В. В. Налимов, Ж. А. Дрогалина. // «Психологический журнал». - 1984, т. 5. - № 6. - С. 111-122.

Пенфилд, У. Мозг. Тайны разума / У. Пенфилд; пер. с англ. С. Ан. – Москва: АСТ, 2019. – 256 с.

Петровский, В. А. Психофизическая проблема: «кто» видит мир? (эскиз концепции взаимоопосредования) / В. А. Петровский. // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1, с. 58-83.

Полани, М. Личное знание: На пути к посткритич. философии. Пер. с англ. / М. Полани; Общ. ред. В. А. Лекторского, В. И. Аршинова; Предисл. В.А. Лекторского. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.

Прибрам, К. Языки мозга. Экспериментальные исследования и принципы нейропсихологии / К. Прибрам. – М.: Изд-во «Прогресс», 1975. – 464 с.

Прыгин, Г. С. Психология самостоятельности / Г. С. Прыгин. - Ижевск, Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2009. – 304 с.

Прыгин, Г. С. Неклассическая психология: психология субъектной реальности: монография / Г. С. Прыгин. – Наб. Челны: Изд-во НГПУ, 2018. – 268 с.

Прыгин, Г. С. Субъект и его реальность. Монография / Г. С. Прыгин. – г. Казань: Изд-во «Отечество», 2023. – 211 с.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М.: Государственное изд-во НАРКОМПРОСА РСФСР, 1940. – 596 с.

Серегин В. Я. Психофизиологические механизмы осознания: гипотеза самоотождествления. Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 1998. 48 (3): 558–571.

Сёрл, Дж. Открывая сознание заново / Дж. Сёрл. - М.: Идея-Пресс, 2002. - 256 с.

Смит Н. Современные системы психологии. / Пер. с англ. под общ. ред. А. А. Алексеева - СПб.: ПРАЙМ ЕВРОЗНАК, 2003. - 384 с. (Серия «Психологическая энциклопедия»)

Степанский, В. И. Психоинформация. Теория. Эксперимент / В. И. Степанский. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 136 с.

Тиллих Пауль. Избранное: Теология культуры.: Пер. с англ. – М.: Юрист, 1995. 479 с.

Философский словарь. Дата обращения, 2025. Код доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/

Франк, С. Л. Реальность и человек / Сост. П. В. Алексеев; Прим. Р. К. Медведевой. / С.Л. Франк. - М.: Республика, 1997. - 479 с.

Фрит, К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / КРИС ФРИТ; пер. с англ. П. ПЕТРОВА. - М: Астрель : CORPUS, 2010. — 335 с.

Фок, В. А., Эйнштейн, А. и др. Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным? / В. А. Фок, А. Эйнштейн, Б. Подольский и Н. Розен, Н. Бор // Успехи физических наук. – 1936. - т. XVI. - вып. 4. – С. 436-457.

Хаксли, Олдос. Вечная философия / Олдос Хаксли; [пер. с англ. Е. Сыромятниковой, Н. Сидемон-Эристави]. – Москва: Издательство ACT, 2018. – 480 с.

Хант, Г. Т. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения / Г.Т. Хант; Пер. с англ.

А. Киселева. - М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. - 555 с.

Хокинг, С. и др. Большое, малое и человеческий разум / Роджер Пенроуз, Абнер Шимони, Нэнси Картрайт, Стивен Хокинг; [пер. с англ. А. Хачояна под ред. Ю. Данилова]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. – 191 с.

Хромов Л. И. Теория информации и теория познания. СПб., Изд. Русского философского общества, 2006. - 200 с.

Чалмерс, Д. Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.

Шадриков, В. Д., Мазилов, В. А. Общая психология: учебник для академического бакалавриата / В. Д. Шадриков, В. А. Мазилов; под ред. В. Д. Шадрикова. – М.: Издательство Юрайт, 2015. - 420 с.

Швырков В. Б. Психофизиологическое изучение структуры субъективного отражения // Психол. журн. 1985. Т.6. № 3. С.22-37

Швырков В. Б. Ведение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. - М.: Изд-во «ИП РАН», 1995 г. -162 с.

Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. Ленинград: Наука. 1969 г. – 389 с.

Шредингер, Э. Материя и разум» / Э. Шредингер. – Ижевск, 2000. – 38 с.

Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994, - 336 с.

Юнг, К. Г. Синхронистичность. Сборник. Пер. с англ., М. "Рефл-бук", К.: "Ваклер", 1997(е). -320 с.

Юнг К. Г. Сознание и бессознательное: Сборник / Пер. с англ. – СПб.: Университетская книга, 1997(г). – 544 с.

Юнг, К. Г. Аналитическая психология: теория и практика : Та- вистокские лекции / Карл Густав Юнг ; [пер. с нем. Валерия Зеленского]. - Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. - 236 с.

Юнг, К. Г. Об энергетике души / К. Г. Юнг. Пер. с нем. В.М. Бакусева. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2013. – 280 с.

Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. 2-е изд. / Пер. с англ. — СПб.: Питер, 2010. - 334 с.

Ярошевский М. Г. Психофизическая проблема // Психология. Словарь / Под. Общ. Ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.; Политиздат, 1990. - 328-329 с.

Adriaans, Pieter, "Information", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2024 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = [ht tps://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/information/](https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/information/)

Atmanspacher, Harald, "Quantum Approaches to Consciousness", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2024 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = [ht tps://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/qt-consciousness/](https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/qt-consciousness/)

Balduzzi D, Tononi G (2009) Qualia: The Geometry of Integrated Information. PLoS Comput Biol 5(8): e1000462. [ht tps://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1000462](https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1000462)

Bub, Jeffrey, "Quantum Entanglement and Information", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = [ht tps://plato.stanford.edu/archives/sum2023/entries/qt-entangle/](https://plato.stanford.edu/archives/sum2023/entries/qt-entangle/)

Dennett, D. C. 1990. “Quining qualia”. In *Mind and Cognition*, W. Lycan, ed., Oxford : Blackwell, 519-548. Режим доступа: [ht tps://web.archive.org/web/20101128072232/ht tp://ase.tufts.edu/cogstud/papers/quinqual.htm#5](https://web.archive.org/web/20101128072232/https://ase.tufts.edu/cogstud/papers/quinqual.htm#5)

Landauer, R. “Irreversibility and heat generation in the computing process,” *IBM J. Res. Dev.* 5 (3), 183 –191 (1961). [ht tps://doi.org/10.1147/rd.53.0183](https://doi.org/10.1147/rd.53.0183)

Melvin M. Vopson, S. Lepadatu. Second law of information dynam-

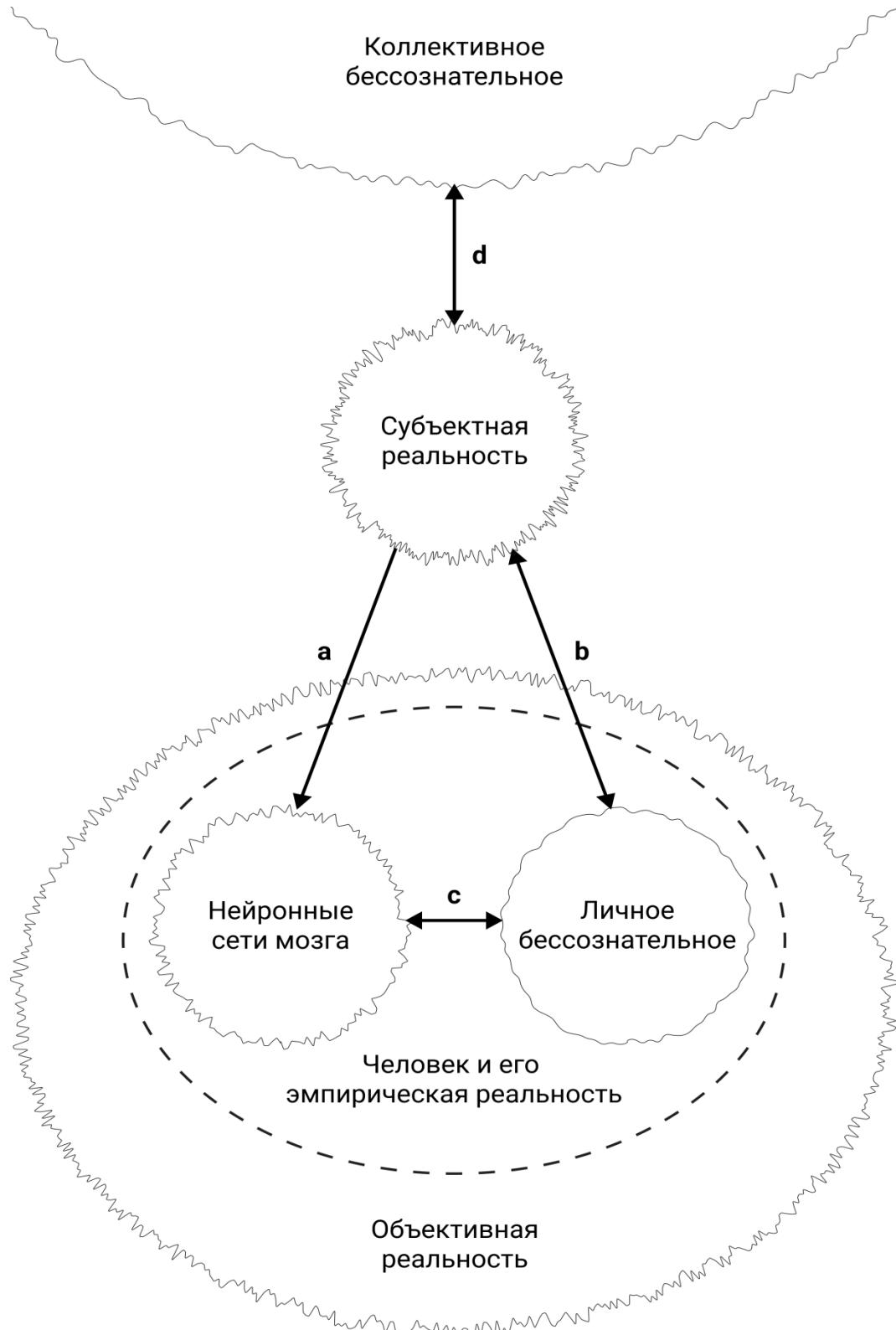
ics. Special Collection: Biophysics and Bioengineering. – 2022. Ссылка доступа: [ht tps://pubs.aip.org/aip/adv/article/12/7/075310/2819368/Second-law-of-information-dynamics](https://pubs.aip.org/aip/adv/article/12/7/075310/2819368/Second-law-of-information-dynamics)

Van Gulick, Robert, "Consciousness", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2025 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), forthcoming URL = [ht tps://plato.stanford.edu/archives/spr2025/en tries/consciousness/](https://plato.stanford.edu/archives/spr2025/en_tries/consciousness/)

Tononi G. Consciousness as integrated information: a provisional manifesto. Biol. Bull. 2008. 215 (3).

Tye M. Qualia. Код доступа: [ht tps://plato.stanford.edu/archives/win2006/entries/qualia/](https://plato.stanford.edu/archives/win2006/entries/qualia/)

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Универсум . Квантовая реальность . Предельная реальность

Рисунок 1. Возможные взаимоотношения основных видов реальностей (авторское видение).

На рисунке отражены возможные взаимоотношения основных выделенных реальностей: «Универсума» (синонимы – «квантовая» или «предельная» реальности), «коллективного бессознательного», «личного бессознательного», «эмпирической реальности».

Пространство чистого листа условно обозначает бесконечность Универсума (Квантовой реальности, Предельной реальности). Коллективное бессознательное, личное бессознательное и эмпирическая реальность представляют части Универсума. Размытость краев «коллективного бессознательного», «личного бессознательного», «объективной реальности» подчеркивает их неопределенную размерность.

Стрелками обозначены связи между реальностями:

a – Обозначает процесс трансцендирования «я» (как часть сущности) из субъектной реальности в объективную реальность, в результате которого рождается личность.

b – Отображает взаимосвязь личного бессознательного и субъектной реальности.

c – Показывает взаимосвязь личного бессознательного и нейроинформации (нейронные сети мозга), иллюстрируя принцип синхронистичности.

d – Обозначает процесс трансцендирования «я» (как часть сущности) из субъектной реальности в коллективное бессознательное и предельную реальность.

В объективной реальности пунктиром выделена та ее часть, которую личность, рождаясь в объективной реальности, познает и преобразует в эмпирическую реальность.

Примечание: более подробное описание дается по тексту книги.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП (участия), в широком смысле означает, что вселенная может существовать только в том случае, если в ней будут присутствовать разумные наблюдатели. В узком понимании антропный принцип означает, что возможность появления человека во вселенной обусловлена набором характерных для него фундаментальных констант. Широкое и узкое понимание антропного принципа, часто обозначают как, соответственно, «сильный» и «слабый» (антропный принцип).

АРХЕТИП (по К. Юнгу) - буквально - «предсуществующие формы». Под архетипом понимаются также бессознательные образы самих инстинктов или, иначе говоря, модели (patterns) инстинктивного поведения. Понятие архетипа необходимым образом связано с идеей коллективного бессознательного, указывает на существование в душе определенных форм, присутствующих всегда и везде («предсуществующих форм»).

Архетип имеет такое же отношение к психическому, как инстинкт к телесному. Архетип - регулятор психической жизни. Подобно тому, как инстинкты постулируются путем наблюдения за единообразием в биологическом поведении любой особи данного вида, архетипы вырисовываются в результате наблюдения за единообразием психических явлений. В некотором смысле архетипы есть психические инстинкты человеческого рода. Разумеется, инстинкты и архетипы тесно связаны между собой, и эта связь в общем виде может рассматриваться как взаимодействие разума и тела. Архетип древнее, нежели культура, так что он не передается традицией, миграцией или речью. Архетип - априорная форма психики и возника-

ет (запускается) спонтанным образом повсеместно [Зеленский, 2008].

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ (по К. Юнгу) - целокупность всех психических явлений, не обладающих свойством сознательности, не относящихся к сознанию. К. Юнг писал, что понятие бессознательного есть для него понятие исключительно психологическое, а не философское, в смысле метафизическом. Бессознательное, есть предельное психологическое понятие, покрывающее все те психические содержания или процессы, которые не осознаются, т. е. которые не отнесены воспринимаемым образом к нашему эго. Право говорить вообще о существовании бессознательных процессов извлекается исключительно и единственно из опыта. Вопрос о том, в каком состоянии находится бессознательное содержание, пока оно не присоединено к сознанию, - не поддается никакому познавательному разрешению. Поэтому совершенно излишне делать какие бы то ни было предположения на этот счет.

Мы знаем также из опыта, что существуют бессознательные психические сочетания, например, мифологические образы, которые никогда не были предметом сознания и, следовательно, возникают всецело из бессознательной деятельности. В этих пределах опыт дает нам основание для признания существования бессознательных содержаний. Но опыт ничего не может поведать нам о том, чем может быть бессознательное содержание. Подобно тому, как сознательные содержания участвуют в определенной деятельности, так участвуют в ней и бессознательные содержания, как показывает нам опыт. Как из сознательной психической деятельности возникают известные результаты или продукты, точно так же создаются продукты и в бессознательной деятельности, например, сновидения и фантазии.

К. Юнг полагал бессознательное творческим по природе и считал, что оно представляет сознанию содержания, потребные для психического здоровья своего носителя. Однако, из этого не следует, что оно может претендовать на верховную роль в отношении сознания и ему следует слепо доверять [Зеленский, 2008].

Известно, что К. Юнг выделяет в бессознательном личный и коллективный аспекты. В контексте содержания книги можно отметить, что бессознательное – это, безусловно, идеальный психический феномен.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КОЛЛЕКТИВНОЕ (по К. Юнгу) состоит из мифологических мотивов или изначальных образов, и потому мифы всех народов являются собой его подлинные образцы. Фактически, мифологию в целом можно было бы считать своего рода проекцией коллективного бессознательного. Коллективное бессознательное есть та часть души (*psyche*), которая, в отличие от личного бессознательного, не обязана своим существованием личному опыту и, следовательно, не является личным приобретением. Содержания коллективного бессознательного никогда не находились в сознании и, таким образом, никогда не приобретались индивидуально. Содержание коллективного бессознательного составляют, по существу, архетипы.

Согласно методологии «Неклассической психологии» [Прыгин, 2018], «*Коллективное бессознательное*» является частью более глубокой и фундаментальной реальности, которую, в зависимости от точки зрения, можно обозначить как: «Универсум», «Нелокальная (квантовая) реальность», «Предельная реальность» (понятия описанные ниже).

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ЛИЧНОЕ – см. Личное бессознательное

ВСЕЛЕННАЯ - все то, что существует для человека в виде объективной реальности (в контексте содержания книги – см. понятие «Реальность объективная»). С моей точки зрения, для понимания существа вселенной большое значение имеет принятие «сильного» антропного принципа. Замечу, что в тексте книги «вселенная» пишется не с заглавной буквы, поскольку согласно многочисленным космологическим теориям (в частности, см. Грин, 2013), не считаю «феномен вселенной» единичным.

ДЕКОГЕРЕНЦИЯ – (в квантовой физике) физический процесс, который сопровождается уменьшением квантовой запутанности (потерей когерентности квантовых суперпозиций) в результате взаимодействия системы с окружением. *Декогеренция сопровождается появлением у системы классических черт, соответствующих информации, записанной в окружении.* Этот процесс можно описать как образование квантовых корреляций (или запутывание) между системой и ее окружением, возникающих при их взаимодействии. В этом смысле декогеренция и квантовое измерение тождественны. Декогеренция, обусловленная взаимодействием квантовой системы с ее окружением, разрушает квантовые эффекты, превращая их в классические.

В контексте содержания книги, декогеренция используется для объяснения феномена сознания. Полагается, что *процесс осознания информации личного бессознательного подобен процессу декогеренции*, когда информация, в виде некоторого понятия, переходит из нелокального (бессознательного) состояния в состояние локальное – сознательное (сопровождаясь появлением психоинформации).

Другими словами, с позиции квантовой физики, *момент осознания, - появления психоинформации*, можно уподобить появлению в объективной реальности в результате декогеренции элементарной частицы из «ничего», из нелокальной квантовой реальности. Поэтому *момент осознания можно определить, как момент приобретения идеальной информацией личного бессознательного локальности.*

ДУХОВНЫЕ ЯВЛЕНИЯ – это переживания и душевные движения как бы живущие в нас, возникающие изнутри из глубин нашего «Я»; для нас они представляют содержание той своеобразной, самораскрывающейся реальности (субъектной реальности), которую мы называем своим «Я». Эти переживания направлены на активное познание этой сущей для нас реальности. Сфера субъектной реальности образует то, что часто называют «духовной жизнью» и, в отличие от «душевной жизни», духовная жизнь человека непосредственно доступна только ему одному, ибо она и есть содержание его «Я», его самости. Она не может быть извне объективно наблюдаема. Однако, как отмечает С. Л. Франк, различия между понятиями «духовная» и «душевная» жизнь относительны. Одно и то же переживание может иногда носить и духовный, и душевный характер; все зависит от того, какой пласт (слой) внутренней жизни человека оно затрагивает.

ДУШЕВНЫЕ ЯВЛЕНИЯ – то, что обычно мы называем явлениями «душевной жизни»; то, что не дано нам в ощущениях в составе пространственной картины бытия, но составляет неотъемлемую часть этого бытия. Это те переживания и душевые движения, которые направлены на активное познание внешней объективной реальности. С. Л. Франк пишет: «Материальные и душевые явления - по крайней мере, в некоторых частях бытия неразрывно между

собой сплетенные - совместно и с равным правом входят в состав «эмпирической реальности», того, что подлинно есть, т. е. что предстоит нашему умственному взору как окружающая нас ... «внешняя» реальность».

ДУША – (см. понятия Самость, Самосознание).

ЗАКОН ИНФОРМАЦИОННОЙ ПСИХОДИНАМИКИ - любой психический феномен, проявившись в виде психоинформации, обладает возможностью воздействовать на материальные структуры живого организма (нейронные сети мозга).

Закон сформулирован на основе понятия «Психодинамического информационного кольца» и позволяет установить достаточно четкий критерий дифференцирования собственно идеальных психических явлений и явлений «квазипсихических», обладающих возможностью воздействия на нейросети мозга.

ЗАПУТАННЫЕ (КВАНТОВО-КОРРЕЛИРОВАННЫЕ) СОСТОЯНИЯ - форма корреляций составных систем, не имеющая классического аналога. Запутанное состояние – это состояние составной системы, которая не может быть разделена на отдельные, полностью самостоятельные и независимые части, то есть, - это несепарабельное (неразделимое) состояние. Запутанные состояния могут возникать в системе, части которой взаимодействовали, а затем система распалась на не взаимодействующие друг с другом подсистемы. Для таких систем флюктуации отдельных частей взаимосвязаны посредством нелокальных квантовых корреляций, когда изменение одной части системы в тот же самый момент времени оказывается на остальных ее частях (даже разделенных в пространстве на бесконечно большие расстояния).

Пример запутанного состояния – общеизвестный физический феномен ЭПР (Эйнштейна - Подольского - Розена), согласно которому частицы, однажды взаимодействовавшие друг с другом, сохраняют корреляцию даже на больших расстояниях, что противоречит классической физике и интуитивному представлению о локальности и реальности физических свойств объектов. Этот феномен показывает фундаментальные различия между квантовой механикой и классическими представлениями о природе материи.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ (сионим понятия «сознание») - в контексте содержания книги определяется *как перманентный процесс порождения психоинформации, протекающей между личным бессознательным и нейронными сетями мозга, который может сопровождаться широким спектром эмоциональных переживаний личности.*

ИМПЕРАТИВЫ - субъективно-эмпирические явления (описаны ниже) - *разрешающие или запрещающие интегральной психоинформации актуализировать соответствующую ей нейроинформацию*. Выделены два вида императивов: разрешающие и запрещающие, которые определяют итог (финал) «принятия решения об активности» по завершению афферентного синтеза (на психологическом уровне). Императивы, осуществляя свою функцию сопутствующего свойства какого-либо понятия, могут проявлять себя не только на уровне индивидуального сознания (в виде психоинформации), но и на уровне личного бессознательного (оставаясь, при этом, явлением идеальным).

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПСИХОИНФОРМАЦИЯ – это интегральное «означеннное» понятие, отражающее главный (основной) смысл сформированной (и/или, возможно, высказанной) мысли.

ИНФОРМАЦИЯ – (в широком смысле слова) обозначение содержания, полученного нами из внешнего мира в процессе приспособления к нему. Информация - это характеристика объекта. Информация – это отрицательная энтропия (то, что снижает неопределенность наших знаний). Отмечу, ввиду того, что понятие «*Информация*» приобрело большее значение не только в естественных, но и в гуманитарных, социальных, экономических областях науки, точная, общенаучная дефиниция информации не существует.

К основным аспектам феноменологии информации можно отнести такие как: *опыт восприятия информации* (то есть, как человек воспринимает и интерпретирует информацию); *субъективность* (учет субъективных аспектов восприятия информации); *интенциональность и смысл* (в этом аспекте подчеркивается ее направленность на определенный объект и обретение смысла в контексте человеческого опыта).

КВАЛИА - синоним «ореол» (в контексте содержания книги). Общепризнанное определение квалиа отсутствует, поэтому здесь излагается авторская точка зрения (без отсылки к восприятию цвета, запаха и пр., что чаще всего обсуждается в классической психологии). В наиболее широком смысле можно дать следующее определение: ореол, квалиа, – это *невыразимые эмоциональные состояния переживаний личности*.

У. Джеймс подчеркивал, что в человеческой речи нет синтаксической формы или даже интонации голоса, которые бы не выражали того или другого оттенка в отношениях, которые в каждое мгновение человек чувствует существующими между крупными

объектами (понятиями, - Г. П.) его мышления. Именно этот «оттенок в отношениях», вслед за У. Джеймсом, здесь обозначает квалиа или «ореол».

В содержательном аспекте, в индивидуальном сознании «квалиа» («ореол») помогает сформировать (актуализировать) психоинформацию. По мере осознания, формирования понятия (знака) ореол «исчезает», а остается только актуальная психоинформация, которая способна активировать соответствующие ей нейросети. Таким образом, *никакой ореол (или квалиа) не может отражаться в нейросетях, поскольку он имеет своим локусом личное бессознательное* (все, что невыразимо в понятиях, а значит неосознанно, относится к идеальным явлениям). В этом смысле можно условно говорить о том, что психоинформация - «объективна», а квалиа - «субъективно».

КВАНТОВАЯ СИСТЕМА - это словосочетание указывает не на размер системы (микроуровень), а на *способ описания*: на то, что система описывается методами квантовой теории в терминах состояний [Доронин, 2009].

КВАНТОВАЯ ТЕОРИЯ - это описание любой системы в терминах состояний, независимо от того, велика система или мала. Такое описание является на данный момент наиболее полным из всех других известных описаний физической реальности, поэтому выводы, полученные квантовой теорией, имеют фундаментальное значение и формируют современную концепцию естествознания в целом [Доронин, 2009].

ЛИЧНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ – понимается здесь (вслед за К. Юнгом), как «вторая психическая система» человека, содержа-

ние которой составляет весь опыт и знания человека, приобретенные им в процессе онтогенеза. В контексте излагаемой методологии, это содержание обозначено как «идеальная информация личного бессознательного».

В отличие от коллективного бессознательного, личное бессознательное, во-первых, относится непосредственно к самой личности и, во-вторых, существенно меньше (по объему информации), так как принадлежит одному конкретному человеку.

ЛИЧНОСТЬ - это способ проявления «я» (как части самости, души) в социуме. Другими словами, личность представляет «я» в эмпирической реальности. Необходимо подчеркнуть особо, что, рождаясь в объективной реальности и развиваясь, личность познает и преобразует ее в эмпирическую реальность.

Стало быть, «личность» - это, прежде всего, носитель эмпирической реальности и она вторична по отношению к «я». Личность – это временной параметр «я». Образно выражаясь, личностьдается нам для того, чтобы человек мог проявить себя в объективной реальности, прочувствовать «протяженность» своей жизни (возможно, и учесть ее ограниченность), в то время как «я» существует всегда.

Личность, как временное и пространственное образование, в терминах квантовой теории запутанности можно понимать, как локальное состояние «я». «Я», как часть самости (души), посредством декогеренции локализуется в пространстве и времени (объективной реальности) через личность и этот процесс сопровождается формированием у нее (личности) личностных черт, соответствующих той информации, которая «записана» в данном ей социальном окружении (то, что в классической психологии обычно понимается под онтогенезом личности, включающим и процесс ее социализации). Стало быть, с точки зрения теории квантовой информации, личность и социум представляют собой запутанную систему.

МЕРА КВАНТОВОЙ ЗАПУТАННОСТИ - количественная характеристика квантовой запутанности, которая может изменяться от минимума (0) до максимума (1). Причем, квантовую запутанность физики считают обычной физической величиной, подобной другими физическими величинами, такими, как энергия, масса и пр. Кроме того, мера квантовой запутанности прямо связана с *информацией*, которая содержится в системе.

МЫСЛЬ («МЫСЛЕТВОРЧЕСТВО») - это процесс формирования интегральной психоинформации.

Ряд связанных между собой понятий (психоинформаций) можно обозначить как появление мысли. Любая мысль всегда состоит из ряда уже знакомых человеку понятий, каждое из которых, само по себе, является психоинфекцией.

Однако, любая мысль - это не «сумма нескольких осознанных понятий», она несет в себе нечто большее, некое, только ей присущее, интегральное понятие, то, ради чего она была сформирована (и, возможно, высказана); именно это интегральное «означенное» понятие и является той психоинфекцией, к которой следует относить сопутствующие составляющие - «эмоциональные переживания» и «субъективно-эмпирические явления» и, которые, в конечном итоге, при определённых обстоятельствах, могут повлечь за собой внешнюю активность человека.

НЕЙРОИНФОРМАЦИЯ – это информация сохраненная («запечатленная») в нейронных сетях мозга. Функция нейроинформации – это реализация внешней активности человека через актуализацию соответствующей ей нейросети. Нейроинформация посредством принципа «синхронистичности» системно связана (взаимодейству-

ет) с соответствующей ей идеальной информацией личного бессознательного.

НЕЙРОННЫЕ СЕТИ – (в контексте содержания книги также употребляется краткая форма названия - «нейросети», иногда «нейросети мозга», для отличия от «нейросетей ИИ») - понимаются как ансамбли (и/или конstellации) нейронов, взаимодействующие при обработке информации и выполнении когнитивных функций. При этом *ансамбли* нейронов считаются более устойчивыми и избирательными, а конstellации - более динамичными и временными. (Отмечу, что используемый в содержании книги термин «нейросеть», заимствован из работы К. В. Анохина [Анохин, 2021]).

НЕЛОКАЛЬНОСТЬ - термин, подчеркивающий мгновенную внепространственную связь запутанных состояний, когда одна частица или часть системы немедленно откликается на изменения с другой частицей или подсистемой вне зависимости от расстояния между ними [Доронин, 2009].

НЕЛОКАЛЬНЫЙ КВАНТОВЫЙ ИСТОЧНИК РЕАЛЬНОСТИ - (см.) реальность квантовая.

НОМИНАЛИЗАЦИЯ – слова, не обозначающие конкретный объект, и поэтому смысл их часто субъективен и может трактоваться по-разному (например, любовь, вера, счастье и пр.).

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ХОЛИЗМ - понимание мира как целого, а все феномены и объекты, выделяемые человеком (в том числе, и он сам) наполняются смыслом только как части этого целого. К

онтологическому холизму, в частности, можно отнести и концепцию реальности С.Л. Франка.

ПРЕДСУЩЕСТВУЮЩИЕ ФОРМЫ - (см.) архетипы.

ПРЕДЕЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ – (см.) реальность предельная.

ПСИХИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ (идеальные по своей сути) – это вся совокупность бессознательного, включающая также личное бессознательное, коллективное бессознательное и субъектную реальность.

ПСИХОИНФОРМАЦИЯ – это «означенная», проинтерпретированная (проявленная в индивидуальном сознании в виде понятий) информация. Психодинформация представляет собой качественно новую форму информации, способную оказывать материальное воздействие на нейронные структуры мозга, поэтому, она не должна рассматриваться как явление идеальное. Такое «означивание» может быть осуществлено с помощью *любой семиотической (знаковой) системы*, например, языка, жестов, эмоций и пр., то есть, тогда, когда эта система позволяет придать какое-либо значение проявленной информации.

Содержанием психоинформации всегда является опыт (накопленные знания) человека, которые одновременно сохраняется и в его нейросетях (как нейроинформация), и в личном бессознательном (как идеальная информация).

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИЧИННОСТЬ – понятие, не имеющее аналога в классической психологии. Согласно методоло-

гии «Неклассической психологии», понятие «психологической причинности» непосредственно связано (смысловым образом) с понятием «синхронистичности». В связи с этим, можно полагать, что «синхронистичность» и «психологическая причинность» являются, если и не тождественными, то, по крайней мере, подобными феноменами (возможно, имеющими одинаковую - информационную природу).

ПСИХОДИНАМИЧЕСКОЕ КОЛЬЦО – понятие, отсутствующее в классической психологии. В контексте представленной теории психодинамическое информационное кольцо можно определить, как *зацикливание информации в контуре: «нейроинформация → идеальная информация личного бессознательного → психоинформация → нейроинформация → идеальная информация личного бессознательного → психоинформация → и т.д.»* (поскольку это кольцо, «начинать» последовательность можно с любого компонента).

Описанное «кольцо», в основе которого лежит феномен синхронистичности, позволяет понять основной принцип «смены качества информации при взаимодействии разных уровней ее хранения.

РЕАЛЬНОСТЬ КВАНТОВАЯ - (синонимы: «нелокальный квантовый источник реальности», «нелокальная реальность», «не-проявленная реальность») - это мир, в котором вообще нет никакой массы и потоков энергии. Это пустота, которая, тем не менее, содержит в себе всю полноту классических (тварных) энергий в нелокальной суперпозиции. Все тварные энергии (в том числе на тонких уровнях) как бы компенсируют друг друга и в своей совокупности образуют Всеобъемлющую Пустоту (современное понятие «вакуум»).

ма»). Пустота лишь в том смысле, что этот мир невидим в своей целостности. [Доронин, 2009].

РЕАЛЬНОСТЬ ОБЪЕКТИВНАЯ - состоит из отдельных конкретных объектов, физических явлений и «формы», проявляющей «идеальные» элементы бытия. В целом, - это наблюдаемая вселенная, в которой, собственно, и рождается человек, развиваясь затем как личность. В терминах квантовой физики объективная реальность может быть обозначена как локальная «проявленная» реальность.

РЕАЛЬНОСТЬ ПРЕДЕЛЬНАЯ - понятие «Предельная реальность» используется преимущественно в восточной религиозной и философской мысли и относится к высшему уровню существования, являющемуся конечной целью духовного познания. В концепции С.Л. Франка предельная реальность «*есть безгранична, бесконечная реальность, по самому своему существу данная всегда как целостная первичная самораскрывающаяся реальность открывающаяся самой себе...*». С точки зрения П. Тиллиха «...предельная реальность - это то, что ищут, и то, что выражают: в философии - на языке понятий, в религии - на языке символов. Философская истина содержится в истинных понятиях, касающихся предельного; истина веры содержится в истинных символах, касающихся предельного. Их соотношение - проблема, которой мы должны заняться» [Тиллих, 1995].

РЕАЛЬНОСТЬ СУБЬЕКТИВНАЯ – это реальность, в большей степени основанная на *интерпретации* человеком своего личного опыта через его ценности, эмоции, различные социальные факторы и поэтому склонная к нестабильности, к изменчивости.

Например, субъективная реальность (ее интерпретация человеком) может существенно меняться в зависимости от его эмоционального состояния.

Известно [Смит, 2003], что каждое направление в классической психологии (психологическая система или область психологии) по-своему трактует субъективную реальность. Выделяется, например, социокультурная реальность, экзистенциальная и много других видов субъективных реальностей. Причем, их название часто определяется тем (отдельным) субъективным признаком, который исследователь считает главным, решающим фактором, формирующим реальность (подобные субъективные реальности понимаются в книге как грани).

РЕАЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТНАЯ – (СУБЪЕКТНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ) - реальность, в которой существует «подлинное самосознание» субъекта, его самость, *душа* (образно выражаясь – это «обитель» души). По С. Л. Франку, - это первичная (для человека) реальность, которая дана ему изнутри, как почва, в которой он укоренен и из которой он произрастает.

РЕАЛЬНОСТЬ ЭМПИРИЧЕСКАЯ – основана на личном опыте человека (подобно субъективной реальности), однако, в большей степени она формируется эмпирическими данными, получаемыми человеком от органов чувств и поэтому (в сравнении с субъективной реальностью), она более стабильна, постоянна. Кроме того, в эмпирической реальности акцентируется именно *взаимодействие* человека с объективной реальностью. В широком смысле слова, эмпирическую реальность здесь можно трактовать как «*объединяющее начало всех субъективных реальностей*».

РЕКОГЕРЕНЦИЯ - процесс, обратный декогеренции, то есть переход от смешанных (классических) состояний к квантовым. Это процесс обретения системой квантовых свойств в результате ослабления обмена информацией с окружением.

САМОСОЗНАНИЕ (сионимично понятиям самости, души) в отличие от классической трактовки, образует тот слой реальности, который обозначен здесь как «субъектная реальность» (как часть Универсума, Предельной реальности).

САМОСТЬ - согласно методологии «Неклассической психологии», понятие «Самость» синонимично понятиям самосознания и души. Самость образует ту часть Универсума (Предельной реальности), которая обозначена как «Субъектная реальность».

СИНХРОНИСТИЧНОСТЬ - по К. Юнгу, под синхронистичностью, понимается совпадение психического состояния человека, во-первых, с соответствующим внешним событием, удаленным от наблюдателя *в пространственном отношении* и, во-вторых, совпадение с соответствующим будущим событием, *удаленным уже во времени*. В обоих случаях подтверждение совпадения может быть установлено только лишь «задним числом».

Известно, что Юнг не дает какой-либо точной дефиниции принципу синхронистичности, отмечая, что, с точки зрения этимологии, этот термин каким-то образом связан со временем, или, если точнее, с чем-то вроде одновременности. Вместо "одновременности", отмечает Юнг, мы можем также использовать концепцию "смыслового совпадения" двух или более событий, причем речь идет не о вероятности случая, а о категории случайности. Кроме того, он считал, что феномен синхронистичности невозможно объяс-

нить ни с позиции «энергии» (как какой-то силы действующей на расстоянии), ни на основе закона «причинности».

Полагаю, что в аспекте рассматриваемой здесь информационной теории психических явлений, для понимания принципа синхронистичности наиболее приемлемо универсальное понятие «информации», причем с обязательным учетом ее качественной специфики. Более того, в этом случае получает свое подтверждение и феномен «психологической причинности». Таким образом, «*синхронистичность*» и «*психологическая причинность*» являются, если и не тождественными, то, по крайней мере, подобными феноменами (возможно, имеющими одинаковую - информационную природу).

Отмечу, что с позиции квантовой физики феномен синхронистичности представляет собой один из способов получения уже существующей информации из других слоев реальности.

СОЗНАНИЕ – (см. Индивидуальное сознание).

СУБЪЕКТИВНО-ЭМПИРИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ представляют собой *сопутствующее* свойство психоинформации, определяющее необходимость в *актуализации соответствующей нейроинформации*, вызывая тем самым тот вид предстоящей активности, который будет проявлен человеком во внешнем поведении (деятельности). Таким образом, субъективно-эмпирические явления выполняют функции своего рода триггера (переключателя), «запрещающего» или «разрешающего» психоинформации актуализировать нейроинформацию и, связанную с ней внешнюю активность. Де-факто, речь идет о некотором «*финальном механизме*», завершающем процесс принятия решения о необходимости актуализации психоинформацией соответствующей ей нейроинформации (нейросети), констатируя осознание и принятие цели человеком.

Именно на этом, финальном этапе принятия решения, субъективно-эмпирические явления можно трактовать как императивы.

Также было отмечено, что только живой организм, имеющий знаковую систему (и обладающий *определенным уровнем осознанности*) способен порождать «субъективно-эмпирические явления».

СУБЪЕКТИВНОСТЬ соотносится с «душевной» жизнью человека, в отличие от «субъектности» соотносящейся с его «духовной» жизнью. Кроме того, именно субъективность в большей степени определяет *содержательный* аспект эмпирической реальности.

ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЕ – в широком смысле слова - это процесс выхода за пределы реальности. Трансцендирование – это атрибутивное свойство субъектной реальности, состоящее в ее способности проникать в другие виды (слои) реальности, например, в коллективное бессознательное (и далее в предельную реальность) и в объективную (эмпирическую) реальность. В трансцендировании – выражается активность «я» субъекта, поскольку трансцендирование возможно только посредством «я».

ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЕ, КАК ПРОЦЕСС «ВОЗНИКНОВЕНИЯ, РОЖДЕНИЯ» ЛИЧНОСТИ – «я», как часть самости, трансцендируя в объективную реальность, становится основой рождения личности. Этот вид трансцендирования уже по праву рождения дан каждому человеку и связан с формированием его личного опыта, с появлением у него личного прошлого и будущего.

ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЕ, КАК ПРОЦЕСС «ПРОНИКОВЕНИЯ» В КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ПРЕДЕЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ – этот вид трансцендирования

«я», как часть самости, доступен далеко не всем и связан с познанием человеком собственной души и предельной реальности.

УНИВЕРСУМ – некоторая «совокупность всего», активно используется в различных научных дисциплинах и областях культуры (особенно восточной) и, именно от них зависит какое конкретное содержание вкладывается в это понятие. Наиболее распространённые подходы включают философские учения, научные концепции космологии и физики, литературные фантазии и теоретико-множественный аппарат математики. В итоге, понятие «универсума» охватывает и философское, и научное, и культурное восприятие реальности как единого целого, интегрирующего физические, духовные и концептуальные аспекты. В содержании этой книги может быть синонимичен понятиям «Предельной реальности» и «Квантовой реальности».

ФИЗИКА КВАНТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ - под этим общим названием часто объединяют теорию запутанных состояний, теорию декогеренции, квантовую теорию информации и другие современные разделы квантовой теории [Доронин, 2009].

ЭГО - согласно методологии «Неклассической психологии», является носителем того, что в классической психологии принято обозначать как характер человека. Эго рассматривается как продукт «запутывания» личности с социумом.

ЭНТРОПИЯ - согласно Б. Грину [Грин, 2013], это характеристика того, насколько тонко упорядочена данная система, для того чтобы иметь такой вид, какой она имеет, причем, энтропия является мерой, скрытой в системе информации.

ЭСХАТОЛОГИЯ – учение о конечных судьбах мира и человека. Различают индивидуальную эсхатологию, как учение о загробной жизни единичной человеческой души и всемирную, как учение о цели космоса и истории, об их конце и о том, что за этим последует.

Я – согласно методологии «Неклассической психологии», та часть самости, самосознания, души человека, которая, трансцендируя в объективную реальность, становится основой для рождения личности (с этого момента начинается преобразование объективной реальности в эмпирическую реальность).

В процессе всего онтогенеза личности «я» остается субъектом «личного бессознательного», однако, по мере того, как личность все больше запутывается с социумом, «я» имеет тенденцию «уходить на второй план», уступая место субъекта «личного бессознательного» формирующемуся «эго». Являясь носителем того, что в классической психологии принято обозначать как характер человека, «эго» также формирует ценности и направленность личности, соответствующие, как правило, ее окружению.

Таким образом, чем больше влияние «эго», тем меньше человек стремится к духовным ценностям (соответствующим «я»). Как следствие, истинное «я» все меньше проявляется в индивидуальном сознании, которое теперь в большей степени занимает «эго» со всем его стремлением достигнуть определенного успеха в обществе.

Важно отметить, что «эго» не обладает способностью к трансцендированию в субъектную реальность (для него закрыта духовная реальность); такой способностью обладает только «я» (как часть души).

Если «я» трансцендирует в субъектную реальность, оно сливаются с самосознанием и это трансцендирование в терминах кванто-

вой физики представляет собой процесс рекогеренции, ведущий к увеличению меры его запутанности с «субъектной реальностью». Как следствие, это ведет к нелокальности («растворению») личности (прекращению или ослаблению взаимодействия с социумом, с окружением). По существу, этот вид трансцендирования может отражать либо некий медитативный процесс - процесс духовного «восхождения» человека, либо процесс его биологической смерти (смерти личности). Однако, во втором случае, весь жизненный опыт личности (вся информация личного бессознательного) посредством «я» переносится в субъектную реальность.

В завершение высажу еще одно предположение. Может возникнуть вопрос: почему «я» обладает способностью к трансцендированию, а «эго» - нет? Ответ на него можно дать, опираясь на феномен квантовой физики. Согласно вышесказанному, «я» - это *часть самости, души* человека, имеющая своим изначальным локусом субъектную реальность, как некую целостную систему. Следовательно, когда система (субъектная реальность) разделяется на части, выделяя «я», она, по аналогии с феноменом ЭПР, сохраняет информационную связь между своими частями. Эго подобной связью не обладает, поскольку порождается личностью.

Научное издание

ПРЫГИН ГЕННАДИЙ САМУИЛОВИЧ

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ
ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ**

Монография

Редактор: Г. С. Прыгин

Дизайн обложки: Мария Найшуль

Подписано в печать 17.09.2025 г. Печать цифровая.
Отпечатано с готового оригинал-макета. Гарнитура Times.
Формат бумаги 60x90/16. Объем 15 п.л.
Тираж 500 экз.

Издательство ММСИП
420097, г. Казань, ул. Зинина, 3
тел. (909) 308-05-33